

84 (2Poe=Рус)6
К Ю83

Станислав Юрченко

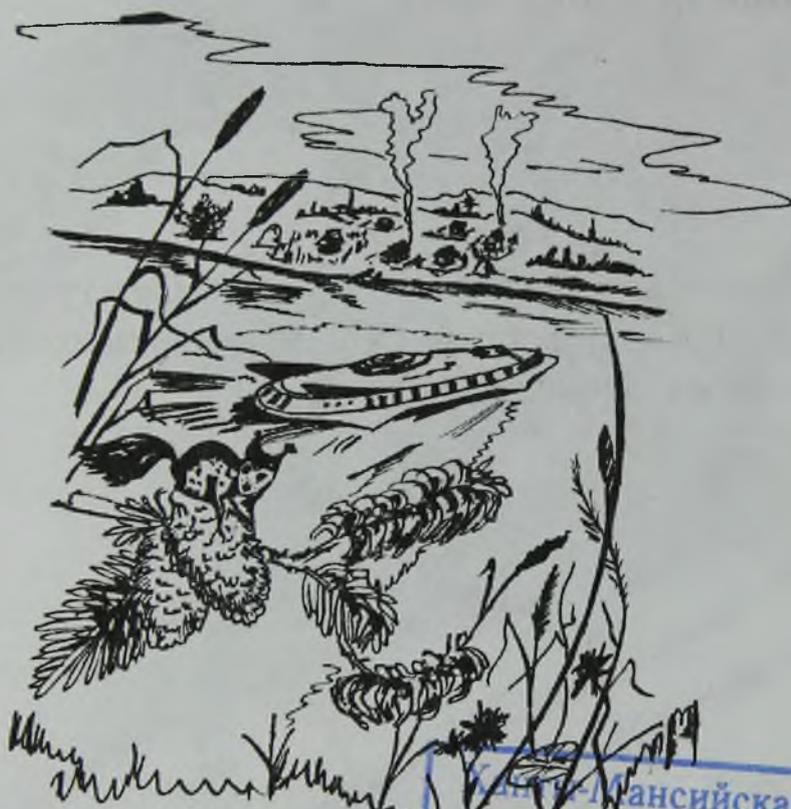
Облака
на закате

Станислав Юрченко

Облака на закате

Стихи, поэмы, проза

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

г. Советский
2002 г.

- 70216 -

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.
ХМАО

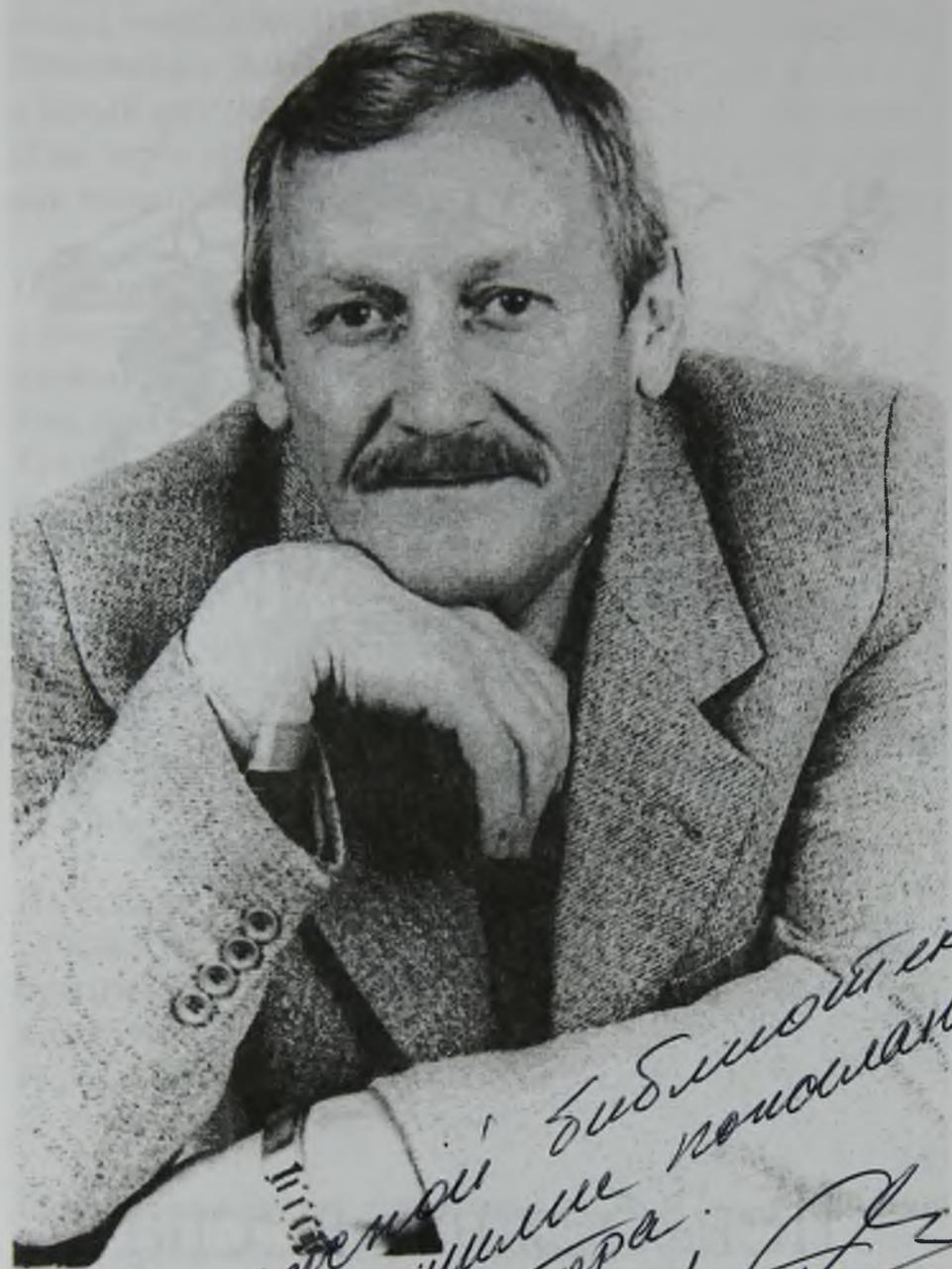
к ББК 84 (2Рое = Рус) 6
Ю 83

*В новую книгу поэта из г. Советский вошли стихи,
поэмы и, впервые, проза.*

Автор выражает благодарность Совету директоров ООО «Советское ССМУ» за финансовую помощь в издании этой книги.

ISBN 5-94007-003-5

УП ХМАО «Советская типография»

Скромный будничек
© Купюринские кончалки
от автора.

[Handwritten signature]
7.12.022

Неизбежна весна

* * *

Неизбежна весна, как пролог,
новых песен и новых дорог.
Обнажилась земля, запарила
в белый снег, как пасхальный пирог.
И на вербе дрожащий листок,
как письмо от тебя подарила.

Просыпается старый наш дом,
в блюде зеркала света излом,
хлебом пахнут любимые руки
и не снятым парным молоком.
Только зреет уже в горле ком
от предчувствия близкой разлуки.

Журавлиных небес синева
от безоблачных мыслей смела,
лед набух ноздреватый на реках,
вот такие творятся дела:
звоном плаваются колокола
над притихшей Россией от века.

На стволах обнаженных берез
ручейки застывающих слез,
брызги юной травы на опушках
новый день акварелью нанес.
И резвится щенком старый пес,
да пророчит беду мне кукушка.

Приговором звучит этот счет
мною придуманных строчек и нот:
время редких, случайных свиданий,
как песок между пальцев течет.
Наплевав на исход предсказаний
я играю с судьбой в “чет, не чет”.

Но однажды в далеком краю
одолею привычку свою,
возвращая прожитые годы
у крыльца нашу песню спою.
И подхватят весенние воды:
я вернулся к тебе,
я люблю.

апрель 2000 г.

* * *

Крутояр над речкою моей,
остяками названной Супрою,
старая избушка химарей
под согнутой ветрами сосною.
Сколько раз, неведомо, с тобой
к этим берегам мы возвращались,
и опять по-новому влюблялись
в тишину над стылою водой.
Закопченный, мятый котелок
у огня давал напиток чаю.
И лисенок, пойманный случайно,
тоже часть твоих не спетых строк.
Пронеслось немало разных дней,
но осталось все, что наболело:
капля алой ягоды на белом,
и кусочек неба меж ветвей,
отблески далеких факелов,
сонный час полуденного зноя,
и какой там, никакой улов,
иногда подаренный тобою.
Круг распался наш, прервалась нить:
кто ушел совсем,
а кто далече,
Время от потерь вчерашних лечит,
но не все умеет излечить.
Первый снег и прошлые грехи
связаны с тобою неразрывно.
Потому так тонко и надрывно
осень декламирует стихи.

сентябрь 1999 г.

* * *

Заячий след на снегу.
Март.
Начинается гон.
Меткий эпитет в строку
лег, так в обойду патрон.
В бронзе горела свеча,
падали тени на мех,
помню, как будто сейчас,
музыку, слезы и смех.
Светлых волос завитки
шелком на плечи легли.
Как мимолетно редки
эти мгновенья любви.
Темный коньяк в хрустале,
искорка света в глазах,
словно рубины в золе
на прогоревших кострах.
Не осознал до конца:
видно привиделся мне
профиль родного лица,
тенью мелькнувший в окне,
дом у застывшей реки,
губ полыхающих зной,
прикосновение руки,
пахнувшей ранней весной.
Легкий летит карандаш,
рифмы рождая в душе.
Вот и окончился наш
сказочный вечер уже.

март 2000 г.

ФАНТАЗИЯ

Смеркалось.

Настольная лампа

по желтому полю эстампа
рассеяла тускло пятно.

Дымилась в руке сигарета
и древние лики в багетах
глядели со скукой в окно.

В прокуренный мрак кабинета
незримой песчинкою света
впорхнула в открытую дверь
мечта о утерянной сказке,
окрашенной в яркие краски
находок былых и потерь.

Рукою флейтистка манила
с папируса древнего Нила,
даруя блаженство и смерть.

И волны Эгейского моря,
как будто друг с дружкой споря,
спешили разбиться о твердь.

Играли фагот и кларнеты
в оркестре невидимом.

Где-то,
за льдисто замерзшим стеклом,
шумела метель над рекою.

А кто-то моею рукою
чертил на бумаге пером
ветвей оголенных изломы,
и профиль до боли знакомый,
и школьный фасад за углом.

И здесь,
в нарисованном мире,
играл на золотой лире
седой и незрячий Боян,
созвездия в небе двоились,

а русские витязи бились
под вопли ристалищ троян.
Все смешано; как в хороводе:
царь-батюшка в валенках ходит,
а рядом Емеля и печь.
А дальше,
под пальмами сада,
на римский манер колоннада
и древняя кельтская речь,
Отринув закон притяженья
летали драконы саженьи,
раскинув косые крыла.
Пуская избранницам стрелы
тревожным набатом звенела
в излучке тугой тетива.
Качались в окне занавески
и падали света обрезки
на холст, потемневший картин.
А там оживали пастушки
и Эрос плясал на опушке
под пьяные крики мужчин
и ветреных женщин.
А дальше,
луна отражалась без фальши
в стеклянных озерах зеркал,
где белые лебеди плыли
и белыми крыльями били
о пенную воду у скал.
Шумели листвою аллеи
и красные маки алели
в цветущих полянах окрест.
Колосья не сжатого хлеба
тянулись в открытое небо
и плыл над землей благовест.
Считала, желанью послушна,

мне долгие годы кукушка.
В ковре разнотравья у ног
роса изумрудно искрилась.
И мамы улыбка светилась:
куда ты, покушай, сынок!
А я, босоногий мальчишка,
забросив тетради и книжки,
летел, закусив удила.
Загадочный мир распахнулся...
Но тут я внезапно проснулся,
и понял,
что старость пришла.

Анталия, сентябрь 2000 г.

НА СУПРЕ

Соберу-ка я удочки снова,
у жены разрешенья спрошу,
на Супре, в ожидании клева,
чистотою тайги подышу.

Тут мне все, словно с детства, знаком о:
каждый кедр и рябиновый куст.

Ничего, что не близко от дома
и садок приготовленный пуст.

Вот костер, где когда-то с друзьями
под закуску нехитрую пил,
и хвалился такими язями,
что тут сроду никто не ловил.

Эти байки, конечно, неплохо
знает даже последний балбес
И здоровый, раскатистый хохот
оглашал засыпающий лес.

А костер начинал свои искры
горстью в звездное небо бросать,
да летели опавшие листья
на речную, застывшую гладь.

Кто-то, встав за водой спозаранку,
котелок утопил невзначай,
и пустою консервною банкой
кипятили забористый чай.

Волны били с ускоренным ритмом
о проснувшийся берег реки.

И рождались нехитрые рифмы,
превращаясь в простые стихи.

Я живу с этим вместе,

И знаю:

здесь исток мой, во веки веков.

Запах хвои водой запиваю
из твоих голубых родников.

Обойдя омута и заливы,

выбрав самый уловистый плес,
я сижу совершенно счастливый,
что-то там напевая под нос.

Анталия, сентябрь 2000 г.

* * *

В нашей жизни, полной впечатлений,
пьяной брани и полит-острот,
кто у власти и кормушки-гений,
а кто пашет землю-идиот.
Главный- тот, кто выше, и не меньше,
остальные- черви, дым и прах.
Этим прахом затыкают бреши
и латают дыры на штанах.
От пустых трудов ломотит кости,
кровь сквозь поры кожи, боль к виску.
С чувством непереходящей злости
заливаю «горькою» тоску.
В этой нерешаемой дилемме
жизнь и опыт сути не несут:
ждет Россия чудного мгновенья,
ковыряя пальчиком в носу.
Спит родная.
Видно не приспело,
не настало время созидать.
Мечемся по свету ошалело,
воскликая: мать, да перемать.
И пока от водки отупело
созерцаем в полусне бедлам,
все, кому не лень, из всех пределов
тащат по сусекам и углам.
Растуды их всех!
Эх, были б силы?
Только, видно, крыльев не дано.
Вечно жить подранками России
нашим поколениям суждено.
А, ведь, были люди, право дело.
Измельчали.
Строить- не ломать.
Господу, как видно, надоело

нас убогих нянчить и спасать.
И сегодня чей-то дом в Париже,
кто-то на Канарах ест пити.
Я же, как толпа, в навозной жиже
все пытаюсь истину найти.
И ору нескладные сонеты
хнычущей о прошлом голытьбе,
ладно б о любви,
а то об этой
люто ненавидимой судьбе.
Не рифмую слово, просто вою
в каждом окончании строки,
как Есенин, пьяной головою
то и дело бьюсь о косяки.
Голова гудит чугунным чаном,
гулко в непроглядной темноте.
Пусть меня считают хулиганом
эти приближенные и те.
Но когда блеснет искра просвета
в полупьяный, помутневший зрак,
снова ямбом напишу про это,
и в конце поставлю жирный знак.

октябрь 2000 г.

ПЕСЕНКА О СУДЬБЕ

Сегодня я в печали,
ругаюсь сам с собой:
вчера меня венчали
с распутницей судьбой.
Ах, ветреная девка,
своей забавы для,
сказала: путь к успеху
прокладываешь зря.
Как будто понарошку,
со сна глаза разув,
подставила мне ножку
и сделала «козу».
И покатился круто
колбаской под откос.
А рыжая лахудра
целуется взасос,
туманит все, морочит
под серебристый смех:
то гибель мне пророчит,
то деньги, то успех.
То манит за собою
округлостью плеча,
а то звериным воем
пугает по ночам.
И ведаю, недолго
беды мне ожидать
и, что однажды по лбу
я получу опять.
Но вновь бреду за нею,
на грудь пустив слюну
и от истомы млею
у Эроса в плену.
Судьба моя, злодейка,
вцепилась, как жена:

с ней пошалить посмей-ка,
отведаешь сполна.
Вот почему я мрачен
и скучен много лет,
весь капитал истрачен,
копейки даже нет.
Да, ладно, я бедовый,
не мало лет прожил.
Под дом ее еловый
я бомбу подложил.
Злорадно спичкой чиркнул,
в убежище залез:
так грохнуло, что всхлипнул
присев окрестный лес!
Как выжила, поганка,
сам не возьму я в толк?
Эх, жизнь моя - жестянка,
а я тамбовский волк!

октябрь 2000 г.

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

* * *

Устаю от непрошенных дел,
повседневной, пустой суеты.
Старый парк за окном поседел,
а вчера еще был золотым.
Посеревший небесный ковер
дышит воздухом звонким зимы.
Осень поздняя.
Гаснет костер.
Тлеют угли.
И мечемся мы
на углах незнакомых дорог,
указателей нет, хоть кричи.
Да и будет ли в надписях прок,
если выронил где-то ключи
от заветных дверей.
Боже мой,
впереди все снега, да снега.
След извилистый ляжет за мной,
словно песни прощальной строка,
где звучит одиночества боль.
Но кому за ошибки пенять?
Обвиненья бессмысленны, коль
не сумели судьбу обыграть.
Не могли слишком гордые мы
обуздать закипевшую кровь.
Разлетелись на три стороны
наши годы,
мечты
и любовь.
Вереница мелькающих дней
ускоряет стремительный бег,
а полозья летящих саней
режут свежий, ноябрьский снег.
Неизвестен конечный маршрут:

повезет, или голову прочь?
Накрывает последний приют
плащаницею звездная ночь.
И когда метрономом часы
отсчитают предписанный срок,
брошу сердце свое на весы,
как протухшего мяса кусок.
И его перевесят грехи.
От утрат идеалов больной
настрочу озорные стихи,
хохоча и глумясь над собой.
Ухитрится ль шальное перо
описать пережитого суть?
Понимаю, что лето ушло
Навсегда.
И пытаюсь заснуть.

ноябрь 2000 г.

* * *

Запотевшие отекла.
Надоевшие мысли.
И за окнами темно-багровый закат.
Снова оттепель.
С крыш языками повисли
ленты мокрого снега на серый фасад.
Отступила зима.
Ненадолго, конечно.
Завтра снова ударит ноябрьский мороз.
На небесном холсте
свои вечные свечи
зажигают соцветья мерцающих звезд,
Вот такие дела.
Редкий снег пролетает.
В теплом доме моем тишина и покой.
За оконным стеклом тенью зыбкою тает
силуэт твой,
махнувший прощально рукой.

ноябрь 2000 г.

* * *

Подвожу итог проигранных битв,
коронованный терновым венцом.
И слова из покаянных молитв
высекаю на надгробьях резцом.
Погребенные под каждой плитой
здесь дела и прегрешенья мои,
а кладбищенский застывший покой
гарантирует нетление их.
Вот, суровая гордыня моя
и язвительность, острее ножа.
Обелиски, что над ними стоят,
не покрыли паутина и ржа.
Там, пороков нескончаемый круг,
и предательств безымянная рать,
и по зову отпевающих труб
все готовы из могилы восстать.
Апокалипсис в моей голове,
ближе исповедь и ангелов зов.
Но раскаяться- мне это внове!
Хрен вам с редькой?
Извините, что зол.
Так воспитаны:
ни шагу назад!
Рубим лес:
ну, значит, щепки визжат!
Ордена, как на последний парад,
одеваю на потертый пиджак.
И в шеренгах обезумевших глаз,
мертво стиснутый орущей толпой,
я шагаю, все решивший за вас,
на последний и решительный бой.
Да, и что мне остается?
Мосты
жечь, из морок совершая побег,

за иллюзией,
во имя пустых,
ложных принципов и странных побед.
Рай далек, как отголосок грозы,
ад не ближе: тоже топтать еще.
Где-то тикают возмездья часы
и ведут свой изнурительный счет.
Не пугаясь отлученья, в стихи,
словно водку, лью неверия яд.
Неприступным частоколом грехи
между вечностью и мною стоят.

ноябрь 2000 г.

ВАЛЬС ОПАВШЕЙ ЛИСТВЫ

Тусклое солнце в закате.

Березы печальные.

Да почерневших в окне тополей неглиже.

Листья метелью.

И свечи оплыли венчалные
в той нашей жизни счастливой,
забытой уже.

Что ж, увяданье природы, оно так естественно,
как седина у меня на висках, хошь, не хошь.

А на осенних полянах так звонко и песенно
пробует силы шальные свои молодежь.

Неотделимо от юности чувство беспечности,
да, и зачем им сегодня грустить, молодым?

Вместе с годами приходит понятие вечности,
а с пониманием этим сомненья и дым.

Дым сигареты.

И дым от камина, где рукопись
нашей любви догорела.

Наивная ложь.

Наши с тобою поступки нам так и аукнулись:
видно, что сеешь весной, то осенью жнешь.

Света фонарного всплеск-
апельсином раздавленным,

орден луны-

серебром на небесной груди.

Все недоступнее цели,

что нами поставлены.

Листья метелью.

И трудно в метели идти.

Если подумать,

то станет понятно, случайно ли

в нашу святую обитель прокралась беда.

Тихие слезы твои, поцелуи прощальные.

И отъезжающий поезд.

Уже навсегда.
Ветер и дождь.
Акварелью размыты и смазаны
в красках осенняя жертвенность и благодать.
Листья метелью.
И что может проще быть сказано?
И не прибавить уже ничего, не отнять.

ноябрь 2000 г.

* * *

Вечер.

Одиночество.

В тиши

тикают настенные часы.

Безысходен времени отсчет:

день за днем летит,

за годом год.

Снегом белым занесло двory.

Сколько зим метельных с той поры
пронеслось и кануло в ничто?

Одеваю старое пальто,

и бреду из дома в никуда,

в те, давно забытые года,

где за повседневной суетой

летний сон, подаренный тобой.

Там, где нет обид и бранных слов,

где в миру господствует любовь,

где несет нас времени река

через гребни гор и облака

в ясную и солнечную даль,

где светла и трепетна печаль,

где глаза счастливые твои

властвуют, гармонию скроив

из холста семейного шатра.

Здесь танцуют юные ветра,

и свирелью звонкий смех детей,

стаи гордошеих лебедей,

пышные ковры цветных полян,

воздух в белых рощах свеж и прян,

в праведное веруют без слов,

и ликует звон колоколов.

Рук твоих ласкающих кольцо,

прядь волос волною на лицо,

и слова, как всполохи огня,

опьяняют радостью меня.
Но плетет мне Парка свой узор:
я вернусь в забытый Богом двор,
и войду опять в пустынный дом,
словно приготовленный на слом.
И доверюсь вновь карандашу,
и тебе об этом напишу:
вечер,
одинокчество,
в тиши
тикают безрадостно часы.

ноябрь 2000 г.

ДОРОЖНАЯ БАЛЛАДА

Мороз за сорок.
Улица в тумане.
Как надоела вечная зима
в краю берез простуженных.
В стакане
налита водка.
Сонные дома
уже погасли окнами.
Не худо
сидеть на кухне возле батарей.
Давай, скорей освобождай посуду
и повторим.
Что, крепкая?
Запей.
В такую стужу надо для сугрева,
закусывай: вот сыр и колбаса.
Ну, будем!
Что глядишь так, королева?
Мы отбываем через два часа.
Ты что такая грустная, подруга,
сидишь так, словно сердце сжав в горсти?
Поди-ка, глянь, не началась бы вьюга,
а то застрянем где нибудь в пути.
Поклон тебе, красавица, за ласку,
таких теперь не часто можно зреть.
Заметна деревенская закваска:
сумела накормить и обогреть.
Эх, мужика тебе бы, недотрога,
такого, чтоб обнял и- наповал.
Ах, есть уже?
Ну, значит, слава Богу.
А ты, Лексей, молчи, ты все сказал.
Не обижайся.

Он еще младенец,
не нюхал, бедолага, что по чем.
Будь так добра, добудь грибков из сенец,
а то всухую, словно тати, пьем.
Куда спешим?
Да. все дела-делишки,
а если ждать, то всем срокам кранты.
На интерес пробросимся в картишки?
Сдавай, малец, я здесь бугор, не ты.
Ты не смотри, душа, я сам такой же:
и лес валил, и землю ковырял.
А. что осталось мне?
Рубцы на коже,
да волосы и зубы растерял.
Была семья.
А, нынче - одинокий.
Одна работа: трасса, да балки,
и вечно поджимают эти сроки,
и грузы, как обычно, не с руки.
Зимой снега и вечные поломки,
а летом - комары и мошкара.
Одно лишь примиряет: песни звонки
у каждого бивачного костра.
И люди, ах, мой Бог, какие люди,
что ни типаж, то гений и герой!
Особенно, когда о похмелья будят.
Но, в целом, все народ-то трудовой.
Зазубренный, поломанный о север,
не сдавшийся.
Тем близок для меня.
Такой, как ты, девчонка, королева,
каштанов натаскает из огня,
Смеешься, зная оттаяло сердечко,
еще красивей, если весела.
Эй, малый, принеси-ка дров для печки,

да и проверь, как там идут дела.
Дай расцелую.
Между дел привычных
пошли за нас Спасителю слова,
и вспомни постояльцев горемычных,
и пожелай добаться до тепла.
Сегодня путь не дальний, не короткий:
в Пыть-Ях.
Как вспомню - вывернет слезу.
Он нужен нам, как черт на сковородке,
и мы ему нужны, как сор в глазу.
Что там машины?
Разогрели вроде.
Пора и честь знать.
Вообщем, прощевай!
Спасибо нашей матушке-природе
за встречу эту.
Леха, запевай!
“Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем табака,
я коньячку принял полкило...”

декабрь 2000 г.

ИСПОВЕДЬ ЛОВЕЛАСА

Говорили, лицом я - Кирк Дуглас,
был такой знаменитый артист.
Обнаглев, с легкой долей испуга,
я играл свои роли на «БИС».
Был пострижен всегда и наглажен,
знал у женщин немалый успех,
и молот несусветную лажу,
свысока озираясь на всех.
Шли года, я менял свои маски,
задубев в холодах и жаре.
Полиняли весенние краски:
стал похожим на Жана Марэ.
- Ах, мужчина! - шептали подруги.
Меж осколков разбитых сердец,
не имея узды и подруги,
я шалил, как степной жеребец.
Эх, как весело было и славно,
разгулявшись, на воле блажить,
на испанских песках Коста-Браво
прожигать окоянную жизнь.
Слава Богу, всего мне досталось:
бюстов плоть, простыней кружева.
Целовал распаленных весталок,
корсиканских омаров жевал.
-Что за душка! Ну, просто, Сталлоне,-
ошалев восхищались они.
И несли меня в розвальнях кони,
да мелькали прожитые дни.
Становились закаты короче
и длиннее ночные часы,
да морщины ложились, как строчки,
да пожухли под носом усы.
Отступили кураж и удача,
холода подступили и снег.

Я пытался распутать задачу,
чтоб замедлился времени бег.
Но постигнув ударов науку
и слегка от нее одурев,
я похож на облезлую суку,
что живет у меня в конуре.

декабрь 2000 г.

НОСТАЛЬГИЯ

Я куплю на поезд фирменный билет
и поеду в город пламенной мечты,
в тот, в котором не был я пятнадцать лет,
и в котором проживаешь ты.

Знакомой улицей,
водой залитою,
пойду со станции
через грозу.

Пойму, не сбудутся
слова забытые,
и, как в прострации
смахну слезу.

У знакомых окон молча постою,
огляжу шеренги старых тополей.

Лиц твоих прохожих я не узнаю,
город вечной юности моей.

Под этим тополем
в года далекие
свиданья пылкие
знал невзначай.

Глаза широкие
и платье легкое.

Цветной косынкою
мелькнешь - прощай!

Исчезает легким облаком печаль,
между мной и прошлым тоже нет обид:
не сложилась повесть, как хотелось, жаль.

Что поделать, каждый сам творит.

Я вдруг по новому
взгляну на прошлое:
ошибки вечные
себе простим.

Ведь все вчерашнее,

совсем не пошлое:
там легче дышится
и слаще дым.
Развернусь и по аллее побреду.
Не вернуть объятия сладкие твои.
Так случилось, что накликали беду,
те слова прощальные мои.
Да, ладно, встретился
с девчонкой-юностью.
Забудем, милая,
все, что сказал.
В душе отметина
вчерашней глупости.
И тает в сумерках
пустой вокзал.

декабрь 2000 г.

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ

Предвосхитив поход, не знаю как,
я чувствую движение ветров,
и снова собираю свой рюкзак,
да песни для стояночных костров.
В карманы разложу нехитрый скарб:
блокнот для редких рифм, карандаши.
И погружаюсь под команду «старт»
в иное состояние души.
Здесь нет ни различий, ни обид,
лишь к ближнему любовь и доброта,
и с дымом поднимается в зенит
простая и понятная мечта.
В ней шепот трав и пенье звездных труб,
восхода солнца кумачовый дым,
прикосновение горячих губ
и состраданье к ближним и родным.
Неразделим годами узкий круг,
где знают все друг друга, кто по чем,
где чувствуешь поддержку и плечо
друзей своих и ветренных подруг.
В синхронном ритме бьющихся сердец,
истоках понимания причин
мы все едины: зрячий и слепец,
без скидок на признание и чин.
Пусть нам поет гитара о любви,
о тех, кто о нами нынче быть не смог.
Мелодию нехитрую лови
и песней возвращай, как чести долг.
Шагая по нетронутой тайге,
пью этот терпкий воздух, как бальзам,
от скуки утомительной в судьбе
и боли от перенесенных ран.

А там, за горизонтом, новый мир,
в котором тает ночь и ждет рассвет.

И я ваяю рифмами амбир,
которого еще на свете нет.

декабрь 2000 г.

ПОЭТАМ

То падая,
то снова поднимаясь,
мы ищем в этой жизни без конца
зеленых листьев солнечного мая,
улыбки доброй близкого лица,
счастливых звуков радостного смеха,
и женских ласк, пьянящих наповал,
широкого и громкого успеха,
любви детей, признанья и похвал.
Но чаще нам приходится сражаться
и получать от жизни тумачи,
о камни неприязни спотыкаться,
стирая бесконечные плевки.
А публика хохочет до икоты,
когда души разомкнуты уста,
и строчек окровавленные ноты
срываем с губ, взойдя на пьедестал.
Терпи поэт, удел твой однозначен,
награды невесомы и редки.
И нет другой дороги в мир,
иначе,
зачем все эти чертовы стихи?!

декабрь 2000 г.

РОЗА ВЕТРОВ

Вот и кончилось все.

Отшумели застолья.

Угли наших костров обратились золой.

Покидаю тебя, город счастья и боли,
поцелуев и слез.

Уезжаю домой.

Тополя за окном на пустынном перроне
мне махают ветвями, прощаясь на век.

И уносит меня в полутемном вагоне,
от таежной глуши и задумчивых рек.

Увожу в рюкзаке не написанных строчек,
виртуальных поэм перепутанный груз.

В них звучит, как струна, голос северной ночи,
синей розы ветров ненадежный союз.

Как мы рвались сюда, окаянные дети,
кто за длинным рублем, ну, а кто за судьбой.

Приносил нам любовь юго-западный ветер,
самый теплый из всех над югорской тайгой.

И по зову трубы, призывающей к бою,
от любимых и жен уходили в бега.

По стальным проводам с обжигающим воем
полоумный норд-ост приносил нам снега.

Отступала зима,

Все кончалось когда-то.

Лед ломало на реках.

Не зная границ,

пелена облаков - белоснежная вата
уходила на север со стаями птиц.

Наши поиски истины что-то, да значат.

Свежий ветер с озер открывал нам глаза,

И несла нас к свершениям вера в удачу,
подставляя под ветер свои паруса.

Неизбежны потери: мы вовсе не боги,
неразбавленный спирт, как бальзам от тоски.

И опавшей листвой засыпало дороги,
да ложилась как снег, седина на виски.
В этой схватке с собой не нашел я признанья.

Да, и мог ли найти, не страдая?

А, жаль.

Человек без любви, умножающий знания,
остается один, умножая печаль.

декабрь 2000 г.

ВЕЧЕРНИЙ ПОЛЕТ

Садимся в кресла, пристегнув ремни.
Надрыв турбин.
Разбег.
Короткий взлет.
Из прошлого пульсирует родник,
по руслу нашей памяти течет.
А под крылом югорская земля,
да всполохи далеких факелов.
В тени, за горизонтом ловит взгляд
огни уже знакомых городов.
Как были юны и беспечны мы,
когда сюда нас бросила в прорыв
в преддверии проказницы зимы
судьба в балки таежных буровых.
И те, почти забытые года,
где цвел огнем таежный окоем,
мы вспоминаем с теплотой всегда,
по будням и за праздничным столом.
Наш первый тост за тех, кто с нами был,
кто в землю лег, сроднившись с ней навек.
Прекрасен ангел их и белокрыл,
как падающий в мае белый снег.
Не чокаясь.
Пусть будет пухом им
суровая и нежная Югра.
Им вестью в поднебесье-легкий дым
горящего над берегом костра.
Им памятником- вышки и мосты,
визирных трасс прямая колея,
набитые дорожные кресты
и взрослые, седые сыновья.
И этим детям продолжать наш бой:
любить, рожать и строить города.
И выбор, нами сделанный с тобой,

не так уж плох, как думалось тогда.
Второй бокал за тех, кто здесь в строю
с тобою рядом, друг, чеканит шаг.
Пусть ветры параллели им поют
о доме том, где топится очаг,
за тем лесным увалом, где река
с названьем Конда бьется сквозь пески,
и женская, горячая рука
прикосновеньем лечит от тоски.
Мой третий тост за близких и родных,
за тех, кто нам уверенность дарил,
за преданность и соучастье их,
которыми я здесь дышал и жил.
А, что же дальше?
Нам верстать дела,
пока свершений пишется строка.
И верить в то, что белые крыла
нас унесут, подняв, за облака.

декабрь 2000 г.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

/в интервале лет/

1.

Напиши мне пару строчек
о тайге, о синей ночи.
Напиши мне, если хочешь,
за кого в невесты прочат.
Объясни, со мною споря,
цену радости и горя.
Отчего глупеют в споре
и заискивают в ссоре?
Отчего грустить - напрасно,
а смеяться - неуместно?
Отчего твердят - неясно,
если все давно известно?
Ищут бурь в воде стакана
и пасуют перед силой.
Отчего не хочет мама,
чтобы ты меня любила?

1973 г.

2.

Отчего мне так трудно забыться,
перекинув листы бытия?
Испещренные эти страницы –
беспокойная совесть моя.
Эту книгу мы чтим, как молитву,
как начальничий чин на Руси,
бережемся, как лезвия бритвы.
Ох, прости нас Господь и спаси.
Наши подвиги и прегрешенья
там расписаны в каждой главе.
Не стереть.
Не исправить решений,
что родились в пустой голове:
возбуждающий миг увлечения,

откровенный и сладостный блуд,
незаконных потомков рождение,
вождельня болезненный зуд.
Здесь разложены, словно в романе,
похожденья, имевшие быть,
клещи страха и кукиш в кармане
тем, кому не сумел возразить.
Графоманству - отдельные строки,
в них тщеславных желаний лицо.
Знать, пошли не на пользу уроки,
преподанные в детстве отцом.
Правда, есть и приятное тоже,
все подсчитано и учтено:
сколько выпало будней погожих
и ненастных.
Такое кино.
И Фемиде идя на уступки,
опасаясь не дремлющих псов,
я бросаю дела и поступки
в приподнятую чашу весов.
Равновесие сердцу милее,
и спокойней, скажи, не скажи.
Но висит, словно гиря на шее,
бестолково прожитая жизнь.

декабрь 2000 г.

О ПОЛЬЗЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТРУДА

Скука.

Ходики: «чок»-»чок».

Образа над свечкой.

Надоедливый сверчок

шебуршит за печкой.

Намело сугроб к окну.

Вечер.

Потемнело.

Автор, глядя на стену,

замышлял новеллу.

Про любовь творить легко:

знай читатель наших.

Наливает молоко

в чашку пшенной каши.

Облизнулся.

Помрачнел.

Не идет творенье,

а, казалось, всех-то дел.

Но сюжета звенья

не даются.

Ну, завал.

Походил по хате.

Напишу-ка мадригал

старой тетке Кате.

Пусть порадуются хоть

бабкины родные.

Дров бы надо наколоть.

Э, да ладно.

Иней

лег на темное стекло:

видно холодает.

Время струйками текло,

в прошлом пропадая.

Чай кипит: пора попить.

Пожевал конфету.
Где ты, Ариадны нить,
выбраться в поэты?
Может лечь, чтобы к башке
кровь прилила шибче?
Лег.
Глядит на потолке
тараканий живчик
лихо топают к печи.
Черт с ним, лень подняться.
Ну, не хочет, хоть кричи,
ода сочиняться.
Может что-то проглядел
в книжке о поэтах.
И всего, каких-то дел,
настрочить про это.
Что ль включить магнитофон,
да глотнуть культуры?
И заснул спокойным сном
раб литературы.

декабрь 2000 г.

* * *

Проходит наше лето незаметно.
Лист пожелтевший падает с ветвей.
В морозной высоте зимы примета -
далекий клин летящих журавлей.
Как быстро облетел с событий глянец
и поцелуев страстных тает сон.
Природа ноты угасанья тянет,
как старый, довоенный патефон.
Июльские вечерние закаты
отгрезили и канули в ничто.
Где те теперь речные перекаты
и ночи наши жаркие?
Никто
нам не вернет кувшинок Арантура,
целебный аромат сосновых грив,
брусничные поля в распадках хмурых
в огранке беломошника.
Пролив
свои дожди исчезнет хмурый август,
сентябрь свои одежды раскроит.
А наш союз в чаду раздумий праздных
отпразднует открытия свои.
Но что-то будет по ночам тревожить,
как череда незавершенных дел.
А, память все по - новому разложит,
совсем не так, как вспоминать хотел:
и тот последний вечер у камина,
слезинок перламутры на щеке,
мой равнодушный голос паладдина
и щелкнувший, как выстрел, ключ в замке.
Замрут часы в немом оцепененьи,
споткнувшись о незримое зеро.
Я закричу: остановись мгновенье!
Но маятник опять качнет его.

Ну, а зима седую плащаницу
набрасывает на земную твердь,
и нежность, словно пойманную птицу,
пытается заставить умереть.
Ложится первый снег.
Оцепенело
застыл наш парк и зеркало воды,
и лист дрожит последний ошалело,
готовый вниз сорваться с высоты.
Давай забудем прошлое, подруга,
обидные и горькие слова.
Не обойтись нам, радость, друг без друга:
судьба, как неизбежное, права.
Растает тень вчерашнего испуга
в твоих печалью тронутых глазах.
А я гляжу в окно, где плачет вьюга,
и ветер рвет на части небеса.

декабрь 2000 г.

* * *

Мы в стране дураков не привыкли к безделью,
в полночь поле чудес сеем с пьяной башки.
И собрав урожай, раньше срока седеем,
перепутав опять корешки и вершки.
Был усатый бугор, стал тщедушный и лысый,
было НКВД, а теперь ФСБ.
Но все так же зерно делят серые крысы, .
чтоб не вымерли - нам, остальное – себе.
Правда, стал не террор, а свобода и гласность.
Только лоб кровянит, как терновым венцом.
Каждый ражий дурак рвется исподволь к власти,
а взобравшись на верх, бронзовеет лицом.
Ловко скрывшись от глаз в теремах и дубравах,
позабыв, что такие же вообще скоты,
эти слуги народные делят державу,
загодя за кордон перекинув мосты.
Ну, а тот человек, что на главном разъезде,
сладко речи поет о грядущей судьбе,
руку сжав в кулачек, обещает возмездье
несогласным с В.В., и т.д., и т.п.
Только Васька все ест, а Ворона - раззява,
правда есть еще Лебеди, Щуки и Рак.
И корячится в схватках больная держава
и на может в срока разродиться никак.
То морозит ее, то в огне лихорадит.
А, народ? Что народ? Тихо горькую пьет.
Он народ, что дитя: то насыт, то нагадит.
Да, и что это вообще такое, народ?
Эх, Россия, никто так тебя не колодил,
в бурной жизни твоей было все, но не так:
сохранялась в элитной и чистой породе,
отстреляв в одночасье бродячих собак.
Над твоими церквями высокое небо,
а внизу кровоточит и стонет земля.

Бог, конечно, не выдаст.
Но воли и хлеба
дождаться на паперти храма нельзя.

декабрь 2000 г.

АЯНСКИЙ ВМЪС

Костер разгорелся.
И лапник настелен.
И звезды погасли в ночи.
Мы снова вернулись сюда, как хотели.
Приятель, давай помолчим.
Ты слышишь:
тревожатся птицы на скалах.
Да, слышу:
приблизился шторм.
Помянем всех наших товарищей шалых
и старую песню споем.
Как здесь мы с тобою и с ними когда-то
творили судьбу без затей.
А ночью во снах приходили девчата,
тревожась без наших вестей.
В цветных сарафанах и шелковых платьях
нас ждали в больших городах,
а нам лишь хотелось негромкого счастья
и веры в любимых глазах.
Ты помнишь?
Да, помню: палатки сырые
и птичьих базаров разбой,
извилистых речек пески золотые,
да ветер холодный и злой.
Сквозь тучи свинцовые солнца осколок
катился кроваво багрян.
Качало Охотское море поселок
со странным названьем Аян.
А скалы извилистой бухты угрюмо
под волны подставили грудь.
И хрипло скрипели шпангоуты в трюме,
никак не давая уснуть.
Молчали покрытые стланником горы.

Как знак, подводивший итог:
награда российских полей и просторов,
в кипящем прибое цветков.
Ты веришь?
Да, верю: мы снова вернемся
и выпьем за тех, что ушли.
И купол небесный над нами качнется
в широких ладонях земли.
А там, где сегодня живем мы и дышим,
где пашней встречаем весну,
там синее небо повисло над крышей
и яблоня в белом дыму.
В предчувствие бури не веривший сроду,
увидев цветок на столе,
я тут же поверю в капризы погоды
на той необжитой земле.
Порывистый ветер завоюет метелью
над кряжем.
И стихнет в логу...
Я вспомню косые и темные ели
на белом аянском снегу.

декабрь 2000 г.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

В предчувствии лучших известий,
дорожных скитаний и вьюг,
знакомую, старую песню
я вам на прощанье спою.
Наполним весельем стаканы
и вспомним, избранныки муз,
весталок,
сердечные раны,
и наш нерушимый союз,
уснувшие стройные сосны,
и смех над рекой до утра,
да взгляд диковато раскосый,
да дым горьковатый костра.
Давай, гитарист, озорнее,
любви не стесняйся, смелей!
Когда еще встретишься с нею
на этой югорской земле?
Здесь все мы равны перед Богом,
и совесть, как небо, чиста:
заставили делом и слогом
запомнить нас эти места.
Чего же грустить о прошедшем,
все будет еще, не робей:
объятья ликующих женщин
и рукопожатья друзей.
За дальним, за тем горизонтом
придется по новому жить.
Но речку с названием Конда
уже не сумею забыть...
Шалеют в любовном угаре.
глаза вероломных подруг.

Но

рвется струна на гитаре

и песня кончается вдруг.

декабрь 2000 г.

* * *

Вот и снова упал снег,
изменился небес цвет.
Затерялся в снегу след,
что торил пятьдесят лет.
Многоцветье моих снов
образ твой исказит вновь,
а ненужность пустых слов
изломает напев строф.
Где сиянье твоих глаз
и мечта для двоих нас?
Не всемогущ в миру Спас:
Нас от серости не спас.
Что же делать теперь?
Жить,
одиночества боль пить,
верить в то, что судьба вдруг
завершит перемен круг.
Ляжет пеплом души крик
на страницы моих книг,
облегчения слез дождь
смывает старых грехов ложь.
И вернется любовь к нам
светлой верой в святой храм,
колокольный его звон
перестроит надежд тон.
Зацветет под окном сад,
будет сын наш ему рад.
Облака и земли твердь
станут песни ему петь.
Только, видимо, не смог
заплести это в вязь строк,
и лежит на столе лист
так же холоден и чист.

декабрь 2000 г.

* * *

«Россия, слышишь этот странный зуд,
три Михалкова по тебе ползут!»

Валентин Гафт

Полуголодных и полураздетых
не разглядев в Отечестве своем,
мы сочиняем праздные сонеты
и гимны, вновь воскресшие поем.
В той музыке, отринутый природой,
которую почти забыли мы,
мне чудятся усы отца народов
и черные бараки Колымы.
Но, как не переделай ноты марша,
переиначив спорные места,
всегда перед глазами первый маршал
и с трубкою в руках товарищ Ста...
Призвали престарелого пиита,
который одой много лет назад
восславил живодера и бандита,
а ныне: либерал и демократ.
И сказочник, потренькивая лирой,
исправил слов зловещих колорит,
где Змей-Горыныч, как мутант, над миром
орлом двуглавым надо мной парит.
Собрали Круг.
Холеные нардепы
под актом расписались второпях,
не отличая классики от репа
и путаясь в глаголах и корнях.
И породив сиамского урода
решили, что родили благодать.
Я тоже часть российского народа,
но мне на эти изыски плевать!

Труп прошлого опять умашен миррой,
но где взять время над усопшим выть:
как обелиск над братскою могилой,
единственный вопрос - быть, иль не быть?
Да, и зачем мне это, право дело:
полна другой заботой голова.
Я не встаю под музыку расстрелов
и не пою банальные слова,

декабрь 2000 г.

* * *

Солнечный в небе круг,
с крыши звенит капель.
Что ты, мой старый друг,
вдруг загрустил теперь?
Между проталин снег
крыльями бьют грачи.
Панцирь набухших рек
дробят и рвут ручьи.
А двадцать первый век
все ускоряет бег.
Из-под уставших век
смотрим на этот свет.
Пройденный нами путь
вычерчен не бог весть.
Жили не как-нибудь,
как повелела честь.
Годы легли свинцом,
плечи согнув мужчин,
да бороздят лицо
прорези злых морщин.
Спору с самим собой,
стоя на рубеже;
разве последний бой
я проиграл уже?
Может быть в этот час
где-то гремит гроза
и ожидают нас
в страхе застыв глаза?
Может быть чью-то боль
снимет твоя рука?
Может быть.
А пока,
сыплю на раны соль.
Взвесив все «нет» и «да»,

я не решу никак:
прав ли я был всегда,
или прожил не так?
Может быть между дел,
песни свои трубя,
счастье не разглядел,
не долюбил тебя?
И возле тех костров
долгих моих дорог
не отыскал тех слов,
и не отдал, что мог?
Легкий струится дым,
странный не кончен спор:
я себя молодым
чувствую до сих пор.
Ладно, кончай грустить,
к черту тоскливый лай!
Пусть нас с тобой простит
этот суровый край.
Рухнет тюрьма зимы,
треснет озерный лед.
Север моей страны
за два считает год.

январь 2001 г.

* * *

Потерпи, мне внушают, пойми:
время лечит любые печали.
Наши жены грехи нам прощали
не однажды, во имя любви.
Не сломайся, обиды тая:
не планируй жестокой расплаты,
ваши мальчики в чем виноваты?
Все вернется на круги своя.
Может ей тяжелее, как знать?
Канет прошлое в пропасть забвенья:
ради этих минут примиренья
можно жизнь без остатка отдать.
Не спеши, будет время успеть,
до любой остановки доехать:
колокольчики детского смеха
снова радостью станут звенеть.
Облетят пересуды и грязь,
и зашепчет листва, вспоминая,
как любимая и дорогая
без остатка тебе отдалась.
Расцветут на полянах цветы,
одеялом накроют влюбленных,
и в глазах ее серо-зеленых
растворишься, как в омуте ты.
И отправится сердце в полет
из тенет неприятыя на волю.
Только правда излечит от боли,
только искренность душу спасет.
...Но опять, как и прежде, солгу:
не исправить, что вышло меж нами.
Скрежещу от эмоций зубами,
пересилить себя не могу.

Весь изранен в бесплодном бою,
проиграв с очевидным сраженьем,
я стою, словно столб, без движенья,
ублажая гордыню свою.

январь 2001 г.

* * *

Разделась и, как мертвая, легла,
окаменев, не чуя, как во сне.
И все, что для другого берегла,
рассыпала по снегу простыней.
А, ведь, была весна, цветущий сад
и жаркий шепот воспаленных губ.
Но все исчезло, нет пути назад:
тоскливы голоса венчальных труб.
Пытаясь перед совестью солгать,
извалянная в перьях и смоле,
все думала схитрить и обыграть,
судьбу свою на карточном столе.
Надежда, слезы чистые пролив,
исчезла, словно утренний туман,
и жажду перемен не утолив,
не дописала сказочный роман.
Печален пережитого итог:
чужой тебя лаская изломал,
а красоты возвышенный чертог
снес, набежавший вдруг, девятый вал.
Но я в ночи стон горя уловив
в сердцах не попеняю.
Бог с тобой!
Невеста, не нашедшая любви,
родилась нелюбимою женой.

январь 2001 г.

* * *

Время -
мой странный спутник,
вечно ты мне мешаешь
и за меня решаешь
бремя моих задач.
Как Агасфер,
я - путник
до палестин ближайших,
до пустоты,
а дальше
только с косою палач.
Стрелки идут по кругу,
шестерни тянут гири.
Как отразится в мире
мой в никуда уход?
В жизни любивший вьюгу,
краше уже не стану,
пленник своих желаний,
жалкий смешной урод.
Азимутом буссоли
берег мой обозначен,
и от бессилья плачу:
не отвернуть никак.
Пошлый мотив мусолит
мой патефон удачи,
песню переиначив,
ставит вопроса знак.
Было ли счастьем утро
с дивным своим рассветом?
Солнцем любви согретый
был ли прекрасным день?
И почему так круто
падает с перевала
путь мой на дно провала

в ночи густую тень?
Старую колею
как добрести к истоку?
Много ли было проку,
все предписали коль?
Вечность замкнув петлею,
мой странный спутник,
бойко считает будни время,
радость моя и боль.

январь 2001 г.

* * *

Март.

Земля разбужена весной.

Почему же не дает покоя
память неумемная моя?

Талою водою лед ломало,
только нас тогда касались мало
эти разрушенья бытия.

В мускулах моих шальная сила
родником на дне теснины била,
обогнать спеша любовь и смерть.

Треск и гром металась по вселенной,
времени раскалывая стены,
и дрожала под ногами твердь.

Рушились планеты и созвездья,
свет и тени исчезали в бездне,
мир ломался в Зазеркалье сна.

А твои глаза в ночи блестели
на снегах супружеской постели
и дышала зноем тишина.

Ангел плыл над нами в поднебесье
и звучало танго в этой пьесе
непереводимой и простой.

Ветвь твоей руки в моей лежала,
мы скользили по паркету зала,
созданного солнцем и весной.

Время нам разлуки подарило
и бесцеремонно примирило
с равнодушьем холодом в крови.

Но звучит во мне строкой сонета
спетая тобой в романсе света
вера в воекрешение любви.

Как тогда почувствую щекою
ветер над разлившейся рекою
и тебя маняще молодой.

...Память, мой палач и избавитель
приглашает вновь меня увидеть
все, что смыло вешней водой.

январь 2001 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ

Ах, какие всезнайки, ученые!

Прочитал, но не понял я, хоть убей,
Чарльзом Дарвином изобретенную
эволюцию видов и особей.

Все мы, люди, рождаемся равными,
для родных карапузами славными,
отличаясь лишь биркой привязанной.

Нам любая судьба не заказана.

Но потом, подрастая в приличии,
обретать начинаем наклонности:
кто без усталы лезет в отличники,
кто на троечках едет по скромности.

По пути катаклизмы и кризисы,
повороты крутые встречаются,
и одни отправляются в физики,
а другие от лирики маются.

И от старших черты поведения
переняв по каким-то наитиям,
эти - просят у дам разрешения,
эти - к бабам идут в общежитие.

Все прыщами покрывшись от зрелости
назначают ночные свидания.

Набираются бобики смелости:
применяют нажитые знания.

Дальше-больше, кому - в председатели,
а кому - непременно в просители.

Жизнь поделит нас всех обязательно
на простых мужиков и правителей.

Кто отстаивал славные принципы,
при дворах станут скромными принцами,
ну, а кто сомневались и спорили,
те тихонько исчезнут в истории.

Получают, одни - благодарности,
а другие - пинки и затрецины,
и не то, чтобы там от бездарности,
просто: выпивка, карты и женщины.
Из одних получают стойки,
из других бедолаг – алкоголики,
третьи - вовсе не волки, а тузики,
но с рождения все - карапузики.
У одних - этажи с вертухаями,
у других - только печки, да лавочки.
Как бы эти на этих не лаяли,
этим, вообще, все это - до лампочки.
Кое-кто с этим биться пытается,
только чаще всего спотыкается.
Вот какие бывают отличия
безобразные до неприличия.
Для счастливых любовь - океан без дна,
а кому хлеб и соль - проституция.
Может то, что мы видим, и есть она,
эта, как ее там, эволюция?
Так разводит во всех направлениях,
по любым этажам мироздания
непонятное ныне явление
с неизвестным доселе названием.

январь 2001 г.

* * *

Уставший от дерзаний и прозрений,
ненужных никому стихотворений,
брошаю вновь ристалище свое.
И одеялом затворясь от мира,
в сердцах бросаю сломанную лиру,
как на турнире рыцарском копье.
Но, уплывая в забвенье и тени,
в рай призрачных сюжетов и видений,
в пришедшие на смену яви сны,
я начинаю видеть очертанья
знакомых рифм и словосочетаний
и признаки пришествия весны.
Опять перед глазами:
профиль четкий,
растрепанные локоны прически,
горящая свеча,
изгиб плеча,
в твоих глазах печальных укоризна,
казнь нежности,
воспоминаний тризна,
глазниц провал под маской палача.
Сменяются в кипящей круговерти,
эскизы на заляпанном мольберте.
Наносит беспокойно кисть моя
на белый холст мазки аквамарина.
И складывались странные картины
в безумные узоры бытия:
здесь жили в подворотнях менестрели,
великое таскалось по панели,
смешное поднималось в высоту.
И захватив бессовестно вершины,
смешные предприятия вершило,
все сущее ввергая в пустоту.
Пророки катаклизмы предвещали,

глупцы святых судили и прощали,
короновав на царствие шутов.
Авантюристов жизни караваны
бесцельно бороздили океаны,
и гибли, не достигнув берегов.
Менялись очертанья континентов,
как кадры на истертой киноленте,
где искажались лица и цвета.
Взирая свысока на эти страсти,
побоища, оскаленные пасти,
я полагал: пустая суета.
Путь праведный неясен,
как в Коране,
в Евангелье,
дорическом романе,
или Завете Ветхом, наконец.
И мучаясь своим непониманьем,
я прошлому старательно внимаю,
как сказкам недоученный юнец.
Но, не дойдя во сне до края малость,
я просыпаюсь, чувствуя усталость,
позорной отстраненности вину.
Опять копые турнирное сломалось:
вот все, что мне от полночи досталось.
И я смеюсь, пугая тишину,
январь 2001 г.

ВОЛХВАМ

Они пришли с дарами и рекли:
«Пророк пришел, возрадуемся люди!»
А тот припавши к материнской груди
не думал о страданиях земли.
Ребенок подрастал среди олив,
пророча муки до скончанья века.
И возлюбил Спаситель человека,
его пороки в корне осудив.
И твердость обрета среди стихий,
свод истин создал: не прелюбодействуй,
не укради,
не лги,
не фарисействуй,
где главным постулатом - не убий.
На ужине, в кругу своих друзей
он предан был Иудой-побратимом,
на крест взошел у стен Иерусалима
и богом стал, как всякий из людей.
А, что же люди?
Плача и скорбя,
не отыскав обещанного рая,
с особым сладострастьем убивали
себе подобных, веруя в тебя.
Родных и близких, как в кошмарном сне,
без угрызений совести давили,
а ночью мелким бесом норовили
забраться на постель к чужой жене.
Помазанник и грешник, все одно,
на всей земле, по всем ее пределам
из корысти и просто так, без дела,
вещали ложь, как истины зерно.
Не убоясь, что страшный суд грядет,
замки взломав на ризницах от скуки,
в сокровищницы запускали руки,

растаскивая все, что попадет.
И до сих пор крадем, перекрестясь,
чем больше и нахальней, тем удачней:
происхождение ничего не значит,
что смерд простой,
что мещанин,
что князь.

Сомненью подвергаем все и вся,
да каждый тщит себя в миру мессией.
И втихоря насилуем Россию,
не ведая, что можно, что нельзя.
Провозглашая веру и любовь,
от силы декларируя отказ,
мы уповаем только на спецназ
и для отстрастки пущенную кровь.
Почти сведя с ума родную мать,
мы строгости у власть имущих просим.
А, чтобы все покрыть и оправдать,
строчим статьи и речи преподносим.
И до того доврались, что сейчас
и сами ничего не понимаем:
любому словоблудию внимаем
и даже соглашаемся подчас.
Да, видимо, ошиблись в чем-то вы,
убогие юродивые веры,
создавшие нетленные химеры.
А фарисеи, все-таки, правы!

январь 2001 г.

* * *

Я шарю по карманам коробок
и достаю из пачки сигарету.
Все песни у костра ночного спеты
и вычищен до блеска котелок.
Залиты угли.
Выпито вино.
И ждут дела обыденные завтра:
будильник, чай с яичницей на завтрак,
а вечером по телеку кино.
Но всю неделю будут снится мне
песчаный плес, смородиновый запах,
неясная луна в еловых лапах
и падающий в воду первый снег.
Как робкий поцелуй девичьих губ,
волнующий до головокруженья,
я чувствую твоих ветров движение
и пение разноголосых труб
между осин и сосен.
Ждут меня
остяцкого улуса шум гортанный
и заклинанья древние шамана
под бубен у священного огня.
Откину полог в полутемный чум,
почуяв твоего дыханья эхо,
накроешь ложе нам медвежьим мехом,
и стихнет, как река ночная, шум.
Вселенские качнутся небеса,
сомкнут века цепи незримой звенья
над местом моего преображенья
в самаровских болотах и лесах.
Я знаю, как вода, текут года.
В тот день, когда придет пора прощаться,
я мысленно опять вернусь сюда,
чтобы назад уже не возвращаться.

январь 2001 г.

* * *

Если в доме у меня вдруг
меркнет в комнатах лампад свет,
крылья легкие твоих рук
унесут меня туда, где
ветры запахи тайги пьют
из воронок вихревых вьюг,
а дороги кружева шьют
меж извилистых речных лук.
Есть доселе на песке след,
вместе прожитых с тобой лет,
полыхающих зарниц блеск
и крутой обской волны всплеск.
Я пришел сюда к тебе юн,
непреклонен и слегка глуп.
Сколько минуло моих лун
с тех времен, когда дерзал тут?
Сколько здесь я наломал дров
упоительной порой той,
ты давала мне всегда кров
и глоток воды своей в зной.
И смывал с соленых губ ложь
возрождающий меня дождь.
А, как правило, дожди тут
очень яростно с небес льют.
Вдаль ликующий летел крик
ярким утром и ночной мглой
над страницами моих книг
не написанных еще мной.
Трудно Господом уже быть,
да и ты сейчас не та, пусть,
мне с тобою до конца жить.
Я люблю тебя, моя Русь!

февраль 2001 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О ГИТАРЕ

Откуда-то из детства приходят эти звуки,
простые три аккорда, а сколько в них всего:
поводыри свиданий, предвестники разлуки,
простые три аккорда из детства моего.
Под пальцами застонут капроновые струны,
костер бросает искры, восторженно горят,
как звезды в небе темном, глаза прелестниц юных.
Все разом поместилось в нехитрый звукоряд:
сапог кирзовых грохот шагающей пехоты,
оркестрика надежды начищенная медь,
дежурство по апрелю и графская охота,
возникшая, конечно, от слова «захотеть».
Открою окна настежь, наполнит шторы ветер,
как-будто бригантины тугие паруса.
И полетят навстречу единственной на свете
простых знакомых песен слова и голоса.
Сквозь снежное пространство знакомое такое
мой поезд знак вопроса все будет рисовать
на той далекой трассе, где мне пришлось с тобою
прожить шальное лето и трудно зимовать.
И ждать, когда березы ручьи напоят соком,
и полетят на север курлыча журавли,
еще мечтать о юге, желанном и далеком,
и ласковом прибое на краешке земли.
Мелодией влекомый за облака, быть может
увидю в дымке контур далеких берегов.
Опять меня, как прежде, взволнуют и встревожат
простые три аккорда из детства моего.

февраль 2001 г.

БАЛЛАДА О ПОТЕРЯННОМ ОБОЗЕ

Безумное двадцатое столетье
расправ и революционных гроз
упало беспросветным лихолетьем,
согнав нас неприкаянных в обоз.
Мы выбрали не торную дорогу,
а странную тропу между болот.
И поводырь сказал азартно: “Трогай!”,
послав возок за первый поворот.
Оставили неубранными нивы,
похоронили близких и друзей,
ограбили, что можно, торопливо,
и с чистым сердцем тронули коней.
Подводы наши волокла по грязи
впряженная четверка лошадей,
как водится: одни - из грязи в князи,
другие - в подхалимов и блядей.
А тех, кто на подъемах рвали жилы
и верили, что нет пути назад,
без содроганья в ямы уложили
под номерами, без имен и дат.
Каурый конь к победе коммунизма
кряхтя тащил идей бредовых воз,
летела пена с губ, летели брызги,
благоухал навоз из-под колес.
Здесь лучшие из ком и профактива
небрежно поправляли удила,
оси колесной втулка голосила,
как будто к потрясениям звала.
Конь вороной арбу тянул, хромая,
изъятого повсюду барахла,
и стража неприступных вертухаев

добычу днем и ночью стерегла.
А белый конь, потряхивая гривой,
пытался обойти их, но не мог,
интеллигентов сказками счастливых
за остальными грешными волок.
Последними скрипели тихо дроги,
в них были те, кто мыслил, но не смел.
И мерин, серый в яблоках, дорогой
надрывно харкал кровью и хрипел.
И вот, почти дойдя до перевала,
блаженным приходившего во снах,
кауряя на ровном месте пала,
запутавшись ногами в постромках.
Ось треснула, воз повалило набок,
не помогли ни окрики, ни плеть.
Засуетились: что-то делать надо,
чтобы до места как-то доскрипеть.
Попробовали под колеса ваги,
но лопнули дубовые шесты,
а дальше, через топи и овраги,
досель не наведенные мосты.
Арбу с казною вдруг свернуло влево,
галопом по отаве понесло.
Все ахнули в обозе ошалело,
увидев, как уплыло барахло.
Лишившись вожака и капитала,
не получив законного пайка,
сурово голытьба заропотала,
слегка намяв погонщикам бока.
Тут началась вокруг неразбериха,
повальный мордобой, животный страх,
кто прав и кто не прав хватили лиха,
плутая, как слепые, в трех соснах.
Обоз наш шел по замкнутому кругу,
мы возвратились выбранной тропой

к заросшему густым бурьяном лугу
с покрытого соломою избой,
на выгон старый, проводкой колючей
опутанный, к погосту без крестов.
Кто плакал над судьбой слезой горючей,
а кто собрал мешок - и был таков.
Оставшиеся тыркались без толку,
да плюнули: хоть не расти трава!
Коней сожрали в одночасье волки,
телеги растащили на дрова.
И вот, живем, сводя концы с концами,
в желаньи выпить перебоев нет,
да письма шлем хозяину с гонцами,
как будто кто-то даст на них ответ.
Куда нас привела при ясном свете
кривая бездорожья колея?
Уходит окаянное столетье,
а с ним уходят вера и друзья.

февраль 2001 г.

* * *

Все, что с нами было, будет без:
от забот житейских убегаю,
ждет меня, я точно это знаю,
над моей рекой осенний лес.
Хлеб нарежу,
разогрею чай,
за окном уже почти светает.
Ночь в кармине горизонта тает:
значит, уезжаю,
не скучай!
К вечеру доеду,
сотни две
отмахав таежных километров.
Сяду возле берега в траве,
грудь подставив ласковому ветру.
Осень,
бабье лето,
листьев лет,
на рябинах розовые грозди,
где-то дятел забивает гвозди,
да паук ловушку-сеть плетет.
На воде,
из-под прикрытых век
вижу,
поплавок слегка запрыгал,
вообщем-то, приехал не за рыбой
и пора устраивать ночлег.
Мелочь - в котелок,
набрал воды
из ключа под елью на опушке,
пол подмел в расхристанной избушке,
заготовил дров.
Туды-сюды:
незаметно время пролетело,

даже снасти не успел собрать,
за стеклом разбитым потемнело,
вызвездило,
стало холодать.

Полушубком застелил кровать.
Под уху вечернего улова
выпил залпом шкалик горькой.

Словом,
дверь прикрыл и завалился спать.
...Исцеляет душу тишина.

Поутру, открыв глаза, услышу,
как под полом шебуршатся мыши
и скрипит за стенкою сосна.

Растоплю буржуйку, как смогу,
выйду на крыльцо от счастья пьяный:
первый снег ложится на поляну
на твоём высоком берегу.

Первый снег, он чист и невесом,
как цветок на подвенечном платье,
вексель, не предъявленный к оплате,
звон струны, звучащей в унисон.

Разгорится жаркое смолье,
заискрится, как в кузнечном горне.

Занавеской тюлевой задернет
снег, летящий с неба, зимовье,
странное убежище мое,

февраль 2001 г.

* * *

Не спадает мороз, хоть убей,
март опять, а за окнами стужа.
Снег непрошенный хлопьями кружит
в свете тусклых ночных фонарей.
Куржаком затянуло стекло,
зябко в тесном моем кабинете,
через щели оконные ветер
волком воет протяжно и зло.
Не рифмуется.
Прямо тоска:
рифмы с текстом и формой в разводе.
Мысли кружатся, как в хороводе,
да пульсирует кровь у виска.
Может быть?
Или так?
Черт возьми!
Лист бумаги бросаю в корзину.
Время тянется, словно резина:
от пяти-
до шести-
до семи.
Рассветает.
В душе полумрак.
И кому это к дьяволу нужно?
Мир до точки в сознании сужен:
маяты завершающий знак.
Значит выдохся, вышел на нет:
ни романтики, ни вдохновенья.
Ночь с субботы и до воскресенья –
эшафот мой и вечности свет.
Видно, вылечит только весна,
что с собою сражаться без толку.
...Но внезапно печально и тонко
зазвучит в поднебесье струна.

Четче ритмы,
сложнее аккорд,
гуще красочность оранжировок –
появляется первое слово
между знаков озвученных нот.
Дальше - строчка,
какая-то суть,
следом строфы, весенние птицы,
меж проталин на поле страницы
опустились с небес отдохнуть.
Тает снег, зеленеет трава,
набухают на тополе почки,
все короче становятся ночи,
все безумней и жарче слова.
Ярче образы,
чувства острей:
гармоничны своей простотою.
И летят над притихшей землею
строчки белых моих журавлей.

февраль 2000 г.

* * *

Началась полоса невезенья,
мне удача нужна позарез.
Раньше как-то жилось веселее
с синяками на морде и без.
Если ниточка рвалась, где тонко,
или недруг на землю бросал,
подстилала удача соломки,
сохраняя мои телеса.
А, сейчас, что ни день, то потери,
ход часов не отлажу никак.
Став с годами куда-как мудрее,
тем не менее - полный дурак.
И хотя каждый шаг проверяю,
простофилю быть не с руки,
я последние перья теряю,
получая от жизни пинки.
Время бешеным скачет аллюром,
я, как бестия, настороже,
ведь судьба моя, старая дура,
не помощница, видно, уже.
То хохочет, а то от испуга
так шарахнется, только держись.
Из ограды порочного круга
ей не выбраться, хоть удавись.
Как слепая идет по дороге,
костылем ковыряя в носу.
Я ж, ломая то руки, то ноги,
постоянно убытки несу.
От обид ее гнусных шалею,
слов чудных не пойму ни хрена.
И пока свои семечки сею,
мне удача, как воздух нужна.

февраль 2001 г.

* * *

Все выбросив из головы, как ересь
кошунственную в пихтовом раю,
через кусты смородины и вереск
я выйду на излучину твою.

Раскинулась внизу широким плесом
спокойная, осенняя Конда.

Песок крутого берега белесый
ласкает потемневшая вода.

Заброшу закидушку, сяду молча
на теплый ствол поваленной сосны
в разливе тишины твоей.

И, впрочем,
слова здесь и восторги не нужны.

Меж пихт и елей спряталась стыдливо
рябина покрасневшая.

С югов
по пастбищу небес неторопливо
плывут отары легких облаков.

Безмолвие.

Оно излечит раны
и защитит от праздной суеты,
которую сегодня даже в храмы
заносит ветром перемен.

Цветы
последние на солнечной поляне,
разбросанные щедрою рукой,
как краски на полотнах Пиросмани
чисты.

Над засыпающей рекой
полет беззвучный шелка паутины,
слияния с природой благодать.

Я понимаю, вечности картину
обычной кистью не нарисовать.
Я полон первородством этих красок,

дышу игрой твоих полутеней,
как в отрочестве запахами сказок,
придуманных фантазией моей.
Той осенью, когда меня не станет,
мой сын придет на берега твои,
где девушкой в пестром сарафане
рябина одинокая стоит.

февраль 2001 г.

* * *

В часах судьбы песка не так уж много:
нас ждут благословенные края.

И звездною, незримою дорогой
туда уходят лучшие друзья.

Одни -под грохот труб и барабанов,
другие -одинокое и грешно.

Не нам судить.

И мы, быть может, странно
исчезнем,

неумело и смешно.

Любовь и грех повязаны со смертью,
нетленна эта истина, увы.

И нам ее не изменить, поверьте,
философы, как правило, правы.

Вое сущее в потомках повторится:
их жизнь промчится так же, на ура.

А, я хочу туманом раствориться.
в твоих лесах задумчивых, Югра.

февраль 2001 г.

МОНОЛОГ КОЛХОЗНИКА У ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ УРНЫ

Ох, прости Господь нас окаянных,
бестолкова жизнь, хоть удавись:
левые куда-то вправо тянут,
правые налево подались.

В околотке, как во всей России,
не прожить без батюшки царя,
миром собрались, поголосили,
выбрали себе поводыря.

Поводырь смышлен был и осанист,
рот разинешь, как заговорит,
не в свои такой не сядет сани-
есть и понимание и вид.

Сразу голытьба повеселела:
ну, теперь, ребята, заживем!

С этим заводилой можно смело
у ростовщиков просить заем.

Всем теперь достанет хлеба с салом,
надоели сухари, да квас.

Выбирали молодца не даром,
пусть теперь и думает за нас.

Вожачок за дело взялся лихо,
засучив по локти рукава:

запускал по праздникам шутихи,
говорил красивые слова.

Дом себе построил, сени, баню,
нужен дом, ну, как тут не понять:
днем и ночью измотался с нами-
надо человеку отдыхать.

Правда кони в грязи по колено
прут с зерном телеги на тока,
да коровы дойные без сена

не дают, заразы, молока.
Поскрипим, и вновь проголосуем,
дальше будет легче, как не быть,
невозможно, чтобы так, впустую,
пропадала этакая прыть.
Ничего, что ездит не на бричке,
«Нива» - это ведь не мерседес,
ну, а что народ придумал кличку,
кто у нас сейчас в России без?
Порешили вымостить дорогу
и поправить рухнувший забор,
вообщем, напланировали много,
записали в строгий протокол.
И пока мы ждали обновленья,
тут нас ошарашили слегка:
поводырь ушел на повышение,
а колхоз продали с молотка.
Эх, судьба, не подфартило сирым.
Слава Богу живы.
А, пока,
снова выбирать придется миром,
видимо, Емелю-дурака.

февраль 2001 г.

НАВАЖДЕНИЕ

Я спросонья разул глаза,
ну, приснится же невесть что,
будто время меня назад
вдруг забросило лет на сто.
И сижу я, кум королю,
на веранде в своем саду,
чай цветочный вприкуску пью,
о делах разговор веду.
Как там виды на урожай,
и велик ли клубники съем,
да, что новый коровник, край
как нужен: о том, о сем.
И халат из парчи на мне,
рядом ражий стоит лакей,
и салфетка белей, чем снег,
под тарелкой лежит моей.
А, за домом - мои поля,
а в полях колосится рожь,
и баржа на реке моя,
и товары на барже тож.
Вообщем, полный вокруг ажур,
солнца блики на хрустале,
говорит мне жена:»Бонжур,
не подать, дорогой, суфле?»
...Тьфу ты, надо же так приплыть!
Померещится спьяну черт!
Огляделся вокруг,
Завыть
просто хочется, аж печет.
Наваждение сброшу я,
Поднимусь, натяну штаны,
в пеленах конура моя,
впрочем, так же, как полстраны.

В кухне тесной согрею чай,
холодильник обшарю - мрак!
Хлеб нарежу засохший, чай
не князь, перебьюсь и так.
Муха ползает по стене.
Рубль последний спустил, дурак,
и теперь до аванса мне,
как не кинь, не дожить никак.
По привычке обматерю
растреклятую эту жизнь:
домудыкались, мать твою,
курсом верным на коммунизм.
Одеваю, скрипя, пиджак,
толку что о судьбе скулить.
И потопал к ларьку за парк
пивом в горле сушняк залить.

февраль 2001 г.

* * *

Все и вся связала Парки нить,
предопределен итог событий,
можно отрицая лоб разбить:
все, чему положено, случится.
Неразрывны: с возрожденьем - тлен,
с Одиссеем славным - Пенелопа,
с бочкою своею - Диоген,
седовласый киник из Синопа.
Хроники истории не лгут:
словно звенья, зло и покаянье.
Цезарь и его убивший Брут
тоже были лучшими друзьями.
Наши предки издревле любили
проявлять недюжинную прыть:
чтобы выжить в этом странном мире,
надо обязательно убить.
Временем проверены сто крат
эти постулаты.
В русле их
прямо в ванне пламенный Марат
под ножом Корделии затих.
Ближних возлюбя, ногами топчем,
глотки рвем.
И нет пути назад.
Ведь и Каин Авеля прикончил,
несмотря на то, что Авель – брат.
Да, и в нашем веке покропила
кровь людская землю, как вода:
голытьба на голытьбу ходила,
на господ кидались господа.
Эти переломы и изгибы
наших революций и побед
научили: либо ты их, либо
закопают, вроде был - и нет.

На лесоповале и в забое
за колючкой коротали век,
связанные общею судьбою,
вертухай и полудохлый зек.
...Вместе нами прожито немало.
Но уже который раз подряд
снится - ты с ножом ко мне подкралась,
или в чай тихонько плещешь яд.
Перед тем, как пить, стаканы мою,
и от мыслей черных устаю,
потому, что рядышком с тобою
до утра ворочаюсь, не сплю.
И хотя в тревоге надоело
жизнь влачить, на долю не ропщу.
Как противоядьем, то и дело
внутренности водкой полощу.
Вдумаешься, ну, сплошное свинство
ухитрились древние сплести:
эта диалектика единства
может до горячки довести.

февраль 2001 г.

* * *

Не поверив в пустые молитвы
и всесилые безмолвных богов,
я шагаю по лезвию бритвы
между небом и бездной грехов,
балансируя, как на канате,
обдирая ступни до крови,
к неизвестному пункту на карте
неизвестной доселе земли.
А тропинка все уже и круче,
и уже отступить не резон,
и все чаще лиловые тучи
закрывают собой горизонт.
Где оступишься с грани, не знаешь,
такова окаянная жизнь:
либо ангелом в небо взмываешь,
либо камнем срываешься вниз.
Где прибежище путник усталый
обретет для вечера и сна,
если справа отвесные скалы,
слева пропасть сомнений без дна.
И какие грядут испытанья
палладину чернил и пера
на нелегкой дороге познания
к пониманию зла и добра.
Утомленный, но несокрушимый,
переплюнув вселенских царей,
я ползу к недоступной вершине,
что является целью моей.
Там сливаются краски и ритмы
на багровой холстине зари,
там сойдутся в решающей битве
силы неба и силы земли.

февраль 2001 г.

* * *

В один пучок завязаны узлом
потерянные души и герои.
Опять нас проверяют на излом
события последних перестроек.
Как стойки мы, я очень удивлен,
из всех когда-то вымерших племен.
Какой-то нынче беспросветный век:
не радуют ни отдых, ни работа,
и, как умеет, всякий человек
карабкается к небу из болота.
Одних уже похоронили мы,
другие - от сумы и до тюрьмы.
Бежать.
Но от себя не убежишь.
Не оборвать корней дремучих предков,
привыкших не тревожить эту жизнь
и с барского стола ловить объедки.
Расхлябанность и лень у нас в крови,
внедрены в гены, что ни говори.
Попытка изменить свою судьбу
приводит к переломам и ушибам,
не лучше ли бесплодную борьбу
сменить игрой в рулетку: либо-либо.
Кому-то обязательно везет,
вся остальная шелуха - не в счет.
Но, думаю, еще страна моя
покажет всем, на что она способна,
отринув годы воровства и злобы.
Родился, видно, слишком рано я.
Не повезло, ну что ж, а мне плевать,
я собираюсь жить - не умирать,

февраль 2001 г.

* * *

Вот и все.
Снегопад.
Догорает свеча.
Заметает дороги февральская вьюга.
За внезапный порыв, заплатив сгоряча,
обретаем свободу, теряя друг друга.
На холодном стекле шьет узоры зима,
а в глазах твоих ясных колышется пламя.
И совсем не вчера появилась меж нами
равнодушной, как смерть, пустоты тишина.
Скоро март, а за ним неизбежна весна,
звон бегущих ручьев, травостоя цветенье.
Но для нас возрожденье не станет спасеньем
и звучит в тишине напряженья струна.
Этот звук, словно плач по ушедшей любви:
в «ре-миноре» исполнена нами соната
надоевшей зимы.
Сами мы виноваты,
что весною другим будут петь соловьи.
Детский смех и тепло не вернуться назад
в наш разрушенный дом.
Не добравшись до цели
тройка счастья растаяла где-то в метели.
Догорела свеча.
Вот и все.
Снегопад.

февраль 2001 г.

* * *

Бумаги лист,
он чист, как первый снег,
как первое твое прикосновенье,
звучащее в душе стихотворенье,
рисунок пережитых вместе лет.

И в чистоте его маняще дикой
мне указывает перст судьбы безликой
в неясном свете всполохов огня
на строчки заколдованных тропинок,
сплетенных в голубую паутину,
где ожидает вечное меня.

Где каждый миг от сотворенья мира
озвучили давно перо и лира
в разнообразье жанров и интриг.
Все созданные временем сюжеты
на все лады и стили перепеты
многоголосьем партитур и книг.

Что делать мне?
На Бога уповая
и выводам пророков не внимая,
исследовать тома бессмертных тем.
Писать, пока позволила природа
меж датами рожденья и ухода,
о собственном понятии дилемм.

И открывать, как первый раз, волнуясь,
сомнений горечь, сладость поцелуев,
движенье облаков и ветра свист,
предвосхищая новые подарки
из рук неугомонной пряжи Парки.
Он так не прост,
простой бумаги лист.

март 2001 г.

ЯЙЦЕГОЛОВЫМ.

С давних пор повелось в Отечестве,
что ни пастырь, то шут гороховый
при высоких чинах и отчестве.
Не понять: хорошо ли, плохо ли?
Шевелятся мозги под черепом,
но все без толку, словно пьяные.
Не известно к какому берегу
правят лодкою окаянные.
И ползут во власть, как на подиум,
политические юродивые.
В настоящем, все те немногие,
в ряд значимых персон попавшие,
ощетинились секретаршами,
вертухаями и убогими.
Будто скалы в горах отвесные:
ступишь в сторону шаг и сверзишься.
А пока доберешься к лестнице,
даже в Господе разуверишься.
Предводители - люди умные,
неприступны, как дьяки думные.
В выступлениях - все цитатами,
а подумаешь - к черту катятся.
Но рожденные вороватыми,
никогда уже не покаются.
В гневе праведном пену гонят,
если их против шерсти гладят,
и, как правило, долго помнят,
да потом очень долго гадят.
И понятие чести, словом,
недоступно яйцеголовым.
До последней главы известны нам
все их подвиги и отличия,
до оскомины речи пресные
и деяния неприличные.

Но опять выбираем, калики,
тех же самых себе правителей,
и садятся на троны карлики,
обнаглевшие потребители.
Словно книги, давно прочтенные,
эти самые, облеченные.

март 2001 г.

* * *

А. Галичу
ПОСВЯЩАЕТСЯ

И зачем мне собачья свара,
да никак вот не удержусь.
Ведь не Энгельс я и не Карла,
даже в бобики не гожусь.
По весне дуреют собаки,
возле сук хороводы водят,
то и дело пускаясь в драки,
лают кобели о свободе.
И в борьбе за лидерство в своре
меж собою яростно спорят.
Кто степенство свое упрочит,
тот сумеет отнять у прочих.
А где сыто - там шире морда,
где теплее - там стать богаче,
и прикус у них, как у лордов,
и на мир взирают иначе.
Остальные скулят, и плачут,
но хозяина защищают.
Жаль, не могут они иначе,
видно, доля у них такая.
Если палкой не врезать сразу,
без сомнения закусуют.
Не поймут, как на грех, заразы,
кто их кормит и выбирает.
“Собаки бывают дуры,
И кошки бывают дуры,
И им по этой причине
Нельзя без номенклатуры.”

март 2001 г.

НА КОРАЛЛОВОМ РИФЕ

Египет

На маленьком суденышке под тентом
пересекаю бухту Хургады
к проливу,
где коралловою лентой
цветут ее подводные сады.
Между кустов, бутонов и соцветий,
столбов парящих, арок, пирамид
безмолвное вращение столетий
свои постройки хрупкие творит.
В твоих объятьях легких невесом,
гляжу через стекло аквамарина,
как движутся над мраморным песком
живые перламутры и рубины.
Все соразмерно здесь, в глубинах вод,
все рождено, чтоб жить и плодоносить.
А, человек такое приподносит,
что логики сам черт не разберет.
В купели теплой берегов Гондваны
живой природы зародилась плоть,
а мы всего лишь капли океана,
не нам его плантации полоть.
Безжалостные в деловом запале
по всем доступным уголкам земли
мы столько без ума переломали
и ран неизлечимых нанесли.
Доселе не сумев уразуметь
незримых граней бытия и смерти,
что в эволюционной круговерти
вмешательство всегда приносит смерть.
И вот, где мир разумен и прекрасен,
кораллы рассекает до крови

размашистая надпись: «Здесь был Вася.»
Дурак ты, Вася, что ни говори!
март 2001 г.

* * *

По тропе над берегом из леса
на широкий плес реки сойду
Выберу со знанием дела место,
где коряжник скрючился во льду
Лунку пробурю.
Приткнусь на пайву.
Закурю.
Какая благодать!
Снег искрится, возле сосен таеет
на крутых пригорках.
Тут клевать
начинает.
Плавню подсекаю,
чувствую забился, загулял
окунь под корягой.
Выбираю
леску, лишь бы, черт, не оборвал.
Ошалев, топорщит жабры окунь,
красавец, грамм триста будет чать.
В небе ослепительная просинь,
воздух пахнет хвоей.
Припекать
начинает солнце.
Разжигаю
костерок, завариваю чай,
режу сало, водку разливаю:
перекур, ребята, налетай!
Посидим, поговорим немножко
об улове.
Тишина вокруг.
Шустрые синицы тащут крошки,
не пугаясь, прямо из-под рук.
Умиротворенный и счастливый,
подстелив шубейку на меху,

знай, таскаю ершиков сопливых,
ладно, пригодятся на уху.
Да, и много ль надо человеку
отдохнуть от стрессов и забот,
ведь природа самый лучший лекарь
от любых болезней и невзгод.
Уезжаем к вечеру.

А дома
расскажу, какой сорвался язь,
и жена с улыбкою знакомой
покивает, про себя смеясь.

март 2001 г.

* * *

К строке - строка.
Вновь завершился год.
Необратим часов небесных ход.
Но я согласен с временем,
пока
рождаются стихи,
к строке строка.

В них наши дети: дочь и взрослый сын,
пусть снятся им приветливые сны,
а утром улыбается рассвет,
от сотворенья, до скончанья лет.

Событий нашей жизни череда
меж датами «оттуда» и «туда»,
и, ставшие мудрее, чем вчера,
с тобою наши дни и вечера.

Да, что грустить: еще не кончен путь
и в сердце не угасло пламя.

Пусть
летят к тебе чисты, как облака,
слова моей любви,
к строке строка.

октябрь 2001 г.

* * *

Куст рябины зацвел и засох.
Не прижился.
И в этом вся суть.
Лай чужих, надоедливых псов
не дает этой ночью заснуть,
Тянет в форточку ранняя стынь.
Нам с тобою опять не с руки.
И простые слова, как полынь,
от обиды смертельной горьки.
Холст небесный светлеет в окне,
меж ресниц набухает слеза.
Что в словах померещилось мне,
что в ответ не подумав сказал?
Эхом гулким взорвет пустоту
отголосок глагола «прости»!
И затихнет.
Подводим черту.
А рябине уже не цвести.

ноябрь 2001 г.

СТРАДНИЯ

Наша жизнь - строка романа,
где не знаешь поворот:
то - как солнце из тумана,
то - совсем наоборот.

Было все: костров мерцанье,
снега шелест, ветра вой,
торопливые свиданья
то с одною, то с другой.

Юность, отрочество, зрелость —
состоявшегося нить.
Ну, не вышло, как хотелось,
что же, значит, слезы лить?

Время кануло в пучину
белым пухом облаков
и вчерашние мужчины
превратились в стариков.

Был и я на женщин падкий,
а сегодня - чуть живой.
Жизнь, как тряпка, на прихватке
из прищепки бельевой.

декабрь 2001 г.

ЗИМНИЕ СНЫ

В нашем городе снова зима,
оседают под снегом дома,
ветер с севера воет до дури.
Мне же снятся Египта пески,
волн, кипящих, крутые мазки.
под шефоном небесной лазури.

Свечи пальм, порыжевших в пыли,
раскаленные горы вдали,
бедуинов в пустыне стоянки,
полночь, скачки лихих скакунов
и возникший из призрачных снов
силуэт молодой египтянки.

Стан твой тонкий огнем перехвачен,
шелк шальвар невесом и, прозрачен,
под вуалью играют уста.
И отбросив запретов сомненья
полыхает огонь вожделенья
в потаенных углах естества.

Беспокойно звучит барабан,
словно облако, белый тюрбан
тонкоскулого сына Изиды”.
И застывшею стражею в ряд
исполины Луксора стоят
непреклонные, как пирамиды.

Но сквозь сумрачных морок узор
проступают: знакомый забор,
заметеленный берег Тапсуя,
у застывших берез на краю
тихим выдохом слово “люблю!”,
да прощальный ожег поцелуя.

...Неразборчивы зимние сны:
на серебряном блюде луны
четкий профиль, знакомый до боли.
И пишу на замерзшем окне:
“Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли...”

декабрь 2001 г.

Отечества

ДОСТОЙНЫЕ

СЫНЫ

РОДОСЛОВНАЯ

1.

Мы- дети антов и славян.
И жертвенность Ярилы
у капищ
и лесных полян
Надежду нам дарила.
В верховьях ласковой реки,
где кривичей пределы
лежали,
дики и редки
на грань водоразделов
сходились в схватках племена
за женщин и пространство,
но прорастали семена
и зрело постоянство
в забытых
пращуров
делах.
Еще вершили судьбы -
луна и солнце,
боль и страх,
бога,
лихие люди,
ветвей мельканье,
снега хруст
под звездным покрывалом.
Еще ты не всеильна,
Русь!
Еще щитом не стала
твоих князей великих длань
безудержным набегам.
Все так же трепетную дань
разбойным печенегам
платила зубы сжав.

Война
в дымах,
колючих ветрах
к огням священным на Перу
несла святые жертвы.
Еще не встал престольный град,
Днепром укрывши спину,
а гордый Кий уже в Царьград
водил свою дружину.
И Рюрик
ладожских болот
уже застроил землю.
Врастался
и мужал народ -
немногословный,
древний.
И Константиновы гонцы
к порогу Святослава
несли христовые венцы
и летописей славу.
Но не спокоен горизонт.
От табунов несметных
закрыло пылью землю.
Стон
твоей Любви заветной
вновь звал на ратные дела.
Богатырей родила
и к отомщению звала
возделанная нива.
Чтоб не терзала саранча
отцовские посевы,
ты вновь
рубил
мечом
с плеча

направо и налево ~
не изменив своей судьбе,
перетерпев оковы,
от Александра на Неве-
до Дмитрия Донского.
Словам Великого Петра
мы и поныне внемлем,
свела в кулак его рука
истерзанную землю.
Но Вера –
мудрости сестра
вела вперед.
И крепло
все,
чем гордилась и жила
моя держава.
Ветры
ее просторов и небес
нас поднимали в небо.
Магнитка.
Север.
Днепрогэс.
Ревтройки и комбеды.
Тридцатых голод и разор.
Крушение устоев.
И окровавленный топор
над втопанной страной.
Баланды лагерной кисель,
изверившихся лица.
Войны свинцовая метель
и мертвые глазницы.
Победы долгожданной день,
земли, вздохнувшей, раны.
И исчезающая тень
ушедшего тирана.

Как хочется мне иногда
пойти и поклониться
годам потерь,
годам труда
и мужественным лицам.
Сквозь пыль исчезнувших веков
господствует, как прежде,
одна лишь Вера -
где Любовь
повенчаны с Надеждой.

2.

Брезжит север зарею кровавою,
насторожены лица людей.
Волны бьются студеною лавою
о борта уходящих ладей.
Безотчетно
глаза воспаленные
берег полденных скал проводив
повлажнеют.
До черни смоленые
груды древних поморских расшив
пенный след оставляют.
Не вешены,
чуть знакомы дороги туда,
где крестами обжит почерневшими
неуютный,
манящий Грумант.
Черный ворон фиорда скалистого -
вероломного ярла драккар
распаляется взглядом завистливым.
Черепов лошадиных оскал,
блеск кольчуг,
изготовленных фряжскими
мастерами,

руками рабов.
Ненасытной злобой варяжскою
дышит небо.
И тускло свинцов
горизонт неподвижный.
Мозолисты
руки русичей.
Нетороплив
и спокоен ватажник.
Позволит ли
он отнять эту волю?
Мотив
песен старых, сказаний загадочных,
исчезающих в мареве льнов
раздвигает стекло незагаженных,
странно сколотых, зубчатых льдов.
Вечный зов поколений исчезнувших
вел вперед
и на этом пути
образа на рассохшихся, треснувших
досках славили подвиг.
Уйти
от намеченной цели невысказано,
от проторенных троп и дорог,
от отцовских наказов,
от истины,
утвержденной у Красных ворот
новгородской посадскою вольницей.
Слався Русь,
разрастайся,
живи!
За тобою никто не угонится,
не тревожся за берег –
плыви!
ноябрь-декабрь 1990 г.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ. ГОД 1125-й,

Зима,
меж берез белый саван раскинув,
спустилась на Русь.
На замерзших холмах
уоставший от битв,
завернувшись в овчину,
последний свой след
прочертил
Мономах.
Нестройные мысли,
обрывки видений,
стон волчьего воя в медвежьих углах.
Перу на тропы не понятны знаменья.
-Эй, отроки, рысью!
Товарищей прах
давно разметало по Дикому полю.
Безумных сынов Измаила костры
теперь не тревожат пределов.
А доля?
Грех Бога гневить.
Тяжелы и остры
мечи сыновей.
И не канули в Лету
посланья врагам:
-Не ходите на Русь!
Угасшие лица
сквозь отблески света
уже навевают спокойную грусть.
Светает.
Как угли,
рассыпаны гроздя
сияющих звезд на небесной меже.
Морозную пыль поднимают полозья,
швыряя в лицо.

Не вернуться уже
охоты и ловы.
Щетинистых вепрей
и туров покоило княжье копьё.
Студили лицо тебе русские ветры
и травы дурманили.
Имя твое
неслось по широким просторам предполья,
страша и сжимая сердца агарян.
И пахла свобода пролитую кровью
и ноющей болью полученных ран.
Ушло все.
Ослабла рука твоя, княже.
Но ясен еще пронизательный взгляд.
Мерцают звенящие кольца в упряже.
Играют зарницы.
А память назад
уносит.
Где летнее солнце разлито
и ласковый шепот в купальскую ночь.
И светловолосая, дивная Гита,
английских пределов спокойная дочь
тебя обнимает.
В гробнице отцовской
лежит ее сердце.
А ты еще жив.
Скатилась слеза.
Ратных битв отголоски,
горящие клинья не скошенных нив.
Что ж,
прожил ты Бога заветы не рушив,
и не изменив целованью креста,
и зря не губил христианские души,
и Русь не делил.
Да и сын твой, Мстислав,

единой всегда почитал и сторожил
ее рубежи.

И коварный Боняк

уже, если даже захочет, не сможет
топтать эти нивы в придонских полях.

Пусть черпают Дон золотые шеломы
архонтов твоих,

Ярослава кровей.

А сани летят по заснеженным склонам,

по редким

и ломким стеблям ковылей.

2.

В тот год,

перечеркнутый красной звездой,

посеявшей страх,

покорившись судьбе

бежали от половцев русские вои,

погиб Ростислав.

И открылось тебе -

не в брани за отчины и за наделы,

в служенье стране и народу ее

твой крест.

И разили каленые стрелы

не братьев,

а ворогов и воронье.

Не жадностью вечной мужей Святополка,

а верным мечом заслужил ты тогда

любовь христиан.

И погасла надолго

над Русью святой окоянных звезда.

Усобицы княжьи тушил ты.

И миром

уоставшую землю в кулак собирал.

И русскую правду

то словом,
то пиром,
то древней иконою славил
И знал.
что путь твой не вечен.
А мир над землею
в тех душах, где возвращено семя твое,
в простых мужиках
деревянной сохою
кующих величье и славу ее.
-Вы, дети, не бойтесь ни рати, ни зверя,
отцовский наказ этот колос взрастит.
Никто и ничто вас не сломит.
Измерит
лишь Бог ваши вины.
И Бог вам простит!
Волеы на телеге в святую Софию
сквозь плач Переславля свезут его прах.
Крест животворящий на княжеской вые
и царские цепи.
Прощай, Мономах!
К отцу и жене, в дорогие пределы
ведет тебя путь.
И судить не берусь
свершенное князем Владимиром дело
и слово его:
Не ходите на Русь!

январь 1992 г.

REMEMBER*

А.Д. Меншикову

1

Гаснут свечи.

Над кручей крик
птиц разбуженных,
хохот зверя.

Хмур и темен, как ночь, старик,
в пораженье свое не веря.

Две княжны,
образа,

псалтырь,
да забытые всеу годы.

Все прошло, обратившись в пыль:
восхожденье,
триумф,
невзгоды.

Шум потех у Москвы-реки,
ботик первый на топкой луже,
и горячие пирожки
с темным сбитнем из грязных кружек.

Сколько всяких побоев снес,
прогорланил кабацких песен,
был всегда бесшабашно весел
и хитер, как дворовый пес,
вороват и на руку скор.

Кто у нас без греха?

В России

каждый третий - бандит или вор.

Ну у да ладно,
грехи простили.

Не простили ему побед
над кичливой боярской дурью,
и костров просвещенья свет,
что из углей в золе раздули,

*помните

растревожив покоев лень
и развеяв угар лампадный,
да Полтавы июньский день,
да полученные награды.
И построенный меж болот
на крови, вопреки стихиям,
первозванный российский флот
и победы его лихие.

Но не сломлен он.

Никогда

не сдавался врагу на милость:

что нажил - унесла вода,

все свершенное,

как приснилось.

Остерман, Долгорукий -

рыл,

копошится у трона свора.

Нет Петра,

кто до гроба был

и судья ему, и опора.

Жизнь прошла, превратившись в миг

бесконечности.

Путь утерян.

Гаснут свечи.

Над кручей крик

птиц разбуженных,

хохот зверя.

2

Цветом кроваво-розовым

кисти рябин горят.

Тусклых глазниц Березова

опустошенный взгляд.

Да лебедей тревожный клич

стелется над водой.

Князь, Александр Данилович,
где вы нашли покой?

Вдруг возжелав скоромного
и презирая скорбь,
в берег погоста темного
билась шальная Обь.

Осатанев в беспечности,
выворотив пласты,
прочь уносила к вечности
кости,
гробы,
кресты,
талой водой ворочая
сосны,
обрыв,
село.

Недругам, да и прочая
уж не достать его,
не оболгать наветами,
не оплевать толпой.

С северными рассветами,
легкой обской волной
меж тальников унылых
соединило Вас.

И воссиял над миром
нерукотворный Спас.

Бюсты, надгробья, речи,
как опоздали вы.

Памятью человеческой
Ваши дела живы
в нашем недавнем прошлом.
Как велико оно!

Все остальное пошло,
призрачно и смешно.

И возникают снова

шпаг и камзолов зернь:
птенцы гнезда Петрова,
вместе ~ князья и чернь.
Жаль, унесли витии
скольких еще, не счесть.
Но ведь жива Россия
памятник вам и честь!

ноябрь 1997 г.

ЕРМАК

Вольные русские колонисты были пионерами в освоении новых земель.

Опережая правительство они обжили «дикое поле» в Нижнем Поволжье, на Тереке, на Яике и Дону, Поход казаков Ермака в Сибирь был прямым продолжением этого народного движения,,
Р.Г. Скрынников.

ДЕТСТВО

Пояс каменный.
Горы без края
в дреме сумрачной тысячи лет.
Тихо воды струит Чусовая,
омывая Уральский хребет.
Лес дремучий, да скальные срезы,
по распадкам цветущий кипрей,
порыжелые знаки железа
на окаринах.
Диких зверей
хохот.
Крики испуганной птицы.
Пес лохматый в подклети скулит.
И мелькают вязальные спицы
в пальцах матери.
Плошка горит.
Скоро полночь.
Пора бы ложиться:
дом затих, дети дружно сопят.

Безмятежны сыновние лица:
видят сладкие сны, знать.
Не спят
только леший, да в омуте черти.
Лики древние с темных икон
смотрят истово.
Искрами чертят
звезды, падая вниз, небосклон.
Плат небесный с востока светлеет,
ветер тронул березы листву:
близко утро.
В окошке синее
одинокая ель на яру.
Скрипнут двери в холодные сени,
воздух утренний хлынет в проем -
отрок,
бесов сын,
Васька Оленин,
убегает на речку тайком.
И летит по песчаному склону
вниз, к покрытой туманом воде,
мимо скользких причалов затона,
узких стругов,
плотов
и ладей.
Сбросив лапти, бросается в воду,
растревожив зеркальную гладь.
Горький дым соляного завода
застилает глубокую падь.
Эй, Урал, просыпайся скорее,
хватит старый - довольно поспал.
Кроны сосен на скалах алеют.
Солнце всходит.
Костер запылал.
Все забыл: что пора за водою,

что сегодня с рассветом на стан.
Упивался заветной мечтою
быть таким же, как Разин Степан.
Да, какие у парня поминки?
Позабыл, обогретый огнем,
что отец, сняв порты, без заминки
отстегает плетеным ремнем.
Не впервой.
И кого не пороли,
приучая закон уважать,
а потом от обиды и боли
потихоньку в чулане рыдать.
Э, да разве об этом на воле
нужно думать, когда все вокруг
распахнулось цветущим раздольем,
удивительно сказочным вдруг.
Корка хлеба, да соли щепотка,
да напоит водой береста.
И летит просмоленая лодка.
мимо скал к заповедным местам.
И кричит босоногий мальчишка
от избытка нахлынувших чувств
под высокой лазоревой крышей,
где сам воздух так сладок и густ.
На широком и солнечном соре
ловит рыбу, не зная о том,
что судьба ему выпадет вскоре
стать навечно уже Ермаком.

НА ВОЛГЕ

На Бузане-острове заводи, да плотбища,
струи быстрокрылые, да казачий стан.
У костра веселого говорил товарищам
Ермак Тимофеевич, волжский атаман:
«Гей, вы, други милые, есаулы верные,

не пора ли зорькою собирать майдан,
да по Волге-матушке в море выйти Черное,
гызом взять на сабельку турский караван?»
Анофрей Степанович и Самбур Андреевич
слушали внимательно перевязь речей.

И решила вольница: «Либо, Тимофеевич!
Погребем ватагою, потрясем гостей.»

По протоке Ахтубе вышли в море грецкое
и, приставши к Матице, ставили дозор.

Видят, незнакомые корабли турецкие
парусами белыми бороздят простор.

Погрузили пушечки в струги остроносые,
огненно ударили, красный взяв товар.

А еще Уразмовну, дочь мурзы раскосого,
девицу-красавицу, атаману в дар.

Но взмолилась девица от печали грустная:

«Не губите, голуби, я вам говорю,

а примите душеньку в веру вашу русскую

и отправте Волгою к белому царю.»

Что же, будь по твоему!

И поплыли весельно,

и приставши к берегу, начинали пир.

Ели, пили сладкое, гулевали весело,

и плясал до одури весь крещеный мир.

И в разгуле пьяные подрались с солдатами,

гость-посол Карамышев доложился, тать.

Царь вельми разгневался, называл проклятыми

и послал стрелецкую из столицы рать.

Зря пролили кровушку.

Ну, да что поделаешь:

пьяному и буйному - море до колен.

Иногда поблазнится, сам того не ведаешь:

думаешь, что выиграл, ан попался в плен.

Навалились глыбою думы невеселые:

казаки яйцкие собирали круг.

И решили ратные: за разбой кровные
перевесят вины их золотник заслуг.
-Господа станишники, думаю то самое:
много будет пущено виселиц рекой.
Так решайте, двинемся всей ватагой Камою
с рухлядью, припасами к славной Чусовой.
Строгановы солью там промышляют, трудятся.
Будем Пермь Великую от татар беречь.
Ну, а кто противные, или руки зудятся,
пусть от гнева царского подаются в Сечь.
Только длани царские длинные, ребятушки,
а за Пояс Каменный хаживал ли кто?
Там-то с воеводами поиграем в прятки,
да леса уральские скроют, если что!
И погладил бороду Анофрей Степанович:
«Прав Ермак, не выстоять супротив царя.
Лучше жизнь веселую начинать, слышь, заново,
чем плясать на петельке, погибая зря.»
-Эй, Иван, а ты то как?
-Я согласный, соколы.
Нам сам черт - не брат, а то, совладать не смог!
Собирай оружие, грузим струги порохом,
да на Камень тронемся, помогай нам Бог?
-Бог, конечно, видит все, только вот поможет ли?
Так что, гуси-лебеди, кончили майдан.
Если есть согласные с нами люди божиин,
выдай им оружие и коней, Иван!
Стихло все, закатное солнце тлеет в зареве.
Одинокой нотою где-то волчий вой.
Табуны отправили, похлебали варево
и к расшивам груженным встали бечевой.
Где теперь обложат их вновь полки стрелецкие?
Лишь чернеют уголья, да угод кричит.
Понизовье волжское, степи половецкие
исчезали в сумерках, таяли в ночи.

НА ИРТЫШЕ

Серебрит волна песчаный плес,
на ветру качается тальник,
легкий ситец золота берез,
лебединых клиньев трубный крик.
Белые на синем облака
предвещают скорые снега.
И несет великая река
струи атамана Ермака.
По воде плывет опавший лист,
в тишине застыли берега.
Но уже звучит татарский свист,
обещая битву казакам.
Всхлипнет воздух от летящих стрел.
Тлеют фитили на, фузях.
У подножья города Искер
стонет под копытами земля.
-Стыдно, други, смерти убоясь
отойти назад.
Да, краше смерть!
Аки пес, дрожит Кучумка-князь,
нам ли, казакам, его жалеть?
От позора войско оборонь
Спас святой, уж лучше в землю лечь?
Грохнули пищали.
Сквозь огонь
завизжала в воздухе картечь.
Кровушкой окрасилась вода.
-Пусть святые молятся за нас!
-Гей, сарынь на кичку, господа,
погуляем здесь в последний раз!
Разъяренный, словно бес в аду,
рубится с врагом лицом в лицо,
черным клином врезавшись в орду
с сотнею своей Иван Кольцо.

-Не робей, ребята, с нами Бог,
раззудись казацкое плечо!
Отобьем нечистых, дайте срок,
пусть узнают волки, что почем!
Хрипы умирающих,
да стон
раненых,
да ржанье лошадей,
дым пороховой, железа звон:
о кольчуги сабель и мечей.
-Ан, все лезут, черт возьми меня!
Саранча, откуда их взялось?
Анофрей Степаныч, дай огня,
чтобы до печенок проняло.
Сколько потеряли казаков!
Мать Христова, души их прими!
Навались Иван на остяков,
к Иртышу нечесанных прижми.
Ты, Самбур, скачи вокруг горы,
в бой не лезь и время не теряй:
обойди их, захвати шатры.
Пусть увидят.
Бог вам помогай!
Дрогнули, попятились враги,
И уходит верхом, бросив чум,
в дебри необъятные тайги
дряхлый и полуслепой Кучум.
Ужасом объаты остяки,
смолк чужой, разноголосый гам.
Расползлись вогульские князьки
по медвежьим падам и углам.
Тихо стало.
Только шепчет бор,
да волною плещется река.
Догорают крепости забор:

черный дым столбом под облака.
И печальный тянется обоз,
свечи тают в скрещенных руках.
Поп читает псалтырь.
Воет пес.
Всем усопшим эти берега
домом стали.
Так-то, не скажи:
обживут кресты высокий склон.
Слава всем, кто голову сложил,
не слукавил!
Низкий вам поклон!
Долго думал думу атаман,
а поднявшись молвил: “Запевай!”
Пусть услышит песню басурман,
да и нас запомнит этот край.
Иноверцев больше не пужать,
пусть приходят, примем как гостей.
Ну, а тех, что на холме лежат,
помянем по-русски, без затей.
Здесь стоять и быть нам навсегда,
порубежье раздвигая вширь.
Раз уж мы притопали сюда,
нашей будет матушка-Сибирь!

Гибель.

-Навались правый борт на весло!
-Приставай, видишь остров.
-Обидно,
не явились бухарцы, как видно
в верхний правый рукав занесло.
-Здесь сегодня майданить придется,
разгружай мужики караван,
-Ставь уху.

-А., вино-то найдется?
-Да, найдется, не бойся, Степан!
Солнце село, веселые звезды
заблестели в небесной меже.
Чист, прозрачен и холоден воздух.
-Есаул-то, кемарит уже!
-Да и нам спать пора собираться:
зуд в кости - переходы круты.
-Нарубите-ка лапника, братцы,
не простыть бы, туды-растуды.
Как должно, не устроив засеки,
разлеглись на поляне в кустах.
Сон смыкает тяжелые веки,
угли гаснут в бивачных кострах.
А тумана холодные змеи,
извиваясь, струятся на сор.
Тихо лезет орда Едыгея,
сняв беззвучно казачий дозор.
Где-то в чаще проухает филин
и плеснется чуть слышно волна.
Спят казаки устало.
Забыли
обо воем от трудов и вина...

Сон Ермака.

Снится атаману Чусовая,
Баранченский волок втапору,
сопки лесом крытые без края,
зимовье у Магницкой горы.
Троицы молебны и молитвы,
в льдинах и шуге Тагил-река,
стойбища вогуличей и битвы
на чужих сибирских берегах.
Сколько дней минуло с той поры,

как легко, одним ударом, гызом
взял улус раскосого Чингиза
на высоком берегу Туры.
В устье же, при выходе в Тобол,
обратил князьков татарских в бегство.
А еще приснилось Ваське детство:
за оградой зеленый дол,
брат давно умерший,
Волги плесы,
над водою ситцевый туман,
женщин горячо любимых слезы.
И вздохнул, проснувшись, атаман.

...Разорвали гортанные крики
тишину.
Загорелось смолье.
Скрежетало железо, да хрипы
умирающих в муках.
Полет
стрел раскрашенных тьму рассекает.
-Не робей, мужики, все к воде!
И казацкие сабли мелькают,
прорубая дорогу.
-Везде
лезут дьяволы, к стругам, ребята!
Мы еще за себя постоим!
И Ермак в авангарде отряда
валит нечисть, круши ее в дым!
Но проломлено днище у струга,
тонет лодка - вода глубока.
Боль в руке перевязанной.
Кругом
обложили враги Ермака.
Смят шишак,
а на сабельке пальцы

онемев побелели, как снег.
И исчез позолоченный панцирь
в покрасневшей иртышской волне.
Ой, Иртыш, ты такого посыла
не припомнишь!
Слезой ключевой
до обских берегов уносило
славу русскую.
Мерный прибор
пел свою заунывную песню.
Бор сосновый угрюмо шумел,
будто скрипом и стоном хотел
заглушить окаянные вести.
Но не хочет Иртыш дать покой
утомленному в битвах герою
и на мыс закипевшей водой
вынес тело твоё под горою.
Здесь князя схоронили тебя,
да царю Сейдяку сообщили,
саблю, пояс, кафтан поделили
и злаченные брони.
Скорбя,
на Башлевском погосте сосна
источила янтарные слезы
и исчезла в столетях.
Весна
распушила на взгорье березы.
Но никто, даже ветер, не знает
где могила его, скорбный знак?
В песнях древних таежного края
навсегда остается Ермак,

Эпилог.

Память, вечная память народная
сохранила героев дела.

Покорителей воля свободная
поколенья на подвиг вела:
воздвигались Пелым и Тобольская
крепость на берегу Иртыша,
Верхотурье и Тара приобская,
городище Тюмени.

Верша

этот путь, расширяя российское
порубежье, стремился вперед,
обживая просторы сибирские,
любопытный русский народ.

Не спеша ваши руки рабочие
возводили в тайге города.

Никакими словами и строчками
не воспеть этот подвиг труда.

Разбудив дебри Севера спящие
продолжаете строить и жить.

От дружин Ермака в настоящее
протянулась незримая нить.

Наши предки творили историю
основательно, не без затей.

Пусть земля Ермакова, Югория,
будет домом для ваших детей.

сентябрь 2000 г. — январь 2001 г.

Невезуха

НЕВЕЗУХА

В жизни Витьки наступила черная полоса. Третий час, то и дело, поглядывая на светящийся циферблат, он сидел возле подъезда на лавочке и ждал. Ждал свою Татьяну, Танечку, Танюшу. Обычно она прибегала домой из своего гастронома уже к половине восьмого. Но сегодня, когда он подъехал к восьми, как условились, дома ее не оказалось. Не знала, где бы она могла быть, и мать. На немой Витькин вопрос она развела руками.

.-Не звонила! Садись, чаем напою, глядишь и появится красавица. Но Витька вежливо отказался, решив дожидаться на улице, благо уже стало совсем тепло, всюду цвела сирень, да и комары еще не обнаглели. Время тянулось медленно, в голову лезла всякая белиберда. Что же могло случиться? «Одно к одному», - подвел итог Витька, - «если не везет, то и на родной жене, как говорить...»

...Все началось с прошлой пятницы, когда тренер, Владимир Васильевич пригласил их всей командой на дачу отдохнуть, порыбачить а заодно, как он выразился «для разминки», вскопать огород под картошку. Все радостно согласились, потому что просыпающийся после зимней спячки серый и грязный город надоел до чертиков. Захотелось глотнуть чистого сельского воздуха, почувствовать запах просыпающейся земли, похлебать ухи о дымком и вообще сменить обстановку.

На левобережье Амура, где располагалась дача В.В., добирались речным трамвайчиком часа полтора. Плыли весело, с песнями под гитару, анекдотами и молодым, здоровым гоготом, сотрясавшим теплоходик и заставлявшим оглядываться закутанных в цветные платки и жакетки тетек, возвращавшихся в свои деревеньки, разбросанные по берегам многочисленных проток.

Отдохнули прекрасно. Огород перелопатили за каких-то два часа. Да и что такое пять соток чернозема для две-

надцати здоровых, молодых мужиков? Тьфу! Потом проверили поставленные загодя сети и натрясли с полведра белорыбицы и окушков, Уха получалась что надо! В.В. даже плеснул грамм по пятьдесят водки ради такого случая, как было оказано» для снятия стрессов и спокойного она». Ночевали в просторной летней кухне прямо на полу, А утром тем же трамвайчиком возвратились в город полные новых впечатлений и отдохнувшие душой.

Неприятности подкрались в воскресенье, когда мозоль на правой ладони, на которую Витька даже не обратил внимания, вздулась и налилась зловещей синевой.

-Слушай, в санчасть надо,- сказал Олег.- Там сегодня Пал Петрович дежурит, утром на службу топал, он тебя в три секунды обслужит. Павел Петрович, хирург военного гарнизона, в котором до отъезда родителей проживал и Витька, осмотрел руку, хмыкнув и сказал:

-Флегмона. Будем резать!

-Как резать?- растерялся Витька.

-Молча. Ты что хочешь заражение получить? Снимай свою хламиду. Маша готовь инструмент, а ты подожди в коридоре, или погуляй часок. Маша, молоденькая сестричка со стройными ножками и веселыми ямочками на щеках, бодро загремела никелированными, посудинами со всяким блестящим барахлом, то и дело одергивая не в меру короткий халатик. В другой раз Витька не упустил бы случая позубоскалить в присутствии красивой девчонки, но при виде всего этого сверкающего, холодного железа, готового рвать его плоть, шутить расхотелось. Руку Витьке намазали почти до локтя йодом, вкатили в ладонь новокаин, и через час он уже прыгал, подвывая и тряся забинтованной кистью в скверике возле санчасти: начала отходить местная анестезия.

В понедельник Витька с утра явился в деканат, дабы получить законную отсрочку сдачи двух курсовых работ. Допуск к сессии без этих курсовых был призречен, как

замки Фата-Морганы в пустыне, но и чертить с забинтованной клешней не было никакой возможности.

-Как-там шеф?- спросил он худенькую, неопределенных лет деканадскую секретаршу, которую все за глаза почему-то звали Зюзя.

-Как обычно.

-Ну, так я пойду?

-Ну, так иди.

Декан с сочувствием рассмотрел уже не первой свежести бинты, с полным пониманием выслушал историю их появления и отправил Витьку в институтскую поликлинику за оправкой, в поликлинике Витьку разбинтовали, осмотрели рану, смазали ее какой-то вонючей мазью, наложили свежую повязку, но справку давать отказались: не мы резали, не нам и справки давать! Витька попытался объяснить, что санчасть - военное подразделение и тем более никаких справок не дает, на что его мягко, но решительно выставили за дверь. «Во, блин, и влип!»- подумал Витька, -»Система, мать ее!» Он опять поплелся в деканат. Декан вторично выслушал Витьку, но остался непреклонен: будет справка - будет отсрочка, а на нет и суда нет!

-Пошли на пляж, Витек, косточки погреем,- пригласили выходявшие из общежития ребята, но Витька только махнул рукой. Не сданные в срок экзамены грозили потерей стипендии, которая ох как не была лишней.

Дальше – больше. Наутро на правой скуле вздулся огромный фурункул, который нестерпимо зудел и не давал притронуться к щеке. Пришлось снова тащиться в поликлинику, где вчерашний доктор вскрыл его и заклеил Витьке повязкой половину физиономии. Поскольку, эта напасть права на справку не давала: голова - не рука, ей чертить не надо, то настроение упало до нуля. Увидев себя в зеркале Витька совсем скис. В четверг начиналась спартакиада вузов города по легкой атлетике и Витька

заявленный в метании диска пролетал, как фанера над Парижем, Он собрался и мрачно поплелся на стадион предупредить В.В., что на него рассчитывать не стоит и нужно менять заявку, а то команда потеряет очки. «Вот непраха! Ну, прям, хоть удавись» - крутились в голове не-веселые мысли. Будущее представлялось беспросветно серым. На завтра у него было свидание с Татьяной и он не представлял, как явиться туда в таком виде.

-Нормальный вид,- сказал ему сокурсник и сосед по комнате Сашка,-обычные бандитские пули.

-Да, иди ты, и так выть хочется!

-Кончай ныть! Любит - примет всяким.

С Татьяной он познакомился в прошлом году на вечеринке у Олега. Оказалось, что учились они в одной школе, правда она на два класса позже. В тот день, когда он ее провожал, проговорили в подъезде чуть не до утра. А через неделю он понял, что соскучился по этой симпатичной, белокурой девчонке. Он позвонил ей. Потом были долгие проводы с бесконечными поцелуями, поездки на левобережные пляжи, веселые компании у общих знакомых. Однажды она пригласила его к себе домой и познакомила со своей мамой, женщиной простой и приветливой. Жизнь у Витьки стала радостной, и наполненной. Если раньше случались вечера, или выходные, когда он не знал куда себя деть, то сейчас он все свое свободное время отдавал любимой. И она отвечала ему взаимностью. Всегда веселая и обаятельная, она была рада видеть Витьку у себя в любое время дня и ночи. А потом была та ночь в полатке под шепот громадных кедров, уходящих своими кронами под облака, и звон водопада на прозрачном таежном ручейке, где днем плавали и резвились стайки серебристых гальянов. Его руки скользили по ее обнаженным бедрам, а губы искали затвердевшие соски налившихся грудей. Она же, постанывая, горячо дышала ему в щеку, бормоча что-то нежное. Ус-

талые, они лежали прижавшись друг к другу, оглушенные нахлынувшими на них чувствами, и молчали. За брезентовыми стенами палатки шумел ветер, поскрипывали стволы деревьев, а в голове у Витьки звучали скрипки.

-Ты меня любишь?

-Люблю!

-И я тебя!

За один поцелуй этой ставшей для него бесконечно дорогой женщины Витька был готов перевернуть весь мир.

...Похолодало. Звезды, рассыпавшиеся по темному небосклону, помаргивали, как светлячки. Между кустами и стволами деревьев в сквере потянулись полосы белесого тумана. Чтобы согреться, Витька несколько раз пробежался по тротуару вдоль домов, не выпуская, однако, из вида освещенного кусочка асфальта возле подъезда. Согревшись, он несколько раз подтянулся. повиснув на ветке тополя, росшего тут же, и снова плюхнулся на скамейку. От нечего делать Витька стал искать на небе знакомые созвездия, которые помнил со школы. Но таких оказалось не слишком много. Ожидание становилось все тягостнее и мучительнее. В сознании то и дело возникали апокалиптические картины, одна ужаснее другой: то авария автобуса, в который врезался многотонный грузовик, то наглое приставание хулиганов в темном переулке с истошными криками жертвы, которых никто не слышал. Витька стал гнать от себя мрачные мысли, но ждатель становилось совсем невмочь. Еще хуже было от бессилия, что, либо-изменить, предпринять что-то, прийти на помощь. Бездействие угнетало. А тут еще проснувшиеся, первые, редкие, а потому особенно злые комары начали зудеть свои песни. «Закурить бы», - с тоской подумал Витька. Но курить он бросил года два назад, уступив неоднократным требованиям тренера, и поэтому,

единственной возникшей мыслью было: где бы стрельнуть? Но двор и прилегающая дорога с редкими фонарями по обочинам оставались пустынными. Витька вспомнил, как прошлым летом они всей компанией, вместе с девчонками отправились на несколько дней отдохнуть к Петропавловскому озеру, где располагалась геодезическая база института. Как голыми руками ловили в теплом, обмелевшем озере полусонных карасей, а потом жарили их на огромном протвине, выпрошенном на время у сторожа базы. Как пели у ночного костра на берегу песни Окуджавы и Визбора, а потом сквозь треск помех слушали запрещенный «Голос Америки», представляя себя эдакими витийствующими десидентами. А сейчас ночной холодок все глубже проникал под застегнутую наглухо болоньевую куртку. Размышляя о превратностях жизни, Витька отвлекся и очнулся от неожиданного визга тормозов и мигания фар остановившегося на обочине такси. «О, сейчас стрельнем закурить», - было поднялся он, но что-то удержало его на месте. Хлопнули дверцы, и, выскочивший первым, насколько разглядел Витька, офицер помог выбраться из машины своей даме. Две фигуры слились вместе и, когда женщина отпрянула, Витька вздрогнул, как от удара, разглядев на фоне вспыхнувшего в салоне света знакомый силуэт. Внутри что-то оборвалось и больно заныло. Такси развернулось на дороге и свет его фар исчез за поворотом, а по асфальту, приближаясь, застучали женские каблучки. Словно оглушенный, Витька, как сомнамбула, поднялся с лавочки. Глаза подошедшей и узнавшей его Татьяны округлились, она остановилась, как вкопанная, молча глядя на Витьку. Возникший в горле ком не давал ему произнести ни слова. Он попытался что-то сказать, но вышло только сдавленное сипение. Неожиданно для самого себя он ударил ее по щеке левой рукой и сам испугался содеянного. Татьяна не отшатнулась, не закрыла лицо

ладонями, а только как-то сжалась, все так же глядя на Витьку широко распахнутыми, испуганными глазами. Ничего не видя перед собой, Витька стремительно шагнул в темноту и помчался не разбирая дороги, размазывая бинтами на ходу, неожиданно наполнившие глаза и побежавшие горячими ручейками по щекам злые, беззвучные слезы.

октябрь-ноябрь 2001 г,

ОДЕНУ Я ШАПКУ УШАНКУ

(несколько страниц из дневника)

Еще полчаса назад я вышел из гостиницы «Свердловск» штатским человеком, весьма довольным собой и почти счастливым. А, сейчас, стоя перед дверью кабинета, указанного мне офицером, дежурным по корпусу, я испытывал не то чтобы робость, особо робким я вообще-то себя не считал, но некоторое трепетное волнение и грусть.

Вчера, выходя из самолета рейса «Хабаровск-Свердловск» и вдыхая воздух незнакомого города, я упивался тем чувством свободы и независимости, которое дает молодость и та значительная по тем временам сумма денег, имевшаяся у меня в кармане. Душа пела от новых впечатлений и предвкушения неизвестного. А сегодня кончалась моя гражданская жизнь. Постучав, я толкнул дверь.

-Разрешите?

-Войдите.

Моложавый подполковник оглядел меня отеческим взглядом, от которого я почувствовал себя несколько скованно. Так бывает на званном обеде, когда вы себе на брюки проливаете соус и, чертыхаясь в душе, украдкой оглядываетесь на соседей. Соседи, кто в меру воспитанности, кто из солидарности с ней, стараются не заметить вашей оплошности. Но вы-то знаете, что они все видят.

-Откуда прибыли, молодой человек?!- явно получая удовольствие от заданного вопроса, произнес подполковник.

-Из Хабаровска,- четко, по строевому, качнув пузырями брюк на коленях, ответил я.

-Ну, и как там Хабаровск?

-Нормально, товарищ подполковник. Начальник отдела кадров еще раз критически осмотрел меня с головы

до ног и продолжил уже строгим голосом повидавшего виды ветерана:

-Фамилия и звание?

Я звонко ответил, уже чувствуя себя причастным к блестящей офицерской касте, которую всегда видел перед глазами в сверкающих кирасах Петра Великого, или папах наших дней. В голосе подполковника исчезли нотки заботы умудренного жизнью человека к начинающему жить юноше, и зазвучала неукротимая воля:

-Бороду сбрить, лейтенант, привести себя в надлежащий вид и через час явиться.

-Есть!- я повернулся и вышел.

Пришлось возвратиться в гостиницу, так как города я не знал, отстоять очередь в гостиничную парикмахерскую и обрить свою клочковатую, рыжую бородку, кропотливо взращиваемую и лелеемую мною долгие месяцы работы на самом дальнем востоке нашей Родины. Через час, побритый, постриженный и освеженный «Шипром» я стоял у дверей знакомого кабинета.

-Лейтенант Савельев по вашему приказанию явился,- бодро отрапортовал я.

-Являются приведения, лейтенант, военно-служащие прибывают,-но глаза старого служаки слегка потеплели.- Совсем другое дело. И советую, лейтенант, следить за своей внешностью. Это красиво, гигиенично и нравится не только девушкам.

Я промолчал, но про себя подумал иное. Некоторая расхлябанность и небрежность всегда считались шиком в нашей студенческой компании и девушки наши эту небрежность в одежде и поведении почитали за некую самоуглубленность и признак чего-то такого байроновского. А может быть просто делали вид, кто знает? И мы усиленно изображали из себя этаких нигилистов и отрицателей всех истин мира. Юность всегда пытается чем-то выделиться. Единственное, к чему я не питал любви,

так это к длинным мужским прическам. Отец у меня военный летчик и, видимо, общение с армейской средой принесло свои плоды. Стригся я всегда накоротко.

-Итак, куда же Вас направить?

Подполковник подошел к большой карте, развешанной на стене кабинета, и задумался. Я насторожился, как заяц, услышавший шорох лисьих шагов. Здесь я впервые и услал название «Ивдель-Обь». Я не подозревал тогда, что город Ивдель, всего-навсего большой лагерь строгого режима сталинских времен, где мне придется долгих полтора года строить многопролетный железнодорожный мост через реку Лозьва, в которой, как говорили, в незапамятные времена водилась даже нельма. Мост как раз пересекал реку между биржами номер один и номер два: на одной лес кряже-вали, на другой производили распиловку. И зеки, одетые в черные ватные фуфайки и кирзовые сапоги, баграми проталкивали бревна под строящимся мостом изредка прося закурить. Здесь же производился натуральный обмен между волей и лагерем. Охрана эти контакты, казалось, не замечала. Да, и трудно рядовому, хотя и вооруженному автоматом, что-то возразить прокопченному дымом костров, у которых грелись в перерывах между работой бойцы батальона, заглубевшему на солнце и морозе офицеру, в соседстве с которым приходилось находиться почти ежедневно. К тому же большинство работающих зеков были бесконвойниками. За бутылку водки, или несколько пачек чая на этой мини-ярмарке можно было заполучить прекрасно выполненный складной нож с выскакивающим лезвием, пистолет-зажигалку, большой дефицит в те времена, а то, конечно по особому заказу и увеличенную плату, прилично сшитые женские сапоги. Товар редкий и в магазинах бывавший раз в год, и то из-под полы.

Но все это будет позже, А тогда на слуху у всех, кого призывали в желдорбат, было строительство железной

дороги Тюмень-Сургут. Оно было известно еще со времен прохождения учебы на военной кафедре института, но представлялось чем-то далеким и нереальным. Дорогу эту, так нам думалось, тянули аж к Ледовитому океану для каких-то стратегических целей, может быть для соединения с той, еще начатой до войны, заполярной дорогой, на которой трудился до Соловков мой дед-попаяк. Спустя годы, у меня сложатся такие строки о том заброшенном пути через тундру:

«Телефонный ночной звонок.

Вспомнил все, что забыл уже.

Громкий топот твоих сапог
бьет по памяти и душе.

Скажешь, выстрадала давно,
но воочию видел сам:

рельсы в тундре,

спираль Бруно,

да кресты по твоим лесам...”

О нефти и газе тогда было мало известно. Шли изыскания, кое что уже разведали. В начале семидесятых туда пробивалась железными дорогами армия. Были болота, гнус, жизнь в балках, неустроенный семейный быт и прочие прелести, начиная с бурных выяснений отношений, в связи о отдаленностью проживания и редкими встречами с прекрасной половиной человечества, до глубоких запоев, от тоски по нормальной жизни. Что же касается другой магистрали, которая имела место быть построенной к великой сибирской реке, о ней я, к стыду своему, даже не имел понятия. Ну, да ладно: Бог не выдаст, свинья не съест.

-Думаю, сюда, в мостостроительный, там как раз не хватает инженера техчасти,- и палец подполковника уперся в необозримые болота Западной Сибири.-ВУЗ Вы окончили хороший, надеюсь, справитесь.

-Постараюсь, товарищ подполковник,- не совсем чет-

ко проговорил я. С дикцией мы были не в ладах с детства и подполковник меня, видимо, не расслышал.

-Веселее, лейтенант, обрабатывайте командирский голос.

Через два часа в учебном полку заботливый, чем-то напоминающий нашу школьную уборщицу, старшина старательно пришел на выданный мне китель погонны. Жаль, что не эполеты, подумал я, заглянул в зеркало, поправил фуражку и повеселел.

Состав отошел от перона. Я стоял в тамбуре и курил. Подвыпившие мужички, как впоследствии выяснилось - вахтовики, попросили прикурить. Раз-говорились.

-Не бойсь, служивый, и там люди живут, хлеб жуют.

-Да, я, вообще-то, не боюсь.

-Ну, и ладненько. Пойдем-ка лучше по маленькой деревне.

За окном проплывали отроги Уральских гор. Колеса стучали по рельсам, убаюкивая и успокаивая - все будет нормально. В темнеющем небе загорались первые звезды. Где же моя? Я лег на верхнюю полку и уснул.

Следующим вечером поезд довез меня до станции Верхнекондинская, по названию реки, истоки которой начинались где-то рядом. У покосившегося, деревянного вокзала один единственный фонарный столб тускло освещал засыпанную щебнем привокзальную площадь. Шел мелкий и нудный сентябрьский дождь. Я вышел из вагона, попутчики помогли мне вынести вещи.

-Прощевай, лейтенант, может еще свидимся, какие наши годы?

-Счастливо, мужики.

-И тебе счастливо.

Я огляделся и увидел стоящий неподалеку грузовик с армейскими номерами. Встречающий офицер представился:

-Лейтенант Ворошнин,- и протянул руку,- можно про-

сто Саша, Ну, как там Свердловск?

-Да, я его почти не видел.

-Жаль, красивый город. Конечно, не Москва, но все же. После него наши пенаты, надо думать, покажутся мрачноватыми. Эй, бойцы, помогите лейтенанту! Тебя откуда забрали?

- Да, с самого края, с Охотского моря.

-Ни хрена себе! Что, поближе места не нашлось?

-Я так думаю, что специально подальше отправляют, чтобы мысли дурные не роились в голове.

-Наверно.

-Ну, а тут как?

-Привыкнешь, жить можно. Комбат, правда не без придури, но, вообще, народ собрался подходящий, ребята из Москвы, из Новосибирска, есть даже из Грузии. Так что ты первый с Дальнего Востока.

Ну, что, поехали?

Руки солдат подхватили огромный узел с выданной заботливым свердловским старшиной аммуницией, мой полупустой чемодан, машина тронулась и темные ухабистые улицы поселка проглотили нас.

Так начиналась моя новая жизнь, связанная с этой суровой землей, с ее речками и сосновыми гривами, с ее неукротимыми и широкими душой обитателями. Тогда я еще не знал, что это очень надолго, может быть навсегда.

Стояла суровая зима 1971 года. Мороз доходил до минус пятидесяти. Густой туман висел над поселком плотным одеялом.

-Я уезжаю,- однажды сказала жена,- У мамы нам будет лучше... Возразить было трудно, да и не хотелось. Конечно, дома лучше, особенно, если это у мамы.

Три месяца мы прожили вместе в холодном щитовом домике на краю поселка, который нам выделило командование. Дом топился дровами, дрова были сырыми. Так,

что согреться, несмотря на все усилия, не удавалось.

-Жену, лейтенант Савельев, привозить не следовало, - назидательно внушал начальник штаба.- Сами видите, условия не те. Тем более с маленьким ребенком.

На приезде жены настояла теща, умудренная жизненным опытом женщина. Видимо, опыт этот был не самым удачным.

-Гляди, загуляет,- внушала она Татьяне,- Не думай, езжай, семья должна быть вместе.

Мне кое-как удалось подготовить выделенное жилище к приезду семьи. Помогли сослуживцы: кто дал табуретку, кто - кастрюлю. Соседка Вера принесла маленький шерстяной коврик.

-Это для маленького,- просто сказала она.

День приезда я помню отчетливо. Светило яркое солнце, искрился ослепительно белый снег. Радостное лицо жены показалось в тамбуре, на руках она держала завернутого в одеяло нашего первенца. Ребята подхватили вещи, погрузили в кузов и наперебой стали рассматривать сопевшего в одеяле Димку.

-Вылитый папаня!

-Отойдите, черти,- Вера отобрала сверток,- дитя простудите.

На душе играли скрипки и пели соловьи. Вера с мужем Сережей, капитаном Титовым, помогли накрыть стол. Из офицерской столовой добыли селедку и квашенную капусту. Сварили картошку. Сашка Ворошнин притащил откуда-то шпроты и бутылку медицинского спирта. Юра Гомянин, москвич и гурман, пришел с армянским коньяком и икрой. Где он их достал, было для всех присутствующих загадкой. Но, поскольку, Юра служил уже второй год и был по неписанным армейским законам «стариком», задавать подобные вопросы было по меньшей мере неприлично. Пришел он не один, а с девушкой по имени Валя, работающей на базе ОРСа местного

леспромхоза.

-Прошу любить и жаловать,- церемонно представил ее Юрка. Он всегда был склонен к величавым жестам и движениям и не лишен артистических наклонностей.

-Моя дама сердца.

Валя, смешливая и миленькая блондинка, влюбленно смотрела на своего героя и было понятно, откуда взялись на нашем столе эти дорогостоящие и редкие продукты.

-Ну, что ребята,- поднялся из-за стола Сергей,- разрешите мне, как старшему. За счастье этого дома!

-Виват!- завершил Сашка и, хватанув не тем горлом спирт, зашелся в удушливом кашле.

-Горько!- закричал Юрка, колотя его по спине.

-Горько,- подхватили гости.

Завели магнитофон, начались танцы. Будущее казалось ясным и безоблачным. Было весело, вокруг друзья, чего еще человеку надо...

-Тебя вечно нет! Надоели эти твои трассы и мосты,- раздраженно говорила жена.- Когда же все это кончится?

-Но, ведь все это - служба, и строим мы по всей дороге,- пытался оправдаться я.

- Служба, служба! Одно и то же! Я выбиваюсь из сил. Вечно сиди, как сыч, одна и жди, подвезут воду, или нет, будет свет, или опять куковать в темноте. Телевизора и того нет.

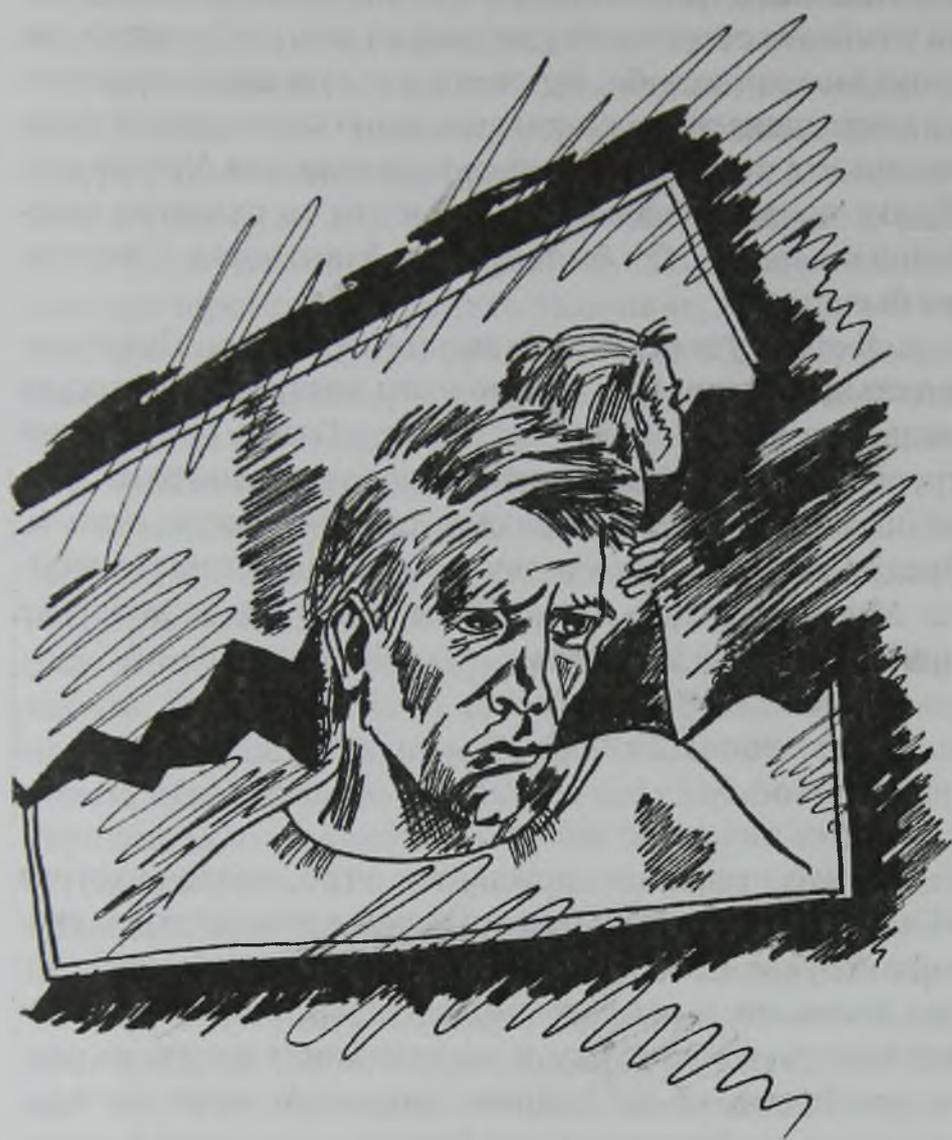
-Купим еще. И ты к тому же не одна.

-Ага, купим! Когда? Когда рак на горе свистнет. На твою зарплату новых чулок не купишь. Что же мне здесь от тоски удавиться? Лучше бы мы остались в Хабаровске, и для нас лучше, и для тебя.

-И что ты предлагаешь?

-Ничего..

Я часто потом вспоминал эти месяцы и наше житье-

быть, Кроме горечи в душе, они оставили в памяти и мгновенья радости. В этом доме впервые встал на ноги наш сын. Вернувшись однажды с танцев мы обнаружили его стоящим босиком на полу в полнейшей темноте. Димка улыбался счастливой улыбкой во весь рот, ощерив два своих молочных зуба. Возле его ног суетились и шмыгали вездесущие рыжие тараканы, занятые своими делами, но они его, похоже, нисколько не тревожили. Увидев нас, Димка протянул свою ручонку и что-то радостно залепетал по-своему. Он был наверху блаженства. Счастливы были и мы.

...Я стоял у деревянного здания аэропорта. Дул пронзительный ветер. Его колкие иглы насквозь протыкали шинель и китель, и вое остальное. Тоска. Старенький трудяга ЛИ-2, с натугой дребезжа двигателями, разбежался по летному полю, поднял за собой снежную пыль и, быстро превращаясь в точку, исчез в голубизне горизонта. Мы встретились лишь однажды, но эта встреча уже ничего не могла изменить.

-Ты помнишь, Генка?

-Помню.

Я тоже ничего не забыл...

Стояло ненастное, дождливое утро, когда сухогруз «Капитан Невельской» бросил якорь в извиистой и скалистой бухте. Дождь был особенный. Его как бы не было: так, пыль, но через пару часов телогрейка напоминала опущенную в воду губку, и вес ее начинал давить на плечи, как бревно на субботнике. Более трех часов мы ждали, когда на берегу заведут буксир и подтянут к судну плашкоут, чтобы начать разгрузку пассажиров и продовольствия, и завернувшись в брезентухи, от нечего делать, удили прямо с борта ерша. У ерша был жор и он хватал никелированный обрезок поршня с впаянными в него крючками без перекура. Девать рыбу было некуда и

ее без сожаления снова бросали в воду,

А до этого было десятидневное ожидание судна в Николаевске-на-Амуре, так как Аян не принимал АН-2 из-за плохой погоды, а суда, идущие туда, или хотя бы в ближайшие точки на карте, тоже отсутствовали.

Устроились жить в школе, на последние деньги покупали только хлеб. Чтобы совсем не оголодать, ловили в Амуре раков. Усилиями пробивного Пашки Самсонова нашли работу на колбасной фабрике и какой-то стройке. Я попал на колбасную фабрику. После трехчасовой очистки территории от плохо пахнущих, гниющих отходов нам выдали по три рубля и в подсобке накормили такой колбасой, какой я никогда уже в жизни не ел. Ах, какая была колбаса! Горячая, сочная, слегка подкопченная - она до сих пор стоит у меня перед глазами.

-Кушайте сколько хотите, только с собой нельзя! Как бы не так! Нас вечером ждала дюжина здоровых голодных ртов, как мы могли обмануть их ожидание. Мы набиты этим удивительным продуктом все, что можно было набить. И хотя ребята на стройке заработали побольше нашего, вечером главным блюдом на столе с дешевым вином, купленным по случаю удачных заработков, была украденная нами колбаса.

Наконец спустили трап и через четверть часа мы, шестнадцать молодых парней, ступили на галечный берег у поселка со странным названием Аян. Поселок был деревянный, одноэтажный, почерневший от постоянной влаги и времени. Пахло водорослями, протухшей рыбой и еще чем-то неуловимым, что отличает населенные пункты, расположенные на берегах морей. от тех, что находятся в глубине материков.

Встречал нас главный инженер управления:

-Тягач в бухту придет завтра. А, пока, селитесь в общежитие, получайте провиант, инвентарь, инструменты. Готовте к погрузке материалы. Цемент мы туда уже заб-

росили.

-Далеко это?

-Верст двести морем. Думаю, за сутки доберетесь. Пока Пашка отправился в контору решать производственные и финансовые вопросы, мы, быстро побросав рюкзаки в комнате общежития, отправились на берег моря. Был отлив. Местные пацаны ловили на оголившихся рифах крабов, еще не ушедших на линьку. За трояк была приобретена нехитрая снасть в виде шеста с крючьями из проволоки и спустя полчаса из ращелин между камнями было добыто с полсотни довольно крупных экземпляров.

Пашка явился спустя час после нашего возвращения.

-Все в порядке. Двое со мной на склад. Слава с Игорем и Женей грузить доску на баржу, где, я вам покажу. Ты, Стас, давай на базу ОРСа получать жратву. Возьми с собой человека три. Машины нет: придется тащить на себе. Курево, главное, не забудьте. Сколько? Бери ящика два «Севера». Остальным готовить ужин. А ты, Толик, слетай в магазин, он тут один: возьми бутылок восемь спирта. На гроши. Почему спирт? А, тут, акромя него нет ни хрена. Общий сбор - в семь. Ну, давайте!

Три часа прошли в рабочей суматохе. Под неутихающим дождем мы погрузили на баржу кубометров десять доски и еще какие-то ящики. К концу работы все промокли до нитки. Почти точно к семи ноль-ноль все собрались в общежитии. Пока мы где можно развешивали промокшее тряпье, прибыл Пашка. Он пришел не один.

Александр Васильевич, наш шкипер!

-Можно просто: дядя Саша, я все-таки постарше буду.

Дядя Саша, мужик лет пятидесяти, с темной, задубленной морским ветром физиономией, низко нависшими бровями и характерным красным носом был не красавец, но производил неизгладимое впечатление, как мы впоследствии выяснили, не только на женщин бальзаков-

ского возраста, но и на более молодых представительниц слабого пола. Правда, уже не в АЯНЕ, здесь это не проходило, сказывалась жестокая конкуренция, а в отдаленных, разбросанных по побережью поселках и стойбищах, куда он, влекомый буксиром, развозил на своей барже продукты питания, топливо и прочие, необходимые для жизни в этом суровом краю, вещи. Незнакомые мужчины там появлялись столь же редко, как и живые мамонты.

-За встречу на этой земле!

-За знакомство!

-За удачу!

Тосты звучали под веселый гомон компании, трещали панцири сваренных прямо в морской воде крабов.

-А, киты здесь встречаются?

-Нет, китов здесь не бывает, только нерпа, да тюлени.

-А, с рыбой как?

-Рыбки, слава Богу, всем хватает. Не оскудело покуда море. И мойвы сейчас полно, можно прям на прибое собирать, и красная рыбка уже появляться начала. Грех жаловаться, есть рыбка.

-Зверь-то еще не перевелся?

-Куда вы едете, там зверь совсем непуганный. Дикие места. Так, что при желании, и поохотится можно. Только шибко баловать не надо: надзор сейчас свирепствует - у зверя потомство подрастает,

Кто-то взял гитару и запел:

«...Будь проклята ты, Колыма,
что названа чудной планетой.

Зайдешь поневоле сюда, ...
отсюда возврата уж нету...

« Все смолкли, слушая знакомые слова старой песни.

Что-то нас ждет впереди.

Утром, после погрузки, заскрипев ржавым днищем по донной гальке, баржа развернулась и, качнувшись на

невысокой волне, как послушный теленок на поводу, тронулась за буксиром на север. Вместе с нами на барже расквартировался взвод погранцов с лейтенантом Сережей. По дороге мы должны были забросить их на один из островов, раскиданных в этом холодном и беспокойном море. Где-то там располагалась их застава. Стоял почти полный штиль. Мимо нас проплывали остатки дымящихся под солнцем льдин, стаи уток тут и там отдыхали на зеркале воды. На западе, у самого горизонта виднелись макушки покрытых лесом гор. Бойцы были моложе нас, все вокруг для них было необычно и тревожно, и они жались друг к дружке, пытаясь найти опору и обрести душевный покой в этом единстве. Ночью, когда мы спали, они выгрузились.

Утром я проснулся от тишины и сначала не понял, что случилось. Слышались только негромкие шлепки воды по корпусу баржи. Потом до меня дошло: не было слышно монотонного шума двигателей буксира. Набросив на плечи телогрейку я выбрался из трюма на падубу. Бухта открылась мне сразу во всей своей дикой красоте. На востоке, прямо из воды, вставало огромное, обещавшее жаркий день, солнце. Баржа стояла на мелководье возле распадка, уходящего на северо-запад. Левый берег представлял собой нагромождение скал, почти вертикально торчащих в небо. Над ними уже кружили стаи птиц. Правым берегом бухты были сопки, покрытые голубой аянской елью, которую до этого я видел только у Мавзолея. Прямо по распадку текла небольшая, каменистая речушка, обрываясь небольшим водопадом в море. Водопад этот, как выяснилось впоследствии, можно было увидеть только во время глубокого отлива. В остальное время море подпирало речку и водопад исчезал.

Спустившись по трапу, я прыгнул на берег, чтобы лишний раз не мочить сапог. У самой кромки отлива в спокойной, прозрачной воде полз по гальке дна рак-от-

шельник, волоча на себе витую раковину. Я вытащил рака из его домика, отбросил метра на три и стал наблюдать, что будет дальше. Упав в воду, рак замер на мгновение, а затем уверенно и довольно прытко двинулся в сторону так нахально отобранной у него раковины. Угнездившись мягким брюшком в своем убежище, рак деловито двинулся дальше по своим делам. «Прямо, как по компасу,»- подумал я.

-Однако, приехали?

Я поднял голову и увидел стоящего рядом, довольно молодого, крепко сбитого якута.

-Здорово! Откуда ты взялся?

-Здравствуй, здравствуй!- Он махнул рукой в сторону леса. Там, на краю опушки, стояло несколько бревенчатых строений, обнесенных забором из жердей, которые я сразу не заметил,

-А, где дядя Саша?- Он протянул мне руку.

-Да, похоже, все еще спят.

-Долго спят, однако, будить пора. Тебя как зовут?

-Игорь.

-А меня Ефим.

-Очень приятно.

Я протянул Ефиму пачку папирос и мы закурили, присев на разбросанные по берегу валуны. Начинало пригревать солнце. Со стороны баржи раздался надсадный кашель, затем громкие чертыханья и в люке палубы показалась всклокоченная голова нашего шкипера.

-А, Ефим, здорово! Ну, как ты тут? Как Ольга с дитем?

-Да, все хорошо, однако.

-Ну, и слава Богу! Рыбка свежая есть? Я тут тебе подарки от родни привез, заберешь потом. А, то, сейчас притащить?

-Ай, спасибо, Саш! А то чай на прошлой неделе кончился. Не суетись, садись, покурим. А рыбка есть, как не

быть, пошла рыбка. Хорошо нынче пошла, густо. Чего еще привез?

-Стройматериалы. Кончается твоя вольная жизнь, Ефим. Зажился ты тут, как барсук в норе, Щас ребята сварганят жилье, понаедут городские и прощай тишина,- Шкипер плюнул под ноги. В глубине распадка, повыше, послышался лай собак, а затем ружейный выстрел.

-Мишка.- Дядя Саша бросил окурок. -Хорошим охотником будет.

Ефим жил здесь уже пять лет, работая обходчиком линии связи, стальная нитка которой пересекала распадок и уходила куда-то за сопки. Жил он с женой и четырех-летний сыном Мишкой. А нашу команду прислали сюда строить дизельную с котельной, закладывать новый узел связи и два рубленых двухквартирных дома. Ефим, по сути своей таежник, привыкший к неторопливым отношениям с природой, избегавший лишней суеты, часто потом сокрушался по этому поводу: "Народ приедет, шумно будет - уйдет зверь. Ай, нехорошо"

-Ну, что, пора поднимать мужиков,- шкипер уже во-зился с костром из собранного тут же плавника,- надо баржу разгружать, а то мне еще до Аюкоя топать. Хорошо бы к вечеру добраться. Эй, Игорек, притащи-ка чайник из кубрика.

На берег стали спускаться проснувшиеся.

-Давайте чаевничать, мужики, да пора за работу. Ополоснув физиономии, разлили в кружки густой чай, открыли банки с тушенкой. Так начинался для нас первый день в бухте Федора, ставшей для нас на какое-то время домом. Кто был этот Федор, именем которого назвали бухту, я так никогда и не узнал, может быть старатель, мывший здесь золото, или зверобой, нашедший здесь укрытие от взбесившегося штормового моря, а может кто-то из родни Ефима, кочующей здесь с тех незапамятных времен, когда сюда добрались первые русские зем-

лепроходцы. Кто знает?

По утрам мы умывались в чистом, бегущем по галечнику в двадцати метрах от наших палаток ручье. Ручей не просто бодрил, он обжигал. Вода в нем была льдисто-колкой и удивительно вкусной. Привыкшие к благам цивилизации, мы каждое утро с содроганием опускали руки в его студеные струи. Некоторые, самые решительные, пытались даже купаться в небольшом омутке, если прыжок в воду с дикими криками и выскакиванием пулею назад можно считать купанием. Попробывал однажды и я. После этой процедуры тело под одеждой покалывало мелкими иголочками еще с полчаса. Ручей воспитывал волю. Он заставлял забыть о сыром палаточном тепле, о парном, терпком запахе непросохшей одежды, о тех мгновениях перед подъемом, когда ни за какие деньги не хочется покидать раскладушку. После прикосновений его воды кожа розовела, тело наливалось бодростью и жизнь, казавшаяся с утра серой и обрыдлой, становилась не такой скучной, а работа - не такой тяжелой.

-Славка, что на завтрак?

-Рыба в кляре.

-Рыба, рыба, мать ее. Когда, хоть, тушенки завезут, еще на той неделе обещали. А что такое в кляре?

-В тесте, значит. Будет тушенка, что-нибудь другое сварганю, А, пока, жрите рыбу в кляре.

-Кончайте скулить, мужики,- угнездился у стола Пашка,- Завтра к вечеру из Аюкоя шкипер должен зайти, обещал чего-нибудь подбросить, Ты, Валер, трактор так не гоняй, а то придется на себе бут корячить. И цемент аккуратней сыпте, не песок: не дай Бог, закончится не вовремя.

-Паш, начальство, вроде, кино обещало, не напоминал?

-Вчера разговаривал от Ефима, говорят будет.

-Ладно, кончай лясы точить, пошли работать! Пальцы на руках болели вечной тупой болью. По утрам они не разгибались и отказывались слушаться. Приходилось долго разминать их, лежа под одеялом, в ожидании команды «подъем!» В течение последних двадцати дней мы с Генкой готовили раствор для забутовки стен. Месили старым, дедовским способом - в бойке, деревянном ящике, обитом листовым железом. Лопата, казалось, приросла к рукам и стала их продолжением. Через полчаса работы боль из пальцев уходила в черенок и жить становилось веселее. Чтобы совсем не отупеть от монотонности и однообразия работы болтали о том, о сем.

-Помидорчиков бы сейчас и зелени, да под стопочку. Или борща из свежей капустки. Как, Игорек, неплохо бы?

-Ну, ты, Генка, даешь, аж скулы сводит. Сейчас, бы, по уму, где-нибудь на пляже полежать, косточки погреть. Помнишь, как в прошлом году в Сочи? Красота: пальмы, фрукты, море!

-Будет море! Отпашем, приоденусь и рвану на юга. Тогда мы еще не знали, что в этом году всякие моря отменяются. И Генке действительно предстоит ехать на юг, правда в Молдавию, а мне совсем в другую сторону - на крайний Север.

Небо моросило водяной пылью уже неделю. Хлеб зеленел изнутри на вторые сутки. Сверху, вроде, хлеб, как хлеб, а разрежешь – сердцевина зеленая. Поэтому хлеб нам не завозили, даже с оказией. Его мы пекли сами в стоящей на подворье Ефима специально для этой цели печи. Печь была сложена из рваного скального камня, без трубы. Прямо под свод печи накладывали дрова, поджигали и печь калилась в течении двух, трех часов, в зависимости от погоды. Затем угли выметались, в раскаленное чрево ставились формы с опарой, и готово. Все дело, конечно, было в умении приготовить опару, но наш бессменный повар Славка освоил и эту науку.

-Как там погода?

-Льет, как из ведра, будь она неладна,- Пашка сбросил о плеч намокшую брезентуху. Вторые сутки мы сидели в палатках, спасаясь от взбесившейся погоды.

-Слава, может в картишки?

-Да, надоело. Сыграй лучше чего-нибудь.

-А, что сыграть-то?

-Давай Визбора.

-Вань, брось-ка сюда гитару. «Лыжи у печки стоят, гаснет закат за горой...»

-Слушай, как там у Кукина:»А в тайге по утрам туман - дым твоих сигарет. Если хочешь сойти с ума, лучше способа нет...»

-Прямо про нас, мать ее!

-Брось-ка папироску.

-Не курите на кровати, сгорим к чертям собачьим!

-Да, ладно.

-Кой хрен сгорим, проплесневели все от сырости.

-Мужики, сейчас бы по Хабаре прошвырнуться. Девочки, поди, по улицам гуляют в туфельках, да без корсетов, красота! Еще бы в кафешку шмыгнуть, да кусок мяса с картошечкой»фри» под сто пятьдесят...

-Кончай базлать! Забыл что ли: о бабах ни слова. На вот лучше затянись, глядишь, полегчает.

-Пошел ты.

-Хватит лаяться!- в голосе Пашки появились металлические нотки. -Спать ложитесь. Всем отбой!

На третьи сутки распогодилось.

В середине августа появилось с инспекцией долгожданное начальство. Начальство прибыло на вертолете, и видимо довольное ходом дел, долго не задержалось, оставив после себя киноустановку и три жестянки с кинолентой. Жизнь стала лучше, жить стало веселей, можно сказать, культура пришла в массы. Массы были очень

довольны и вечером после ужина галопом летели в палатку, где на натянутой простыне разворачивались непростые события музыкальной комедии «Белай рояль» с Палладом Бюль-бюль-оглы в главной роли. Тарахтел движок дизеля, изображение частенько помигивало, лента то и дело рвалась, но нам было на это наплевать. Мы бросались с молодцеватым героем в самые невероятные любовные авантюры и почти лили слезы, жалея героиню. Вот это было кино!

Каждый эпизод смаковался. Шутки и ненормативные реплики сыпались, как из рога изобилия. Истосковавшись по культуре народ отводил душу.

-Во дает чувак!

-А, девочка, что надо! Я б с такой непрочь!

-Хотелка не доросла. Ты со своей Клавкой справляйся.

- А, чего тебе Клавка далась. Я же твою Верку не трогаю.

-Ладно, мужики, хватит, дайте спокойно посмотреть!

- Ну, ты даешь Игорь, пятый раз заводим.

-А, чего делать, на вас что ли глядеть?

Смотрели мы эту киноленту раз пятьдесят, затерли ее бедную до дыр. Каждый эпизод обсуждался, на каждом кадре оттачивался язык. До сих пор отдельные кадры этого фильма стоят у меня перед глазами.

Самым приятным днем недели была суббота: работали только до обеда. Потом была баня. Кому приходилось работать по четырнадцать часов, не имея под рукой ни душа, ни горячей воды, поймет меня. Бриться и то приходилось холодной водой: ни времени, ни охоты бежать рано утром на ручей, а потом дожидаться, когда вода согреется, ни у кого не было. Поэтому баня была ритуалом, священнодействием. Она обещала послеобеденный отдых, некоторое состояние прострации, при котором мысль освобождается из того отупения, в кото-

рое ее загнала монотонная, осточертевшая до остервенения работа, и воспаряет. Баня настраивала на лирику. Тело очищалось от грязи и усталости, начинало петь, а вместе с ним и душа. Баня у Ефима топилась по-черному, прокоптилась, пропахла гарью, но была зла на пар.

-Паша, поддай-ка парку!

-Слезь с полка, а то ошпарит.

-Не бойсь, сыпь!

-Ух, ты, аж уши заворачиваются!

-Давай, давай, терпи атаман! Сейчас шкура вместе с грязью слезать начнет.

-Благодать, мужики, жить хочется!

Парились до изнеможения. Несколько раз вываливались в предбанник чтобы отдышаться и попить водички. И снова лезли на полку, раскаленные доски которого лечили любые хвори. Распаренные, подобревшие собирались в с столовой, если можно так назвать досчатый навес с выгороженной кухней и сложенной из камня печью. В хорошую погоду посидеть здесь было приятно. Столовая располагалась на яру: место было открытое, продувалось ветерком о моря, и не так донимал гнус. Единственное, что угнетало - однообразие меню. Каждый день, за редким исключением, основным его блюдом была рыба: кета жареная, горбуша паренная, нерка под маринадом. Под маринадом - это уже деликатес, благо в наших запасах оказался ящик этого самого маринада. Икру ели, как лекарство, морщась и матерясь про себя. Вместо витаминов: ложка - перед завтраком, ложка - перед обедом. Поскольку, как говорил многоопытный Пашка, эта самая икра и для здоровья полезна, и для мужской силы не вредна. Только вот применять эту самую силу было некуда: дам здесь на двести верст в округе не водилось. До боли в челюстях хотелось щей, таких кисленьких, заправленных свежими свеклой и морковью, а не этим самым маринадом на уксусе. Да еще с чесночком! Как на

грех к этому времени у нас закончился даже консервированный борщ. Правда, в субботу вечный рыбный стол был не так противен, как в будни, и превращался в некоторое подобие застолья. Причиной этому была разливаемая раз в неделю брага. Вообще-то, в бухте парил сухой закон, но по общему согласию по субботам разрешалось выпить кружечку-другую для здоровья. Брагу Славка Ким, наш бессменный повар, ставил с предыдущего воскресенья. Как специалист своего дела, он развешивал на весах дрожжи и сахар, валил все это в четырехведерную флягу, доливал нужное количество воды, и порядок. Дрожжи были прекрасные, специально для севера упакованные в жестяные банки, как растворимый кофе. Так, что к субботе напиток дозревал вполне. Пьяных между нами не бывало, а пара кружечек с устатку, да после баньки, еще никому не вредила. После полу-обеда, полу-ужина каждый занимался чем хотел. Кто читал замусоленную, невесть откуда взявшуюся книгу известного классика, кто картежничал, а кто просто пускал пузыри в воздух, лежа на койке. Мы с Генкой и Витькой обычно уходили на берег моря, если позволяла погода, разводили костерок и кипятил чайник. Ради забавы, выталкивали околоченными в длинный шест плинтусами перпендикулярно берегу сеть и ждали, полулежа на теплой гальке и прихлебывая только что заваренный душистый чай. По бухте металась в ожидании прилива кунжа, еще не зашедшая в реку. Когда пара рыбин с разгона втыкалась в сеть, вода вскипала бурунами, летели брызги, веревка, привязанная к валуну, пыталась лопнуть. Кунжа попадалась крупная семь-восемь килограммов. А, вот икра у не была мелкая и даже не очень красная. Ефим говорил, что кунжа не погибает после икромета, как другие лососи, и скатывается назад в море. Да, еще зараза раскапывает чужие кладки и жрет икру. Для чего мы ее ловили? Да, просто так, сбивали азарт и убивали время. Подальше

от берега плескалась нерпа: то тут, то там над гладью воды возникали круглые головы, похожие на собачьи, и с любопытством таращились на нас, бездельничающих у костерка. Нерпа тоже ловила рыбу, но в отличии от нас - на прокорм.

-Однако, псы зверя гонят,- Ефим привстал прислушиваясь к чему-то. Я тоже насторожился, но ничего не слышал.

-Показалось, наверное.

-Да, нет, пойду ружье возьму. Похоже лося гонят. Псы у Ефима были замечательные. Верховодила, всей сворой из десятка собак старая сука по кличке Мальма. Почему Мальма? Так называлась небольшая, чуть побольше плотвы рыбка лососевой породы, которую Ефим засаливал в отдельной бочке.

-Для еды,- коротко говорил он.

Горбуша предназначалась только для собак. После засолки насухую она становилась жесткой, как кирзовый сапог. У Мальмы было оторвано ухо, она хромала, но свое превосходство в стае держала твердо. Пока более молодые собаки рыскали по лесу, Мальма обычно дремала на крыльце, положив голову на лапы. Но стоило только своре поднять какого-нибудь зверя, она мгновенно просыпалась и начинала поскуливать, а если Ефим не слышал, лаять, как-то по особенному: отрывисто и глухо. Старая охотница подавала хозяину знак - пора брать ружье.

Действительно, через полчаса из леса на северном берегу бухты появился лось. Определить его возраст и размеры с такого расстояния было невозможно. Преследующие его собаки и вовсе казались точками. Обложенный с трех сторон, зверь выбрал, повинувшись инстинкту и опыту, единственно правильное решение: бросился в воду и поплыл. Ефим с мелкокалиберной «тозовкой» в руках энергичным шагом двинулся в сторону рифов южного

берега. Вскоре он исчез из вида, растворившись между камней и скальных надолбов. Мы не видели самой охоты, не слышали в шуме прибоя выстрела, но через час он появился у костра, улыбаясь во весь рот, и весьма довольный собой.

-Однако, с мясом, мужики? Давайте, берите мешки, а то скоро прилив начнется, не добраться будет.

-Завалил, что-ли?

-Ага, километра два отсюда. Только там прижим, до утра не выбраться. Так что, берите соль с собою и кружки, чай пить. Вода там есть.

-А, чайник или ведро?

-Не надо, я свой захвачу.

-Мужики, давайте в темпе, мяса хочется, аж невтерпеж!

-Не пускай слюни, Вася, побереги для пищеварения.

Лося выкинуло волной аж под скалы птичьего базара на южной оконечности мыса, за черными изломами рифов. Через час, прыгая с камня на камень и пытаясь не сорваться с их скользких, лоснящихся скул в воду, мы добрались до подножия скального среза. На кромке прибоя лежала громадная туша рогатого зверя. Нуля попала ему точно в глаз.

-Ну, ты мастер, Ефим!

-Привычка,- Ефим довольно ухмыльнулся.-Матерый сохатый, шестилетка. Килограммов двести будет, одноко.

Ефим достал из ножен нож с деревянной, сделанной из капа березы, рукояткой, поточил его о добытый из кармана маленький брусок, и деловито начал снимать с лося шкуру. Рога у лося были знатные: две лопаты по шести отростков.

-А. куда рога-то, Ефим?- у меня мелькнула мысль, как привезти домой такую красоту, да на стену.

-В море! И в шкуру камней набейте, чтобы не вынес-

ло. А, то, не дай Бог, охотнадзор нагрянет: по головке не погладит. Больно охота штраф платить, В этом году еще не появлялся, так что жди,

-И часто бывает?

-Заходит пару раз за сезон. Обычно мужики предупреждают, но, как говорится: береженого - Бог бережет. Давай, костер организуйте, до утра придется гостевать: прилив.

Макушки камней, по которым мы сюда добрались, уже исчезли под взбухшей водой. Собрали плавник, запалили. Из журчащего со скал родничка наполнили чайник.

-Шашлык будем делать,- заявил Ефим,- Поищите-ка по берегу палочек поровнее, посуше, да без смолы.

-А, соль-то не забыли, хоть?

-Взяли.

-Надо было гитарку прихватить, не так скучно было бы.

-Ага, еще матрас с подушкой, и вообще порядок.

-Как пахнет, ребята!

-Это что за трава, Ефим?

-Чабер. Жена сажает, запах хороший: перцем пахнет.

Пока мы занимались приготовлением шампуров, Ефим разделал печень, присолил и выложил на валун, предварительно окатив его водой.

-А то, с песком жрать будем,- пояснил он,- Минут через десять готова будет.

Перекурили. После всем надоевшей рыбы печеночный шашлык показался просто обалденным. К слову сказать, в эту ночь мы так наелись мяса, что неделю после этого не могли на него смотреть без спазмов в желудке. Хорошо хоть, Ефим, как опытный таежник, захватил с собой чай и сахар, а то проблемы с пищеварением могли быть печальнее. Если бы кто мне сказал раньше, что девять человек за одну ночь могут слопать полтуши лося, я бы

не поверил. Хотя много позже мне пришлось быть свидетелем, как пятеро ментов, подстрелив годовалого пес-туна, терроризировавшего колхозное стадо, сожрали его под ящик спирта за сутки, только шкура осталась. Медведь был конечно не виноват, что его отрезало водой на острове, где был выпас коров, но именно по этой причине погиб, исчезнув в желудках поддатых милиционеров. Но это уже другая история...

Мясо засолили в бочке и зарыли на берегу ручья в галечник, чтобы было в холоде. Можно было, конечно, поискать линзу мерзлоты, благо этого добра здесь было полно, но так было легче и проще. Бочку эту потом вывернет из земли хозяин - медведь, учуяв мясо и не побоявшись так близко подойти к людям. Большую половину мяса, не съеденного мишкой, ручей снесет в море и есть его будет уже невозможно. Кормиться им станут крабы, да креветки, а то, что выплеснет волной на берег, подхватят вечно голодные поморники. А бочку нам поймут в бухте и притаранят к берегу зашедшие половить кету зверобои.

Ранним августовским утром я выбрался из сырой палатки. Закурил, зябко поеживаясь. Над зеркалом застывшей воды змеились полосы прозрачного тумана. Солнце уже осветило макушки скал и вот-вот должно было выплыть из-за линии горизонта. Звуки осыпающейся гальки привлекли мое внимание. Со стороны берега в моем направлении двигались два неясных, но различимых женских силуэта. Я покрутил головой и протер глаза. Мерещится, что-ли? Но видение не пропало, а с каждым мгновением становилось все четче и реальнее. «Ни хрена себе!» - подумал я, машинально проверяя рукой, застегнута ли ширинка.

-Доброе утро! Рад вас приветствовать, леди!- я галантно наклони голову.- Ба, да это, вроде, ты, Наталья! Откуда вы, красавицы, свалились? А, вас как зовут, суда-

рыня?

-Вера!

-Очень приятно!

-Здорово, Игорек! Дай-ка я тебя поцелую. Это Колина жена, так что прошу любить и жаловать. А, сюда нас дядя Саша на своей шаланде подбросил.

-А,-глубокомысленно произнес я, ничего толком не соображая.

-Чего встал, как столб, помоги дамам о вещами! Наталья Смолянинова, жена нашего товарища и бывшая конкурсница, была девушкой деловой и энергичной во всех отношениях. И пока я размышлял как эти два нежных создания добрались до Аяна, не говоря уж о бухте, она уже звонко брякала по тазу, оказавшемуся под рукой, обломком доски и громко вопила:»Подъем!!!».

Из палатки показалась всклокоченная голова Генки.

-Какого черта орешь, хрен собачачий!? Пол шестого еще.

-Выползай, выползай, ушастенький, хватит дрыхнуть,- хохотнула Наташка.

Глаза у Генки округлились, челюсть отвисла и выглядел он довольно глупо. «Ну, прямо картина «Не ждали»,- подумал я.

-Наталья... Ты откуда взялась?- наконец просипел окончательно проснувшийся Генка.

-Оттуда,- жест в сторону моря.- А где мой благоверный?

-Спит,- окончательно выбрался из палатки Генка.- А, ты что думала, у нас тут казино круглосуточно работает?

-Ничего я не думала.

-Думала! Иначе, кой черт вас бы сюда принес. Осталось работать-то всего две недели. Извините, мадам,- Генка кивнул в сторону Веры.

-Вера, пошли в штабную, пока мужики поднимают-

ся,- сказал я,-что вы тут стоять будете. А, ты, Генка, поднимай Николу, да и всех остальных.

-Спасибо, я лучше тут подожду,- она присела на рюкзак.

-Славка, организуй чай!- проорал я в сторону столовки,- У нас гости.

Славка выглянул из кухни, где он брякал посудой уже с пяти часов утра, готовя завтрак.

-Ба, рад вас видеть, девочки, в этом Богом забытом месте. Какой дьявол вас сюда занес?- повторил он вопрос, Генки.

-Какой, какой? Любовь!- хрюкнул Генка.

-Ну, и видок у вас, господа,- фыркнула Наталья,- Ты бы, Генка, хоть дыры на штанах зашил , а то скоро все хозяйство растеряешь.

-Да, ладно, кому тут смотреть?

-А, ты что, нас уже и за людей не считаешь, охальник!

-Не обращай внимания, Нат, оборзел от недостатка женского внимания и отсутствия теплого клозета.

-Умники,- обиделся Генка, но самую большую дыру на брюках все-таки прикрыл.

Из палатки стали выползать разбуженные этим гвалтом ребята. «Кранты»,- подумал я,-»кончилась скромная мужская жизнь». Ребята окружили девочек, наперебой спрашивая их о последних городских новостях, о родных и знакомых. Колька восторженными глазами смотрел на Веру, держа ее за руку. «Хорошо, еще не целуются»,- снова подумал я и двинулся к берегу, где на волнах покачивался знакомый силуэт местного средства передвижения.

-Здорово, дядь Сань!

-Здорово, Игорек!

-Ну, как дела в Аяне, и вообще?

—Живем - хлеб жуем, девок дрючим - себя мучим! Нормально... Да, тебе повестка из военкомата пришла...

Дней пять назад...

-Да, ну! А, что, самолеты стали летать?

-Сухогруз почту привез. Так, что, собирайся, ехать надо. В Алдому не пойдем, половим у вас здесь рыбки, да к вечеру и тронемся.

-Нищему собратся - только подпоясаться. А где ты девах этих подцепил?

-Главный навязал. Я - то брать не хотел, да пришлось. Вишь, проверить решили мужичков, как бы не испортились.

-Это точно. А, ты что, не один?

-Свояка взял. Икрой маненько запастись надо, зима скоро.

-А, как они до Аяна-то добрались?

-Да, тут один самолет проскочил из Николаевска, так они на нем и нарисовались. Я было втихую хотел свалить, чтобы лишний раз мужиков не травить, дак они уже до главного добрались. Ну, и повязали меня.

-Ладно, пойдем завтракать, да чай пить, поди уже готово. Славка давно в кухне колготится. Свояка-то поднимай и приходите.

-Щас будем,- дядя Саша двинулся в сторону баржи, а я пошел к столовой.

«Ну, вот и кончился этот отрезок жизни, что-то будет впереди?»-мысли были неторопливыми и спокойными. В столовке царило если не веселье, то какое-то предпраздничное возбуждение. На всех физиономиях блуждали улыбки идиотов, глаза были туманными и мечтательными. Во главе стола восседали королевы бала. «Каюк работе, после этаких стрессов, какая к черту работа»,- мелькнуло в голове. Двое счастливых избранников сияли, как начищенные пятаки, не сводя восторженных глаз со своих богинь. Остальные изредка нервически похохатывали и невпопад брякали сальные шутки.

-Командир, меня в армию забирают. Говорят, повес-

тка в Аян пришла.

-Откуда узнал?

-Шкипер доложил. Так, что, я свое отработал, мужики.

-Какая к черту работа,- крикнул в сердцах Пашка,- видишь, что твориться? У всех крыша поехала.

-Вижу.

-Девочки, а вы когда назад?

-Сегодня.

Колька с Женей Смоляниновым не поднимали глаз.

-Распалась компания, ну, бабы!- тихонько, чтобы слышал только я, буркнул Пашка.- Две недели всего и осталось, так нет тебе, приперлись. Терпения, видно, не хватило, любовнички!

-Да, брось ты! Перемелется - мука будет.

-Брось-то, брось, а дела-то доделывать надо.

-Доделаете, три человека проблем не решат.

-Привет, шкипер!- Пашка протянул руку подошедшему дяде Сане.-А, это кто такой будет?

-Свояк мой.

-Ну, садитесь чаевничать. Славка, дай гостям покушать. А вы, мужики, закругляйтесь, пора.

...Еще днем я забросил свой рюкзак с нехитрыми пожитками в кубрик. А сейчас, в сумерках, я вглядывался в знакомые лица, стараясь не упустить чего-то, чего и сам не знал. Со многими мне уже никогда не придется встретиться, с другими не раз перехлестнутся жизненные пути. Мы вместе мужали на этой земле, где юмор и подлинная мужская дружба не давали сломаться, упасть духом. Здесь я впервые увидел белых лебедей, что плавали, не пугаясь нашего присутствия, в кристально чистых озерах, и ход лосося, что рвался к истокам своего рождения, в клочья обдирая бока и меняя обличье. Этот сумашедший бег жизни к неизбежной смерти потряс меня. Здесь я впервые так остро почувствовал, как дороги мне мои родные

с их устоявшимся, с детства привычным бытом, с их повседневными, бесконечными проблемами, и как без них одиноко.

-До встречи, ребята! Счастливо!

-Давай, Игорь, передавай привет, кого увидишь! Скоро сами будем.

-Гроши получишь в конторе, я уже позвонил,- Пашка обнял меня,

-Спасибо.

Буксир взревел, стащил баржу с прибрежной мели, и, дав гудок, двинулся в сторону открытого моря, где уже всходила круглая, с рябой физиономией луна. Со мной уплывали и две счастливые семейные пары. Я в последний раз взглянул на покрытые лесом, исчезающие в сумраке горы, на далекий огонек в окне Ефимова дома и полез под палубу. В горле стоял ком,

-Наливай, дядь Сань! За удачу!

-Быть добру!

Спустя много лет, я с великим удовольствием и легкой грустью вспоминаю те времена. Десять дней пришлось бичевать в Аяне, дожидаясь попутного судна. Самолеты опять не летали: все затянуло осенним туманом. Правда особо скучать не пришлось. Схлестнулся с командиром студотряда, строившего здесь школу, закрутили романы с местными девицами, да так, что на прибывший пароход пришлось отбывать ночью, тайком. Потом был военкомат в Хабаровске, где усатый майор орал, что посадит меня за уклонение от призыва (я опоздал по повестке почти на месяц), на что я сунул ему под нос справку поселкового Совета об отсутствии транспорта, которой загодя, пользуясь связями дяди Сани, запасся. Были веселые компании по поводу ухода на службу и без повода. И рейсовый самолет ТУ-114, который унес меня из этого города навсегда.

-Ты помнишь, Генка?!

Нет ответа. Тебя съела саркома в неполные сорок два года. С тобой я сидел за одной партой с шестого класса, вместе мы хлебали киселя в стройотрядах и на комсомольских стройках, вместе тискали девчонок в общежитии. А теперь тебя нет. Я же все помню до сих пор. Почти все.

...В феврале начались тактико-специальные учения. Батальон почти в полном составе переместился в маленький поселок лесозаготовителей Пелым. Здесь нам предстояло возводить железнодорожный мост через речку с одноименным названием. Поселок насчитывал тысячи две жителей, был деревянным, одноэтажным, почти без света. Осенью и весной проблемой становился даже переход улицы с одной стороны на другую: все они заплывали непролазной грязью, перемешанной с опилом и раздавленным горбылем, которые сыпали под колеса, не жалея, рычащие прямо по улицам КРАЗы. Поселок был старинный, еще времен Ермака. Когда-то здесь проходил тракт на Березов, по которому везли в ссылку высокопоставленных преступников, вроде Александра Даниловича Меньшикова, или князей Долгоруких, а позднее гнали по этапу наших дедов. Но от той далекой старины ничего не сохранилось, все стерло беспощадное время.

Дома у железнодорожной станции, где нам предстояло расквартировать штаб и жить самим, зияли в белый свет пустыми глазницами окон и дырявым шифером на крышах. Начать пришлось с палаточного городка на другой стороне железнодорожного пути, напротив вокзала, одновременно разворачивая технику и завозя стройматериалы на берег замерзшей реки.

Бекеша наши изначально белые пропитались запахом бензина и гари, а цветом стали схожи с цветом кобеля по кличке Капрал, стоявшего на довольствии в нашей офицерской столовке, и масть которого никто не мог опре-

делить точно, потому что такой масти в природе не существовало. Работа по забивке свай под опоры шла круглосуточно, прямо со льда. Это гораздо проще и дешевле: не надо наводить пантоны и делать кучу других ненужных дел.

Поскольку в Советском, на месте постоянной дислокации части, остались пустые казармы, скучающие жены и не менее скучающие просто знакомые, все наши помыслы были там, с ними. Естественно, в свободное от работы и службы время. И мысли эти особенно по вечерам нагоняли такую тоску, что волей неволей приходилось придумывать себе занятия, чтобы совсем не свихнуться. По субботам в местном полуразвалившемся клубе устраивались танцы. Начистив перья и побрившись все свободные от вахты гуртом топали к центру культуры и досуга. Клуб был покосившийся, со скрипучими полами, но хорошо отапливаемый, что немаловажно, когда всю дорогу мерзнешь, день и ночь. Он казался нам островком безмятежности и веселья в этом мире грязи, холода и темноты. Танцевали под магнитофон, оркестра, конечно не было. Сашка Ворошнин не однажды предлагал: «Мужики, давайте состряпаем джаз-бэнд, что ли?» Однако идея не прижилась. То ли инструментов не нашлось, то ли лень одолела, не помню. Тискать девчонок во время танцев куда как приятнее, чем сидеть на сцене весь вечер и тренькать на гитаре. Местные нас не задевали: наличие трех сотен здоровых мужиков в непосредственной близости создавало определенную гарантию спокойствия на этом пире мимолетно вспыхивающих увлечений и интриг. Основным контингентом на этих вечерах были школьницы. Отсутствие работы и каких бы то не было перспектив выйти замуж поневоле заставили белее старшую по возрасту, лучшую половину человечества покинуть этот благословенный край и искать свою долю по городам и весям нашей необъятной Родины. Глазенки наших парт-

нерш блестели, щеки покрывал густой румянец: еще бы, офицерство изо всех сил галантно ухаживало за своими дамами. Правда серьезных романов не случилось: двадцать пять лет - все таки не пятнадцать.

Монотонная, грязная и тяжелая работа утомляла своим однообразием, не столько физически, сколько морально. Поневоле приходилось искать, чем бы заняться в свободное время. Братья-близнецы Вагины увлеченно играли по вечерам в морокой бой, а в конце недели скрупулезно подсчитывали количество потопленных линкоров. Стас занимался рисованием. А, так, как в его ручке были синие чернила, через некоторое время стены нашего жилища были увешаны портретами местных девчонок синего цвета, напоминавшими чем-то раннего Пикассо. Одержимый амбициями творчества, Сашка Ворошнин, несколько дней, сосредоточенно аккомпанируя себе на гитаре, пытался переделать известную песню южного побережья: «Одену я белую шляпу, поеду я в город Анапу». Результатом этого изнурительного труда явились две строчки:

«Одену я шапку-ушанку, поеду я в город Пелым». Дальше заклинило, намертво. К слову «ушанка» хорошо рифмовалась «банка», но с чем и для чего - было непонятно. К нашему стыду, в серьезные и полезные игры, вроде шахмат, мы почти не играли, в карточного дурака - надоело.

-Может, преферанс освоим?

-А, кто умеет играть?

-Главбух, кажись может.

И вот, под руководством главного бухгалтера мы начали осваивать тонкости этой непростой игры. После вечерней поверки все собирались в палатке. Жарко дышала до красна раскаленная печь особой конструкции -наша радость и горе. потому что всякий входящий рисковал оставить на ней часть своего тлеющего гардероба.

-Пожалуй, начнем,- говорил самый старший среди нас и по возрасту, и по званию, Витя Маркин.

-Пора новую колоду купить, эту вконец истрепали.

-Это точно, любую карту видно.

-Купим завтра, а сегодня и эта сойдет.

На столе белой скатертью расстился лист ватмана, на девственно чистом поле которого с тщательностью выдавшего виды штабного работника Женя Дерюгин чертил строгие, незамысловатые линии «классики». Играли на компот, на выпивку, на дежурство, а чаще просто так. В нашей по мальчишечьи шумной, веселой и дружной коммуне все было общим: от парадной формы, одеваемой очень редко, до карманной мелочи. Играть на деньги считалось дурным тоном, получали-то мы не шибко много, ладно, кормили и одевали. Сигаретный дым, густо висевший в палатке, подобно хлорпикрину сушил горло и наворачивал на глаза слезы.

-Здравствуйте, товарищи офицеры!- голос комбата был услышан не сразу.-Чем занимаемся?

-Проводим досуг, товарищ майор,- бодро шмыгнув носом ответил Сашка, призванный четыре месяца назад и уже твердо усвоивший, что командира надо любить и почитать, как отца родного.

-Ну, и как успехи?

-Как всегда - впереди!- так же бодро продолжил Сашка,

-Похвально Александр Владимирович. Я слышал, что до службы вы занимались борьбой и даже были чемпионом Москвы. Как, не пропал еще порох в пороховницах?

-Товарищ майор, как можно,- Сашка напряг бицепсы.

-Впечатляет. Позавчера у лейтенанта Логинова заболела жена и он срочно выехал в Советский. Как вы знаете, его взвод сейчас производит забивку свай под вторую опору. Работа, надо сказать, сложная и ответст-

венная. Но, поскольку любые трудности вам по плечу, прошу немедленно принять взвод. А, вас, товарищи офицеры, прошу поменьше курить в помещении, для здоровья вредно. До свидания!

Немая сцена в палатке отдаленно напоминала сцену из бессмертного «Ревизора», но точно соответствовала картине известного русского художника «Не ждали» Превратности судьбы. Каждый, кто служил, или кому еще предстоит служить, должны усвоить одну очень простую истину - все скрытые в тебе таланты способны выявить только вышестоящие начальники. Короче, не высовывайся и оставят в покое, а высунулся - надевай хомут,

-Во, влип,- Сашка почесал затылок.

-Не пыли, отоспишься в балке. Замкомвзвода у Логинова толковый.

-Да, это все понятно. Жалко с игры сорвали и гитару туда не возьмешь, неудобно как-то.

-Досочиняешь еще, не последний день живем. Скоро в Советский на учебку, так что - вперед за орденами.

-До учебки еще почти месяц, мало не покажется.

-Пробьешься, ни пуха...

-К черту! Стас, дай иголку, а то у меня пуговица от полусубка отлетела, поддувает.

-В тумбочке, на нижней полке,

-Сдавай, Стас, не тяни резину!

-Сейчас бы селедочки, да стопоря перцовки...

-Раскатал губу. Может еще крабов подать и жульен из дичи?

-Не помешало бы. Вот помню...

-Кончай слюну гнать. Давайте сала пожуюем, вчера Олег из Советского от зазнобы притащил. Сашка, поставь чайник, а то куда ты на голодное брюхо потащимся. Ночь длинная - тоскливо покажется.

-Там, поди, у бойцов что-нибудь есть. Да и ночью из столовки горячее привезут.

-Давай-давай, садись за стол. Сало еще никому не повредило, верно мужики.

-Который час?

-Двадцать двенадцатого.

-Ого, засиделись что-то.

-Пора отбой играть, глаза уже слипаются. Утро вечера мудренее.

-Это точно. Солдат спит - служба идет. Завтра суббота, на танцы сбачаем. Твоя-то Танечка глаз с тебя не сводит, гляди, не женись,

-Во, точно, честным пирком, да за.свадебку!

-Чо я, псих? Она же еще малолетка. Так и за проволоку можно загреметь, комбат не спасет.

-Подрастет, подожди маненько.

-Да, у него в Советском метресс хватает, то и дело - новая.

-А тебе завидно.

-Этого добра везде хватает, поискать только.

-Ладно, замолкните, спать не даете

Через три недели началась распутица. Лед на реке порыжел и набух. Солнышко к обеду пригревало не на шутку. Весна. Батальон, оставив в Пелыме взвод охраны перебрался на зимние квартиры в Советский.

На улице стояла настоящая весна. Снег таял на обочинах дорог и с шелестом огромными глыбами сползал с крыш. Воробьи чирикали так весело и задиристо, как будто наступило лето и возврата зимы не придвидится ни при каких поворотах погоды. Мы с Сашкой бодро топали по улице к своему старому приятелю Олегу отмечать день 8 Марта. Олег работал на железной дороге мастером, по работе нам частенько приходилось с ним сталкиваться, и за эти два долгих года службы мы хорошо узнали друг друга и подружились. В честь праздника мы одели штатские костюмы, галстуки, пальто и шляпы.

У Сашки была замечательная широкополая шляпа, как у ковбоя, и он в ней выглядел, как говорится, потрясно. От хорошей погоды и предвкушения не менее хорошего застолья физиономия его благостно светилась. Надо сказать, что военную форму на всякие несанкционированные мероприятия нам категорически запретило одевать командование.

-То, что морды у вас пьяные, хрен с вами, но что при этом на плечах у вас погоны, это уже нонсенс! Так, что, господа, на танцы и всякие там рандеву прошу в гражданском. Хорош позорить армию перед местным населением,- так коротко и ясно выразился комбат,

В доме, где Олег жил со своей женой Людмилой и дочкой Ольгой царило предпраздничное оживление. Хозяйка и три девушки, одна из которых была нашей старой знакомой Валею, летали между кухней и накрытым белой скатертью столом, расставляя на нем всевозможные тарелки и вазочки. Олег выскочил во двор за холодцом и остывающим морсом, а в доме, на правах старого друга хозяина, царствовал Юрка Гомянин, прибывший сюда раньше нас.

-Проходите, мальчики, раздевайтесь,- кивнула на ходу Людмила.-Сейчас заканчиваем.

-Здорово, мужики!- протянул руку Юрка.-Знакомьтесь, это Галя и Лена. А с Валею вы давно знакомы. А это - Игорь и Александр, неразлучная парочка. Александр у нас поэт и композитор, а Игорь, вообще, мастер на все руки, так что прошу любить и жаловать.

Галя, красивая синеокая дивчина, крупного телосложения, широко и открыто улыбнулась: «Присаживайтесь, мальчики». Сашка сразу приосанился, пристроился рядом на табурет и начал болтать, пытаясь произвести впечатление. Надо оказать, что крупные дамы всегда поднимали его вдохновение на небывалую творческую высоту.

-Вот у нас, в Москве...

-Да, ладно, брось ты о Москве, Москва далеко. Вы ему не особенно верьте, девочки, он у нас известный фантазер, недаром же поэт. Игорь, давай поухаживай за Леной. Что будем пить, господа?

-Шампанское, конечно. Все-таки дамский праздник,

-Тогда - всем шампанское.

-Давай я открою, а то всех обольешь,

-На, открывай! Сашка у нас спец по раскупориванию.

-Ребята, разрешите тост,- поднялся с бокалом Юрка.

-За милых дам! Счастья вам, девочки, счастья и любви!

-И чтобы все ваши желания исполнились!

-Очень содержательно и главное ново,- хрюкнул Сашка.

-Зато точно и по делу,- сказал Олег, накладывая салат в тарелку супруге.

Все выпили,

-Закусывайте, пожалуйста, я сейчас,- Людмила снова исчезла на кухне, где что-то, видимо, начало пригорать.

-Да. присядь ты, не суетись. Перекур будет, допаришь свое фирменное.

-А, все уже готово.

Я незаметно разглядывал Лену. Что-то меня в этой девочке сразу зацепило: то ли темные, как две больших сливы, глаза, то ли улыбка, при которой на щеках, покрытых легким румянцем, появлялись ямочки, то ли манера говорить, слегка картавя и растягивая гласные. Не знаю. Вся она была какой-то миниатюрной, хрупкой, так и хотелось погладить ее по кудрявой головке. Какая-то искра проскочила между нами, когда мы встретились взглядами. И я как-то сразу все о ней понял: что ухаженников у нее, конечно, хватает, но единственного нет, что дома ее любят и балуют, и мама по воскресеньям печет для нее всякие сласти, что человек она общительный, но не каждому и не вдруг откроет, что у нее на душе. Все

было прелестно в этой маленькой женщине, сидевшей со мною рядом. Я был взволнован и возбужден, давно я не находился в таком состоянии.

-Лена, а вы что, на танцы не ходите?

-Почему, почти каждый раз с девчонками бываем.

-А, я вас, почему-то, ни разу не видел.

- Странно, я вас видела. Да, и Ира с Валею всегда с нами,

-Наверно, я не очень внимательный.

-Ну, что. мужики, покурим перед горячим,- поднялся Юрка.- Пошли на улицу, весна ведь.

Мы вышли на крыльцо. С крыш капало, солнце пригревало щеку. Сашка щелкнул зажигалкой.

-И как тебе Леночка?

-Симпатичная девочка.

-То-то ты на нее все гляделки проглядел.

-Кирк Дуглас работает,- хохотнул Юрка.- За ней Жора Скрябин из мехбата почти год тащился, а толку фиг. Шибко гордая, прямо не подступись, так что работы у тебя непочатый край.

-С чего ты взял?

-Да, у тебя на физиономии написано, что втюрился, и, вон глянь, нимбик над головой засветился. Ладно, ладно, не кипятись. Хорошая девчонка, что еще надо?

-Об отсутствующих - ни слова,- Олег потушил сигарету.

-Хорошо, господа, весна,- потянулся Сашка.- Скоро лето, отогреемся, а там, глядишь, и дембель. Домой все шибче хочется.

-А мне и ехать некуда. Предков опять перебросили в тьму-таракань. Никак не могут осесть где-то постоянно.

-Да, тут вроде завод какой-то строить собираются, можно годка три попахать, на жизнь подзаработать.

-В принципе, конечно, можно. Но Москва, она и есть Москва, перспектив все-таки поболее будет, Помолчали.

-Ну, кончай курить, пошли к столу, а то девочки обидятся. Нельзя превращать женский праздник в мальчишник, господа офицеры, бал продолжается.

...Несколько лет спустя я, вспоминая этот вечер, эту первую нашу встречу с Еленой, Леночкой, никак не мог понять, что же тогда случилось такого особенного, поразившего мое воображение, что до сих пор все детали того дня стоят у меня перед глазами. Ну, красивая девочка, хорошая компания - все это было не раз и не два. Что-то ведь заставляет вспоминать: нет-нет, да шевельнется в груди комочек, от которого на душе становится тепло и немного грустно. Видимо это и есть любовь, и продолжается она, или уже умерла, ничего не меняет,

-Разрешите пригласить?

Она подняла на меня свои темные глаза и согласно кивнула. Я обнял ее за талию и почувствовал, какая она вся невесомая, воздушная. Танцуя, я вдыхал запах ее волос, по детски нежной кожи на шее, и голова у меня плыла в каком-то розовом тумане. Мысленно я уже представлял наши с ней будущие отношения. Вот я провожаю ее домой, вот мы целуемся у подъезда, вот она знакомит меня со своей мамой. Перед глазами возникла картина вокзала, где она плачет у меня на груди, провожая куда-то, и другая, где она обнимает меня со счастливой улыбкой в открытых дверях квартиры. Нашей квартиры. Тьфу ты! Я тряхнул головой отгоняя наваждение, нельзя же так распускаться. И неожиданно для себя спросил: «Лена, можно я вас сегодня вечером провожу домой?» Она внимательно посмотрела мне в глаза и серьезно ответила: «Хорошо» Я почувствовал себя совершенно счастливым, захотелось прыгать, как щенку, и вопить. Но я только бережно проводил ее к стулу.

-Игорь, возьми гитару, спой что-нибудь.

-А, что спеть?

-Давай Визбора: «Лыжи у печки стоят». Аккурат под-

ходит, как раз на улице март.

-Визбора, так Визбора.

Я подстроил струны, взял два-три аккорда и запел:»-
Всем нашим встречам разлуки увы суждены, тих и про-
зрачен ручей у янтарной сосны...» Ребята подхватили не-
хитрый мотив и в комнате стало как-то теплей и непри-
нужденней. Глаза у девочек погрустнели, стали задумчи-
выми и глубокими, и в глубине этой таилось что-то не-
жное и прекрасное.

-Игорь, а ты где учился?

-В Хабаровске.

Мы с Еленой шли по темным улицам поселка. Мок-
рый снег скользил под ногами и я галантно поддерживал
ее под руку.

-А, родители сейчас тоже в Хабаровске?

-Да, нет, они сейчас в Калининне живут.

-Как это так?

-Отец - военный летчик, его по службе со всем семей-
ством бросало по всей стране из угла в угол. Как гово-
рится: от тайги до северных морей. Я, ведь, родился на
Украине, в Кривом-Роге, отцу после войны довелось там
служить. Правда, никогда этого самого Кривого-Рога
видеть не пришлось. Года мне еще не исполнилось, а отца
уже перебросили под Оренбург. Ну, и мы с маманей сле-
дом. Есть там такой город Пугачев, отца там переучивали
летать на вертолетах. Вот лет с пяти уже все хорошо по-
мню. Помню, как Сталин умер, на всех зданиях портре-
ты в черных лентах. Мамаша плачет, я с ней за компа-
нию. Понимать, конечно, ничего не понимал, но сопере-
живал со всеми. Там еще в этом Пугачеве речка была
махонькая, с плотинкой, меня в ней отец плавать учил.
Оставит посередь реки на отмели, а сам на берег уйдет. Я
ору от страха, мать на отца ругается, а он только похо-
хатывается. Ничего, говорит, пусть смелости набирается.
Так и научил воды не бояться. Там и детский садик окон-

чил. Помню, счастлив был: как же - свобода. Все строем идут, за ручки взялись, а я на воротах катаюсь в гордом одиночестве.

-А, в Хабаровске как оказался?

-Тем же путем. Погоняло нас с узлами по стране. Отцы-то сели в вертолеты и айда. А семьи грузятся в товарняк и следом. В первый класс пошел в Приморье, на Дальнем Востоке, есть там такая деревня Черниговка, военный аэродром недалеко от Ворошилова. Мы с мамой частенько в этот самый Ворошилов за продуктами ездили. Правда, сейчас он Уссурийском называется, после культа личности переименовали. Потом оказался в Белогорске, это уже в Амурской области, недалеко от Благовещенска. Там окончил пятый класс. помню, недалеко от дома было озерцо небольшое, так - полуболото. Но рыба там водилась, ротан. Это рыбка такая - голова и хвост, пресноводный бычок. Живучий, как черт, бывало на ночь на кукане забудешь, а утром в воду брось опять поплывет. Уха из него отменная была. А, может быть, просто так нам казалось, другой-то рыбы там не водилось. Это уже когда в Хабаровск перебрались, попробовали красную рыбу.

-Как интересно,

-Ну, а там уже закончил школу и в институт пошел. А отец с мамой дальше поехали. Сейчас они на пенсии, вот и перебрались на родину к матери, в Тверь. Сам-то батя родом из Забайкалья, но мама у меня не особенно здорова, вот врачи и порекомендовали жить на родине. Там и бабушка живет, да двоюродных бабушек штук пять. Семья у них громадная была, десять детей. Мужики-то все на войне полегли, а старушки копят небо до сих пор, и слава Богу. Дедушка правда уже умер. Поляком был дед-то. За это, видимо, отбухал лет двенадцать, где-то на Соловках, а может еще где. Не особенно любил распротраняться. Здоровье там и потерял, как вернулся, не дол-

го пожил.

-А, у тебя братья, или сестры есть?

-Да, нет, один я к сожалению.

-Одному плохо,

-Так, видно, судьба выпала.

-А, в армию как попал?

-У нас на кафедре военка была, звание сразу по окончании института дали. Две сопли на погон, как у нас выражаются.

-А, я сначала думала, что ты военное училище окончил.

-Да, нет, призвали на два года, видно в желдорбате инженеров своих не хватает. После института направили работать на Сахалин. С год там прокрутился, строили железную дорогу к Ногликам. Не саму железку, а станции, жилье. Пробивались на север Сахалина, к рыбе и нефти. Природа там, конечно, изумительная. Под лопухом можно целой компанией усесться. И, вообще, почему-то трава гигантизмом страдает. А елки и болота точь в точь, как здесь. Потом перебросили в Магаданскую область, есть там такой поселочек, Аян. Там по золотым приискам правительственный кабель связи тянули, ну, а мы жилье для obsługi по трассе строили. Оттуда и призвали. Если бы не армия, вряд ли я сюда попал бы: сам на Дальнем Востоке, родители - под Москвой. Обычно в Хабаровске сел на самолет, в Москве вышел. А, тут, посередине приземлили.

-А, я, вот, нигде не была. Сочи, конечно можно не считать, там все рано или поздно бывают. Школу здесь закончила, здесь и живем. Правда, раньше в Кондинском жили, но я тогда еще совсем маленькой была. Вот мы и пришли, это - наш дом. Видишь, окошко светится - мама не спит, беспокоится.

-А у тебя кто папа?

-В райкоме работает заворгом, а мама швеей в доме

быта.

-Лена, а ты одна у них?

-Нет, брат старший есть. Сейчас работает бортмехаником на АН-2 и учится в летном заочно.

-Молодец.

-Летчиком хочет стать. Он упорный - своего добьется обязательно.

- Я тоже в детстве мечтал стать летчиком.

- А, почему же не стал, тем более отец - летчик.

-Зрение подвело, пришлось подаваться в строители. Кстати, абсолютно случайно. В сборной края был по легкой атлетике, а всю сборную в железнодорожный сова-ли, там база спортивная была лучшей в городе. И всех на факультет электрофикации. А я как всегда поторопился и попал с другом в строители. Со второго курса даже уходить собирался, хорошо декан попался толковый мужик, вправил мозги. Потом появился интерес, а сейчас вроде другой жизни и не надо.

-Как ты интересно рассказываешь.

-Грех на жизнь жаловаться, чего-чего, а перемен в ней было предостаточно, думаю даже через край.

-Идет кто-то.

-Да, нет, вроде, показалось.

Мы помолчали. Я переминался с ноги на ногу, не зная, как вести с себя дальше. Кое-какой опыт общения с девушками у меня, конечно, имелся, но в данном случае он никуда не годился. Я боялся неосторожным поступком, или словом нарушить то хрупкое состояние, что возникло между нами.

-Ну, я пошла.

-Уже?

Неожиданно она быстро обняла меня за шею, прижавшись ко мне всем телом, и я почувствовал на щеке ее теплые губы. Так же быстро отпрянув она исчезла за дверью подъезда. Я остался стоять столбом совершенно

обалдевший и счастливый.

...Мы лежали, крепко обнявшись, у меня в комнате общежития. Лена беззвучно плакала, а я собирал губами слезы с ее щек и молчал. Все уже было сказано и переговорено за долгие ночные часы. Служба моя закончилась, завтра я уезжал в отпуск на две недели, хотелось навестить родителей, которых не видел почти полтора года. До этого были веселые застолья по поводу и без, шумные проводы уезжающих товарищей с клятвами о вечной дружбе, с обещаниями писать, и горькие слезы наших подружек: кто-то, ведь, уезжал насовсем.

-Ты вернешся?

-Конечно, глупышка, я, ведь, тебя люблю!

-И я тебя.

-Не плачь, две недели пролетят, не успеешь оглянуться.

-Помолчим,-она прижалась щекой к моей груди.- Я тебя хочу всего-всего запомнить, на всю жизнь.

Мы лежали молча в темноте и сердца наши стучали так громко, что заглушали звуки всего остального мира, который был где-то далеко, в нереальности. Единственное, что я ощущал, было прикосновение ее груди, бедра, тепло дыхания у меня на щеке и запах волос, закрывших мне лицо. Так незаметно я и уснул, переполненный любовью и нежностью к этой маленькой женщине, подарившей мне счастье и доверившей всю себя без остатка. Свадьбу мы справили через год.

-А, где вы работали до сих пор?- начальник отдела кадров посмотрел на меня из-под очков.

Я пришел устраиваться на работу в ПМК -2. ПМК-это передвижная механизированная колонна, строительная организация, возводившая на окраине поселка крупный лесопильно-деревообрабатывающий комбинат. На вопрос чиновника я начал пространно рассказывать о

своих профессиональных навыках строительства мостов и прочих объектов.

-Это не наш профиль.

Здравствуйте, подумал я, что же у вас тут за профиль такой, если мостовики вам не подходят, но вслух высказываться не стал.

-Может, куда-нибудь возьмете?

Ну, если хотите, есть место инженера в строительной лаборатории, оклад сто пятьдесят. Поработаете, а там посмотрим.

-Согласен.

Получив сведения о распорядке дня управления и направлении в общежитие, я вышел из кабинета. Ладно, все перемелется, главное - началась моя новая трудовая жизнь. Надоело болтаться, как приехал, без дела. Мне выделили койку в новом, только что слепленном из вагончиков, общежитии, расположенном, правда, весьма удобно, в двух шагах от работы. Соседом по комнате оказался молодой парень, мастер стройучастка, тоже не из местных, приехавший по оргнабору откуда-то из-под Перми. Хотя, кого тут можно было считать местным? Поселку-то всего было от роду шесть лет, возраст, надо сказать, даже не юношеский,

-Виктор,- представился он.

-Игорь,- я пожал протянутую руку.

-Ты откуда?

-Да, служил здесь в желдорбате, демобилизовался.

-Ну, располагайся, хоромы не очень, но жить можно. На какой участок устроился?

-Сунули в какую-то стройлабораторию.

-На кой хрен она тебе сдалась эта канцелярщина? Там одни бабы, а начальником старый хрыч из Москвы, зануда, каких еще поискать. Давай к нам на линию.

-Я бы с удовольствием, да не берут, проверить, видимо, хотят.

-Вот сволочи, людей на линии не хватает, а они мозги компостируют. У нас на третьем и то две вакансии.

-Ничего, огляжусь маленько, а там видно будет.

-А, ты к главному сходи, он мужик не глупый, посо-бит,

-Надо будет сходить.

-Вот это - правильно, а то чего там с бабьем гнить. Они там задницы просиживают, а мужику работа нужна живая, не бумажки перекладывать.

-А, сам-то давно здесь?

-Да, месяца три уже.

-Ну и как?

-Работа, как-работа. Ребята, вроде, вокруг толковые, дружные, да скоро сам познакомишься. А, так что: в столовке готовят неплохо, по субботам в клубе танцы - кипит жизнь.

-А, что, и клуб есть.

-Есть и довольно приличный. Каждый день почти кино крутят.

-А, начальство как?

-Начальник фуфло, если не полный кретин, то уж наполовину точно. В основном производством главный занимается, мужик крутой, но умный. Тут по другому нельзя, контингент сборный, кто откуда, всякой шушеры хватает. Да, вообще, сам увидишь. Не зря же: лучше раз увидеть, чем сто - услышать.

-А, начальники участков?

-Нормальные мужики, опытные, лет по двадцать на стройке.

Через три месяца, после многочисленных просьб, меня перевели мастером на стройучасток номер четыре и забросили командовать очистными сооружениями. Командовать, правда, особо было нечем, три плотника, да десяток разнорабочих, но все равно это было кое-что. Еще через год я стал прорабом.

....Этот серый, холодный, зимний день я помню так ясно, как будто это было вчера. Складывая свои вещи в фанерный ящик из-под папирос, выпрошенный в магазине, я боялся что-нибудь забыть, чтобы потом ни под каким предлогом не возвращаться в этот дом. Оглядев квартиру в последний раз, я крикнул Володю, шофера автобуса, и мы вынесли вместе нехитрый скарб нажитый за шесть лет нашей совместной жизни с Ленкой. Перед тем, как захлопнуть дверь, я снял со стены физиономию орущего ханта с привинченными к голове оленьими рогами, которую сам и вырезал из сухого осинового полена. «К новой жизни - со старыми рогами!»- внутренне усмехнулся я и щелкнул замком двери.

-В гостиницу,- автобус тронулся по заснеженным улицам поселка к моему новому месту обитания. На душе было не очень, и в то же время чувствовалось какое-то облегчение, которое приходит к человеку, когда тот на конец находит решение трудной и порядком надоевшей проблемы.

С Леной мы прожили вместе почти шесть лет и, в чем я мог ручаться совершенно точно, так это в том что мы любили друг друга. И не известно, кто сильнее и бескорыстнее. С мастерством домохозяйки, полученным, видимо, от матери, она с упорством достойным уважения налаживала семейный быт, где бы мы не жили. В наше очередное гнездышко всегда было приятно возвращаться после работы. И в этой двухкомнатной квартире, которую я получил два года назад, будучи уже главным инженером, везде чувствовалась ее рука, и в этих салфеточках на журнальном столике, и в фаянсовых фигурках пастушек в серванте, и в расшитых подушечках на диване. Когда мы переехали сюда из комнаты в общежитии, ничто не предвещало переломов в нашей супружеской жизни. Будущее представлялось безоблачным и счастли-

вым. Правда, в общежитии всегда было многолюдно, шумно и весело. У кого-то случался день рождения, у другого крестины, у третьего - свадьба. Поэтому скучать не приходилось. А здесь нам предстояло жить отдельно, солидно и основательно.

Я думаю, почему эта красивая, обаятельная женщина полюбила меня? Характер у меня не ахти какой, да и сам я вовсе не красавец. Могу загулять с друзьями и забыть, что настал такой-то праздник и нужно, как обещал, к такому-то часу быть дома. Затем приходится выслушивать, что ты на самом деле из себя представляешь. Без всяких сожалений улетал в командировки, не замечая слезинок в уголках ее глаз, надо - значит надо. Работа была для меня тем допингом, который и определяет направление и скорость жизни, а домашний очаг и любимая всегда находились на втором плане. Хотя нельзя сказать, что они были мне не дороги. Шло завершение строительства второй очереди комбината, трест заседал, всякие комиссии и высокопоставленные погонялы практически не вылазили из управления и приходилось крутиться на стройке и день и ночь. Когда к полуночи я возвращался с работы домой, на кухне всегда ждал горячий ужин и, если была охота, рюмка перцовки. Не пьянства ради, а для сугрева. Надо сказать, что в первый год проживания температура в нашей квартире зимой не поднималась выше плюс двенадцати, в теплые дни - пятнадцати градусов. Сказывалось то, что сети, обеспечивающие этот микрорайон теплом, требовали реконструкции, которую, как и обычно, в текущем сезоне не провели. А дом сдали в срок. Вот и приходилось вечерами недостаток тепла восполнять горячительным, да еще наваливать полушубки поверх одеял, а иначе было не согреться.

Детей у нас не было, и это, видимо было основной причиной, по которой между нами возникали, если не разногласия, то некоторые натяжки. Климат в нормальной

семье требует заботы о ближнем, а так два молодых, здоровых человека быстро надоедают друг другу, тем более, что хороших, общих друзей за годы супружества мы так и не обрели. А хотелось бы ходить в гости, в кино или еще куда-нибудь вместе. Но единственное, в чем можно упрекнуть Елену, это в том, что она не любила гостей, особенно моих. Ей казалось, что вдвоем нам гораздо лучше, и требовала, чтобы все мое внимание уделялось только ей. Сначала, это меня не угнетало: мы были молоды и мы любили. Но с годами такое положение дел переносилось все труднее. Мне все чаще хотелось подольше оставаться в компаниях моих холостых коллег, с которыми у нас были общими не только вопросы производства, но и другие интересы, возникшие в связи с многолетним и каждодневным общением.

-Что там Генка из Молдавии пишет?

-Да, все в порядке, собирается опять приехать, надоело, видно, под крылом у жены сидеть.

-Не живется ему спокойно.

-Видишь, если шибко спокойно, можно с тоски удавиться.

-Она все равно сюда не поедет, поди худо ей там, золотым отделом в универмаге командывать.

-Конечно, не поедет.

-Опять Генке нужно любимую женщину ефрейтора Сбруева подбирать,

-Не маленький, сам справится,

-Писать будешь, черкни, пусть винца хорошего привезет. Простой раз «Каберне» домашнее привозил, не сравнить с болгарским, и не такое кислое и аромат совсем другой.

-Еще бы, такое «каберне» королева английская пьет.

-А, вы в курсе, на днях концерт будет, Женя Клячкин на гастроли прибывает. Помните:»Перевесь подальше ключи, адрес поменяй, поменяй. а потом подольше мол-

чи - это про меня...» Я афишу тут на ДOME культуры видел.

-Ага, в субботу, перед танцами.

-А, как там сейчас на танцуйках?

-Сходи, сам увидишь.

-Да, надо бы сходить для интереса. Вон Витька ни одних не пропускает.

-Да, он там себе пассию завел, смотрит на нее весь вечер, а подойти боится. Пацаны вокруг нее табуном вьются, симпатичная деваха.

На танцах мы с Ленкой не были с тех пор, когда я еще ухаживал за ней. Ну, может быть, два-три раза после свадьбы. А, ведь до этого ни один бал не проходил без нашего обязательного присутствия. Клуб, именуемый Домом культуры, был маленький, оркестр играл прямо на полу, не было никакого подиума, и танцующие чуть ли не сидели у музыкантов на инструментах.

-Игорь, убери зад,- говорил мне мой хороший приятель Женька, игравший на ударных,- а то я тебе по нему барабанить буду.

-Извини, не повернуться, сам видишь.

-Девочки, веселей, это все-таки шейк, а не минуэт.

-Сам пошевеливайся, а то топчется, как слон, на одном месте.

Это потом к Дому культуры пристроят новый зал для танцев, а тогда мы веселились в тесноте, но как говорят: не в обиде. Когда в зальчике становилось нечем дышать, выбегали из здания, покурить на свежем воздухе. Отдышавшись, снова лезли в тесноту и гомон.

Летом наши с ней отношения натянулись до предела. Кроме скуки и безразличия появилась неприязнь, а это было уже серьезно. Все чаще случались скандалы и все чаще Ленка делала попытки пустить в ход свои длинные, накрашенные ногти. Чего мне уж совсем не хотелось, так это ходить с расцарапанной мордой лица, и частенько в

такие минуты приходилось покидать дом прямо через балкон, благо внизу в полисаднике были вскопаны грядки и прыгать со второго этажа можно было без опаски.

-Адю, мадам, берегите нервы!

-Гад, паразит проклятый,- неслось мне в след.- Я тебе устрою жизнь, попомнишь меня. Пойду в райком, там с тобой разберутся, вылетишь с главных инженеров.

Я старался не реагировать на все эти тирады, и побыстрее убраться, пока не видели соседи. Но, надо думать, что все были в курсе, голосок Ленки слышен был почти за квартал. Неудобно, конечно, когда чужие люди становятся свидетелями таких сцен, да еще с твоим непосредственным участием.

Под Новый Год Ленка полетела в Ханты к своим родителям, которые перебрались туда месяцев шесть назад. Отец получил новое назначение в окружком. Расстались мы молча, после очередной ссоры разговаривать как-то не хотелось. Я вообще в день отъезда убрался из дому, чтобы очередной раз не скандалить, и вернулся домой попозже. В полутемной, опустевшей квартире, мне стало одиноко и тоскливо. «Пора что-то делать! Самое время уносить ноги»,- подумал я. Решение это назревало давно, но все как-то не реализовывалось, не наступила, видимо, такая минута, когда уже совсем невтерпеж. А, тут можно было спокойно собрать вещички и отвалить без крика и скандала. Что я и сделал двумя днями позже.

-Здорово,- я позвонил Генке, который опять прибыл в Советский, и снова работал замом по производству, чем занимаешься?

-В телевизор пялюсь. Здорово!

-Слышь, у меня тут бутылочка коньяка завалилась, ты как? Моя благоверная к родичам в Ханты отбыла, подходи.

Через десять минут Генка позвонил в дверь. Жил он рядом, в однокомнатной благоустроенной квартире, ко-

торуую получил, чтобы жить с женой, якобы собирающейся приехать к нему. Но она так и не приехала, вот он и бичевал пока один.

-О, пять звездочек! Где достал?

-На базе, у Овса.

-А лимончик есть?

-Есть.

-ну, будем! Благоверная твоя надолго уплыла?

-А, Бог ее знает. Сорвалась неожиданно, слова не сказала.

-Ты бы решал что-то, а то подставит она тебя. На кой хрен тебе в райкоме неприятности.

-Видимо, придется линять.

-Во, давай, и побыстрее. Какие наши годы, мало баб нормальных на свете что ли?

-И этих, что были, по самую макушку хватило. Спусти две недели Ленка вернулась. Я уже прижился в номере нашей заежки, и даже начальник управления. Гена Зорин, поскрипев для начала и обозвав меня «дураком набитым», смирился с таким положением дел и дал команду профкому подыскать какое-никакое жилье!

-А то, эти охломоны сожгут когда-нибудь гостиницу вместе с конторой,- аргументировал он свое решение. И надо сказать, был прав в какой-то мере, поскольку, вечерами у меня частенько стали собираться друзья и знакомые, благо идти было совсем рядом: только вниз спуститься после планерки. Сразу за стол, красота!

С Еленой мы встретились дня через два после ее приезда, прямо на улице, лоб в лоб.

-Ну, что, нагулялся,- начала она,- может хватит людей смешить? Пора и честь знать!

-Да, вроде бы никто особо не смеется.

-Весь колхоз уже судачит, давай-ка закругляйся.

-Ты чего-то не поняла, дорогая!

-Чего я не поняла?

-А, того, что я не шучу.

-Что ты хочешь сказать?

-Поезд ушел, дорогая, возвращаться я не собираюсь.

-Вот как!

-Да, вот так!

-Ну-ну, гляди, посмотрим когда тебя выкинут из управления и из партии исключат. Сам на корячках приползешь?

-Ты так уверена?

-Уверена!

-Ладно, проживем, поглядим, только зубы от злости не сломай!

-Свои побереги, подонок!

-Уже и подонок, ты ж, вроде назад меня звала?

-Пошел ты к черту!

На этой- оптимистической ноте мы и расстались,

«Игорь Николаевич, нехорошо все это,- говорила мне ее подруга Людмила, - Лена, ведь, такая хорошая женщина и вас любит». Людмила работала у нас инженером производственного отдела и волей-неволей я встречался с ней почти ежедневно. Людмила появилась у нас в первый приезд Генки, когда тот подался на север за длинным рублем и привез ее с собою от живого мужа. Следом, месяца через два прибыл разбираться муж. Правда никаких скандалов и мордобоя не было: посидели, обсудили и разбежались навсегда. Людка поселилась у Генки в вагончике, все как бы успокоилось. Но бабы есть бабы: кто-то накропал Лариске письмо, та естественно возмутилась, и нагрязнула в поселок с разборками, хорошо, хоть, предварительно дала телеграмму. Генка, не долго думая, подписал отпуск и свалил в Хабаровск, пытаясь уйти от свалившихся на его голову забот. Я посоветовал Людке не высовываться и поехал, на правах друга и одноклассника встречать Лариску в аэропорт.

Выйдя из аэропортского автобуса Лариска сразу на-

села на меня.

-Привет! А, где Генка?

-Сейчас я тебе все объясню.

-Что ты мне объяснять будешь, где он?

-Да, понимаешь, он отпуск взял и уехал.

-Куда?

-Е Хабаровск.

-Вот гад! И у кого он там обретаётся?

-Откуда я знаю, не сообщил пока.

-Ну и гад!- повторила Генкина супруга.-Ты подумай, у кого он там может быть?

-Поехали, по дороге подумаем,- я подхватил Ларискину сумку и двинулся к автобусу.

-Ну, что надумал что-нибудь? Говорил же он что-то, чем в Хабаровске заниматься собирается.

-Может быть он у Витьки Подлеснова, тот хату еще год назад получал, а может еще у кого. Телеграмку бросим, найдем!

-Куда мы сейчас?

-В гостиницу.

-Далеко это от...- и она назвала адрес,

-Рядом, два шага шагнуть,- я понял какой благодетель и хранитель чистоты морали настрочил Лариске телеграмму. «Надо будет Генке сообщить, что у него за дружба с подругами»,- подумал я.

Утром Лариска нарисовалась у меня в кабинете. Вид у не был решительный и грозный.

-Ты мне только в конторе разборок не устраивай!

-Сама знаю что делать.

-Это ты дома командуй, а здесь все-таки учреждение.

-Дом терпимости здесь и рассадник блядства!

-Кончай пену гнать, сами в своих делах разбирайтесь, а других оставте в покое.

-Ладно, успокойся, никто тут скандалов устраивать не собирается. Мне нужно срочно развестись с засран-

цем.

-Дак, разводишься, я то тут при чем?

-Без личного согласия не разводят, я у вашего юриста уже проконсультировалась .

-Так пошли ему телеграмму.

-Куда?

-Я же тебе говорил, Витьке Подлеснову, на адрес.

-А ты уверен что он там?

-На девяносто процентов,

-Ладно, посмотрим.

Через три дня на контору пришел ответ из Хабаровска, по всем правилам заверенный у нотариуса. «Быстро, однако, Генка, поворачивается», - и я повез телеграмму Лариске. Но через пару дней выяснилось, что на приеме у судьи она закапризничала и отказалась от первоначальных планов разводиться без Генки. «Дождусь его, погляжу в его бесстыжие глаза», - пояснила она.

Недели через две на адрес управления пришла телеграмма: «Готов-те комиссию по встрече, прибываю пятнадцатого». Через два часа вся контора знала об этой телеграмме. К концу дня меня поймала Лариска.

-Ты Генку встречать поедешь?

-Ну, а как же.

-Меня захвати с собой.

-Обязательно.

-Смотри не забудь!

-Да, нет вопросов! Где тебя забрать?

-У Рыжиковых.

-Жди, утром заеду.

Вечером раздался телефонный звонок. Звонила Людмила.

-Игорь Николаевич, вы Геннадия Николаевича встречать поедете?

-Конечно.

-А меня с собой возьмете?

-Неприменно Людочка, жди в управлении часов в девять. «Ну, и влип ты Генка»,- я срочно позвонил начальнику и договорился с ним, что с утра задержусь на службу. С утра я специально уехал на базу и не показывался в управление, а к самолету поехал окольными путями, вокруг поселка, чтобы не перехватили. Самолет приземлился вовремя, и улыбающийся Генка, махнув мне с трапа рукою бодрым шагом направился навстречу.

-Комиссия по встрече прибыла в полном составе, привет!

-Здорово?

-Ну, как дела? Все живы? Я гляжу тут у вас уже совсем тепло.

-Дела-то, вроде, ничего. Только твои мамзели обе тебя дожидаются, так вот.

-Ну!- лицо у Генки вытянулось,- Почему обе? Что, не развели, разве?

-Лариска не захотела, надо, говорит, увидеть.

-Вот, блин, дела!

-Да, вот такие. Хорошо, хоть без мордобоя обошлось. Я и так тут, как карась на сковородке вертелся между твоими пассиями, едва уцелел. Куда поедет-то?

-Дай подумать, как-то и не соображу сразу.

-Я так думаю, дует в заежку, территория нейтральная, не фиг гусей лишний раз дразнить.

-А, может к Людке?

-Острых ощущений захотелось?

-Не до грибков, Петька, не до грибков!

-Тогда в заежку, оглядишься, там видно будет.

-Поехали,

Неделю Генка мотался, как проклятый, между своими женщинами, пока, наконец, не решил уехать с женой, что и сделал. Поступок его мало кто из мужиков одобрил. Назвался груздем - полезай в кузов. Хотя с другой стороны, там у него рос сын, которому нужен был отец.

Людка осталась одна, и без мужа, и без любовника, и на почве обрушившихся на нее неприятностей сблизилась с моей Еленой. Та тоже нуждалась в родственной душе, понимающей ее с полуслова. Вот теперь подруга и радела за подругу.

...»Ты, Люд, лучше не лезь в эти дела, себе дороже», - отвечал я. «Семья, ведь самое главное в жизни», - пыталась она наставить меня на путь истинный. «Самое главное - здоровье», - парировал я, - «остальное приложится». Некоторое время спустя, я почти забыл о встрече с женой и том неприятном разговоре, что произошел между нами. Работа лечит. Опять нужно было что-то сдавать, где-то не ладилась дела, куда-то нужно было ехать.

-Давай-ка, собирайся в Самзу, дом сдавать надо.

-Там же зам садит, что ему нянька, нужна?

-Вот и подменишь, человек там уже месяц безвылазно. Да, и дорожников заодно проверишь, давно у них не были. Профсоюз с собой прихвати, посмотрите, как там столовая работает и, вообще, быт.

Жизнь была ключом, скучать было некогда. Иногда приходили письма от Генки, в которых он жаловался, что работа его не устраивает, да и в семье не все в порядке. Пожалеть я его не мог, да и не хотел. Сам виноват. Да, и Людка к этой поре, вроде как успокоилась.

...Я стоял в предбаннике зала заседаний бюро райкома партии и курил. «Предбанником» холл называли потому, что на бюро, как правило «парили», кого за дела производственные, кого за семейные. Других вопросов, вроде, как и не бывало, или их просто не замечали, так как. они ни. для кого не представляли никакого интереса.

-Явился, не запыхался, - прочиркала, выскочившая из зала заседаний, как черт из табакерки, Марья Николаевна, зав общим отделом, которую все за глаза назы-

вали просто Марья.-Ты, что это, разводиться вздумал?

-Здравствуйте Марья Николаевна! Да, так вот вышло.

-Вышло, вышло. Не живется вам спокойно, с жира беситесь!

-При чем тут жир, Марья Николаевна? Я же худой всю жизнь, сроду лишнего веса не было.

-Он еще и зубоскалит, паршивец!

-А, что остается, погибаю, но не сдаюсь.

-Постеснялся бы народа, чем тебе Елена не угодила? Все при ней: и ум, и красота.

-Да, я, что, разве против.

-Вот и покайся. Федорович сегодня бюро ведет, отделаешься обсуждением. Следующим пойдешь, я вызову, готовь холку?

-Усегда готов, как юный пионер!

-Ну, позубоскаль напоследок,- и Марья опять упорхнула за дверь.

...Незадолго до этих событий я встретил на улице гуляющего второго секретаря, Николая Федоровича. Он обычно совершал такие прогулки по поселку для здоровья и заодно знакомился с состоянием наглядной агитации, расставленной и развешенной на подконтрольных территориях предприятий. После таких прогулок, давались соответствующие указания, что поменять, что подновить. Идеология - вещь тонкая, хотя я не думаю, что старый фронтовик особенно верил всякой белиберде, расписанной на фасадах и щитах. Просто человек за много лет работы привыкает ко всему, взгляд замыливается и не замечает абсурдов.

-Ты, это, давай, с супругой разберись. Что думаешь, люди ничего не видят? Руководитель, а ведешь себя, как мальчишка, по гостиницам отираешься, как бич.

-Да, я...

-Не, да я, а приводи отношения в порядок. Или живите вместе, как люди, или разводитесь. Ты какой пример

подчиненным своим подаешь?

После этого разговора я, не долго думая, полетел к своей еще жене на работу и потащил ее в ЗАГС оформлять развод.

-Никуда я не пойду,- категорически заявила она.-Не получишь ты развода. Вот разберутся с тобой, там поглядим.

-Ты же сама хотела определенности! Я у тебя ничего не прошу, все оставляю, чего тебе еще надо?

-Пиши расписку, что не претендуешь на квартиру, да пойду.

Пришлось мне тут же написать расписку и все заверить у нотариуса. Ленка была человеком юридически достаточно грамотным, не зря все-таки она работала секретарем нарсуда. Заведующая загсом, женщина с добрыми глазами, выдала нам бумагу, одну половину которой должен был заполнить я, другую Ленка. В пункте «Причины развода» я, подумав, написал: не сошлись характерами. Не изливать же душу перед канцелярскими крысами, да и в такой маленькой графе разве объяснишь причины, если и себе-то толком до конца объяснить не можешь. Зато Ленка на своей половине листа излила все, что у нее накопилось на душе. Что я подлец и пьяница, полный кретин и гуляка, лишенный моральных принципов, и еще черт знает кто, и вообще, странно, что такого гада до сих пор носит на себе земля. «Ни хрена,- подумал я, прочитав литературные изыски своей супруги,- перетерпим, дело житейское». Здесь мне Ленка напомнила мою первую тещу, тоже любительницу пописать, которая после развода с первой женой молчала несколько лет, а потом вдруг забросала меня письмами. «Вот,ты стал большим человеком,- писала она,- но, как был подлец, так подлецом и умрешь!» И далее в том же духе с еще более крутыми выражениями. Хорошо, что письма приходили на контору, теща не знала адреса, и я, прочитав

их, молча рвал, чтобы не видела Ленка. А теща не уни-
малась и поток писем не убывал. Одно я показал Сашке
Ворошнину.

-Во, дает, старушка!- сказал он перечитав письмо.-
Шибко она тебя, Игорь, любит.

-Ладно бы одно, а то спасу нет.

-Н-да!

-Что посоветуешь?

-Слушай, а ты нарисуй на листе фигу, да отправь по
адресату. Только не пиши ничего, а то эффекта не будет.

Сказано-сделано. Я нарисовал, как мог, дулю во весь
лист формата А-4, запечатал в конверт и отправил. Боль-
ше писем не было.

-Приходите через три месяца,- сказала, заведующая,-
если не передумаете.

-А сразу нельзя?

-Нет, по закону дается три месяца на примирение. Го-
сударство борется за сохранение семьи, так что, жду вас
через три месяца, а если передумаете, можете не прихо-
дить: заявление в данном случае отправляется в архив.

-Сюда, вообще-то, не подумавши: не приходят,- за-
метил я,

-Что делать, таковы правила,- улыбнулась заведую-
щая.- До свидания !

Мы вышли из домика, где в то время размещался
ЗАГС, и молча разошлись. Уходя, Ленка ни разу не ог-
лянулась.

...И вот я курил у окна, ожидая решения своей участи.
Видимо, после посещения ЗАГСа.моя благоверная пожа-
ловалась на судьбу Николаю Федоровичу, хорошему
другу ее отца и нашему районному идеологу. Наверное,
пыталась досадить мне, как всякая обиженная женщина,
и уж никак этот шаг нельзя было расценить, как путь к
примирению. Я, конечно, уважал райком партии, но не
до такой степени, чтобы он лез в мои личные дела.

Воспитывать воспитывайте, но решать свои дела я буду сам, ребята. Вы тоже не с ангельскими крыльями за спиной. То, что примерно это случится со мной, я понял еще тогда, когда мы с Ленкой расставались у дверей ЗАГСа. «Ты еще меня попомнишь, будут у тебя неприятности», - зло бросила супруга. Понять ее, конечно, можно: рушился построенный и бережно охраняемый мир, мир привычного уклада и забот, в котором мне опять, как на грех, не нашлось места. Точнее место-то было, да не очень меня устраивало.

Двери зала заседаний открылись и в холл стали выходить члены бюро и парторги леспромхозов, которых всегда приглашали на подобные мероприятия, дабы соблюсти некоторую видимость демократии и настроить на единство задач и целей.

-Здорово, Игорь!- передо мной стоял главный врач района Витя Полевщиков, мой давний приятель и член районного комитета уже не одного созыва.

-Добрый день!

-Ты что тут отирается, секретарь нужен?

-Да, вот, на разборки вызвали, дрючить будут.

-А, то-то я гляжу в повестке дня персональное дело, а фамилии нет. Что случилось-то?

-С женой расхожусь,

-Пожаловалась, что ли?

-Видимо. Тем более дед - папин друг,- я назвал имя.

-Фью...

-Вот такие дела?

-Так вы что, вещи или квартиру не поделили?

-Прям, что я жлоб какой-то. Собрал свое барахло, да съехал в гостиницу. Сам сейчас думаю, какую мне аморалку будут шить?

~А, дети у вас есть?

-Нет, слава Богу!

-Какого хрена тогда тебя сюда притащили?

-Я ж тебе сказал: по дружбе.

-Ладно, не бойсь,- Витя хитро ухмыльнулся,- поможем. Тут главное правильно задать вопросы и правильно на них ответить. А то нашим моралистам, особенно бабам, только дай волю, сжуют и кости не выплюнут.

-Да, я, особо, не боюсь.

Я действительно не испытывал в данный момент никакого особого трепета перед столь высоким собранием и каяться не собирался. Выговором больше, выговором меньше, какая разница. От выговора еще никто не умирал. Правда, смущало одно обстоятельство: в зале бюро, кроме членов комитета, сидело еще с десятков зевак, так называемых приглашенных, и это меня не особенно устраивало. Попросту не хотелось чтобы в моем грязном белье ковырялись посторонние, реклама, тут не к чему. А реклама обещала быть: колхоз-то маленький, ни черта не утаишь. Перерыв окончился, предбанник опустел,

-Заходи!- выскочила из дверей Марья. Я вошел. За центральным столом восседали члены бюро, за другим установленном вдоль окон, клерки райкома и приглашенные.

-Товарищи, на ваше рассмотрение выносится персональное дело коммуниста Савельева. Поступила жалоба его жены на неблаговидное поведение супруга. Что вы можете пояснить членам бюро по этому поводу, коммунист Савельев.

-А, что тут пояснять, Николай Федорович, характерами не сошлись. Две недели назад подали заявление на развод. Вот, собственно и все.

-Как это подали заявления? - лицо секретаря побагровело.- Мы, ведь недавно беседовали с вами о ваших семейных делах, вы, что, меня не поняли? Вместо того, чтобы наладить отношения в семье, вы вон что вытворяете!

-Вы же сами сказали, Николай Федорович, или живите нормально, или расходитесь. Ну, мы подумали и ре-

шили разойтись.

Если бы я мог гореть, я давно сгорел бы под испепеляющим взглядом секретаря. «Отрабатывает старик для друга,»- подумал я и потупив голову изобразил полное смирение.

-Что будем решать, товарищи? Похоже мои доводы коммунист Савельев понять не может, а главное не хочет.

-Разрешите вопрос, Николай Федорович,- поднялся Виктор.

-Пожалуйста, Виктор Павлович.

-Скажите, Савельев, а дети у вас есть?

-Нет, детей нет.

-Может быть вы с супругой жилье, или вещи не поделили? Иногда бывает такое.

-Ничего мы не делили, квартиру ей оставил, а вещей особых мы и не нажили.

-А почему тогда жена на вас жалобу написала?

-Ну, это ей виднее.

-Странно. Мне кажется, что тут рассматривать как бы и нечего, Николай Федорович, ну, развелись и развелись, видно по другому не могли, тем более детей нет.

Лицо у второго секретаря стало багровым, как перезревший помидор В зале повисла напряженная тишина.

-Савельев, выйдите. Подождите в холле, вас вызовут.

Минут через десять Марья снова вызвала меня в зал заседаний.

-Члены бюро посовещались и решили объявить вам выговор,- буркнул секретарь,-без занесения в учетную карточку.

-Спасибо.

-Вы, что Савельев, паясничать вздумали перед бюро?

-Что вы, Николаи Федорович! Можно идти?

-Идите.

Я выскочил в предбанник. Фу-ты, кажись пронесло,

как в том анекдоте. Черт с ним с выговором: не первый, не последний. Как говаривал мой лучший друг Генка: нас та-та, а мы крепчаем. На душе у меня было легко, как после тяжелой болезни, от которой с трудом, но все же удалось излечиться. Стояла настоящая весна. Я шагал по улице, воробьи чирикали так же весело, как и шесть лет назад. Брызги талого снега разлетались из-под ботинок, а в голове у меня почему-то вертелись строки нашей старой армейской песни, которую Сашка все-таки дописал:

...Отбросив ненужные споры,
решив самый главный вопрос,
я брошусь под дембельский скоро,
улыбаясь вам из-под колес...

Навстречу попалась стайка девушек, одетых ярко, почти по летнему. Они оживленно болтали между собой, постреливая глазками по сторонам, то и дело взрываясь звонким смехом. Они радовались первому теплу, яркому солнцу, тому, что они молоды и красивы.

Жизнь продолжалась. Какой-то она будет.

1999-2001 г.

ОДИН ДЕНЬ

Утром Сашка проснулся от громкого и веселого чирканья воробьев за окном. Солнце всходило где-то за кромкой леса и небо наливалось той особенной, чистой и густой синевой, которую можно увидеть только в начале лета, когда оно еще не поблекло и не выцвело от жары и пыли. Утренней свежестью и запахом просыпающейся тайги тянуло из открытой форточки. Сашка взглянул на часы — половина шестого. Можно было бы поспать еще, но спать совсем не хотелось. «Красота!- подумал Сашка,- никуда торопиться не надо, лежи сколько захочется. Красота!»

Последняя рота батальона, погрузившись вчера на платформы, отбыла на базу в Советский: начиналась летняя учебка. Пелым разлился, строительство моста приостановилось до лучших времен. Для охраны имущества и объекта остался взвод, командование которым временно поручили ему, лейтенанту Савченко Александру Владимировичу, двадцати трех лет от роду, до выхода из отпуска, постоянного командира взвода, старшего лейтенанта Ворошнина. Пребывание здесь, в поселке, с таким же, как и река, названием Пелым, считалось в батальоне почетной ссылкой: скука несусветная, но и делать ничего особенно не надо.

Сашка сладко потянулся, повернулся набок и закрыл глаза. Состояние расслабленности и безмятежного покоя наполняло его. В уме он начал перебирать приятные моменты своего пребывания в Советском: веселых девочек на танцах, общежитские пирушки по субботам, обязательный вечерний преферанс. Неожиданно в подсознании всплыло, что сегодня они вместе с его хорошим приятелем Витькой Поповым, работающим здесь же дежурным по станции, договорились покататься по Пелыму на моторке, и Витька обещал пригласить двух подруг-учи-

телок из местной школы.

-Нормальные девочки, симпатичные и не выкобенистые- пояснил он. -То, что надо.

Сашка открыл глаза. «Надо бы чистый подворотничек подшить»,-прилило в голову. Он поднялся и начал неспеша одеваться. Солнце уже выкатило свой огненный шар в небесную голубизну и неподвижный воздух начал наливаться теплом и запахом цветущих трав. Над рекой поднимался легкий туман, обещая безветренный, по-настоящему летний день.

-Разрешите, товарищ лейтенант,- и в комнату, не постучав, ввалился как всегда слегка помятый и взъерошенный, младший сержант Соловьев. Сашка хотел было рявкнуть, что нужно стучать, когдаходишь, но увидев в руках у сержанта поднос с расставленными на нем тарелками, раздумал.

-Завтрак, товарищ лейтенант!

-Что там у тебя?

-Макароны по-флотски, селедочка и кофе.

-Поставь на табуретку. Спасибо, Соловьев!

-Да, не за что, товарищ лейтенант.

-Ладно, свободен. Да, еще согрей, пожалуйста, воды побриться.

Сашка пододвинул к кровати табурет с подносом и начал завтракать. «Тьфу ты, не умылся? Нехорошо,-подумал он, но мысль эта была не четкой, какой-то расплывчатой и далекой. Ощущение беспричинной, взявшейся из неоткуда радости переполняло его и разгорающийся июньский день только усиливал это состояние. Закончив завтрак, Сашка понес пустую посуду на кухню, где в это время завтракали бойцы освободившейся караульной смены. При его появлении все встали.

-Садитесь, садитесь. Как дела?- спросил он старшего по караулу.

-Все нормально, товарищ лейтенант. Смену караула

произвели. Никаких происшествии не случилось.

«Смена караула,»- усмехнулся про себя Сашка. Вся эта, так называемая смена состояла в том, что одни, обоспавшиеся и наигравшиеся до блевоты во все игры от бестолковой «мандавошки» до шахмат, бойцы меняли других, таких же, чтобы продолжить прерванный сон или игру в палатке, возле которой в ряд стояла техника, не перебазируемая в часть и оставленная до тех пор, когда река войдет в свои берега и можно будет снова продолжить работы. «Книжки хоть бы, что ли, читали,- мелькнула мысль.-Как же, скорее нажрут, черти.» Маленький и полупустой поселок не мог представлять сколь-нибудь серьезной угрозы для оставленного технического вооружения батальона и посягать на ее сохранность и невредимость не собирался. И уже совсем нелепо было предположить, что кто-то попытается умыкнуть бетонную опору моста.

-Соловьев, едрена феня, где горячая вода?!

-Ой, извините, товарищ, лейтенант, закрутился!

-Ты, я чувствую, допрыгаешься! Ладно, чего теперь, не суетись, сам согрею. Я тут отбуду на некоторое время, чтобы все было тип-топ, как говорится. Ясно?

-Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, не маленькие.

Через полчаса побритый, наодеколоненный, с подшитым новым подворотничком и начищенной услужливым Соловьевым пряжкой португепи Сашка бодро шагал к железнодорожной станции, рядом с которой в домике на двух хозяев жил его приятель Витька. Брехливый, но безобидный Витькин пес по кличке Мерин нехотя облаял его, информируя хозяина о прибытии гостя. Сашка не стал заходить в дом, а присел на заваленку у крыльца и закурил, подставляя лицо ласковым утренним лучам. Заскрипели двери и на крыльцо вывалился, почесывая голый живот и громко сморкаясь, еще не совсем проснувшийся Витька.

-Привет!- прохрипел он и протянул руку.

-Ты что, забыл что ли?

-Да, нет, не забыл. Просто девочки подойдут попозже, у них там какие-то дела в школе, вот я и не тороплюсь.

-Что, гулеванили вчера? Больно морда у тебя помятая.

-Было дело под Полтавой! У Генки жена к теще в гости отправилась, ну и посидели на радостях.

-А, что меня не свистнули?

-Так твой сержант оказал, что ты спишь, ну и решали не будить.

-Ох, заботливые вы мои! Лодка-то как, в порядке?

-А, что с ней сделается. Канистру я еще вчера у твоих архаровцев нацедил, так что все о-кей. Заходи в хату, чайку пошвыркаем. Девчата через час-полтора должны нарисоваться. Пошли, пошли, сейчас известия по телеку начнутся.

Через час с небольшим в дверь постучали.

-Входите!- крикнул в сторону двери Витька и убавил звук. В комнату вошли две девушки: одна светленькая, воздушная, в пестром сарафанчике до колен, другая темная, голубоглазая, плотно сбитая, одетая в яркую кофточку и джинсы.

-Здраствуйте!

-Привет, девчонки! Что-то долго вас мучали в вашем учреждении. Знакомтесь, Александр!

-Оля,- светловолосая протянула Сашке маленькую ладошку и улыбнулась, обозначив на пухлых щечках маленькие, озорные ямочки.

-Очень приятно?

-А это - Надя,- представил голубоглазую Витька,- девушка во всех отношениях замечательная и необыкновенная. Он подхватил ее на руки и закружил по комнате.

- Да, ну тебя, Витя, прекрати,- шутливо колотя его в

грудь кулачками смутилась Надежда. -Поставь на место, охальник!

Витька чмокнул Надю в щечку, чем заставил покраснеть ее еще больше, и бережно посадил свою барышню на тахту. По тому, как заблестела глаза девушки, было видно, что все происходящее доставляет ей удовольствие.

-Ладно, девочки, покомандуйте тут на кухне. Оля, там в холодильнике кое-что есть, гребите все. Картошку найдете в сенях, Надя знает где. А мы с Александром пойдем, займемся нашим крейсером. Так что подходите следом, не задерживайтесь, и заскочите в магазин по дороге: хлеб у меня кончился.

Подхватив за ручки сорокалитровую канистру с бензином они двинулись по шпалам заброшенного леопромхозовского тупика в сторону реки. В другую руку Витька прихватил из сеней синюю болоньевую сумку, в которой время от времени мелодично позвякивало бутылочное стекло.

-Порядок,- подмигнул он, - затарились в лучшем виде, даже пива вчера в вагоне-ресторане удалось стрельнуть. Ну, как тебе Ольга?

-Симпатичная девчонка.

-И к тому же умная, стихи пишет. Только не говори, что я тебе об этом сказал, не любит она этой темы, смущается.

По узкой тропинке они спустились к реке, где в металлическом гараже была припаркована Витькина "казанка". Когда они уже заправили бачок и опробывали двигатель, на берегу появились Ольга и Надя. Ольга несла гитару и магнитофон, а более крепкая Надежда объемистую сумку с припасами.

-О, жить можно!- подхватив сумку заржал Витька. - Думаю, до вечера протянем. Садитесь дамочки на нос, да прикройтесь плащом, он там, в носовом ящике. А то,

не смотрите, что лето началось, на реке так может продуть, не обрадуешься.

Мотор взревел и лодка, направляемая твердой Витькиной рукой, плавно двинулась против течения вдоль поросших тальником и березами берегов. Мимо проплывали то живописные луга, покрытые сочным травостоем, то береговые поляны в лесу с яркими, разноцветными кляксами цветов на изумрудной зелени, то каменные осыпи невысоких холмов, окраинных посланцев Урала. Через час они причалили к песчаной косе, упирающейся своим основанием в срезанный, скалистый склон сопки. Здесь, на упавших с кручи валунах они и устроили бивак, приспособив камень, что побольше, под стол, а более мелкие расположив вокруг, как табуреты. Вскоре весело потрескивал костер, над котелком клубился пар с запахом тушенки и специй, девушки весело щебетали между собой, занимаясь столом. Приташив к очагу охапку хвороста, Сашка отошел, чтобы не мешать, к берегу, присел на камень возле воды и стал разглядывать резвящихся около берега мальков. Струящаяся у ног вода, игра солнечных бликов на волнах располагали к созерцательности и раздумьям. Но тут неугомонный Витька врубил магнитофон и загорланил вместе с Высоцким:»Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...»

-Кончай, альпинист, а то охрипнешь,- позвала его Надя. -Присаживайтесь мальчики, обед подан.

Сашка примостился рядом с Ольгой, так как Витька пояснил ему в приватной беседе, что лучше на Надежду глаза не пялить, бесполезно.

-Жениться что ли собрался?- поинтересовался Сашка.

-Ну, жениться, не жениться, а все же,- многозначительно изрек Витька.

-Саша, а вы давно служите?

-Второй год.

-Ты его спроси не сколько служит, а сколько осталось?-хохотнул Витька. Ольга вопросительно посмотрела на Сашку.

-Да, я двухгодичник, после института,- пояснил Сашка, -три месяца до дембеля осталось.

-А, куда потом, после службы?

-Не знаю, не задумывался как-то. Может быть в Советском года три поработаю, там строители нужны.

-Хорош болтать, граждане! Соловья баснями не кормят, приготовьте ваши бокалы.

-Не мешай, пусть люди познакомятся поближе,- попыталась урезонить его Надя, но Витьку уже было не остановить.

-Пьем за здоровье дам! Гусары пьют стоя!

Они чокнулись стоя, выпили водки и принялись за нехитрую снедь, разложенную на невесть откуда взявшейся скатерти. «Наверное девчата прихватили,- подумал Сашка, -у Витьки даже клеенки на кухне и то отродясь не было.» Потом они пели под гитару Визбора и Галича, купались в еще холодной пельмской воде и загорали, нежась на теплом, нагретом солнцем белом песке речной косы. Витька с Надеждой куда-то незаметно уединились и Сашка, как мог, блистал своим красноречием перед Ольгой, вытаскивая из памяти разные забавные истории и старые анекдоты, которые можно было рассказывать девушкам. Ольга заразительно смеялась каждой его глупости, то и дело, как бы нечаянно, прикасаясь к нему то плечом, то тугим, еще не покрытым загаром бедром. Он чувствовал эти прикосновения, вдыхал волнующий запах ее тела, от которого кружилась и плыла голова, но не подавал вида, продолжая усердствовать в своем, прямо надо сказать, идиотском словоблудии. Часа через полтора появились Надежда и Витька. Довольная Витькина физиономия масляно светилась.

-Не скучали, молодежь?

-Да, ничего, не умерли без тебя.

-Ну, и слава богу! Вишь, как Ольга-то пунцовеет.

-С чего это ты взял?- возмутилась было Ольга.

-Выдают глаза красну-девнцу,- продолжал ерничать Витька.

-Виктор, прекрати, что пристал к людям!- одернула его Надежда.

-Да, пусть повыпендривается. Мели Емеля - твоя неделя!

-Дело к вечеру, пора, пожалуй, и честь знать,- поднялся Сашка.

-А я разве против. Что, господа офицеры, на - по шок!

-Давайте, девочки, поддержим убогого, да, будем домой собираться.

К поселку подплыли уже в сумерки. В домах зажглись первые огоньки окон. На северо-западе, над вершинами уже почти черного леса пожаром багровел закат.

-Сменится погода,- глубокомысленно протянул Витька -Ну, что, по завтра?

-До завтра,- ответил на рукопожатие Сашка. -Я вас провожу, Оля?

Она молча кивнула. Разбитыми, кривыми улочками, осторожно выбирая дорогу, они вышли к небольшому домику на окраине, темные окна которого отражали вспыхнувшие в ночном небе звезды.

-Мама уже спит, она сегодня с дежурства.

-А вы одни с мамой живете?- спросил Сашка.

-Одни. Папа умер, уже три года как.

-Понятно, - Сашка полез за сигаретой.

На несколько мгновений повисла густая тишина, потревоженная только мерцанием далеких звезд и чуть слышным дыханием девушки. "А, была не была,"- Сашка отбросил сигарету и осторожно, но крепко, обнял

Ольгу, прервав ее удивленный возглас долгим, захватывающим дух поцелуем. Она вздрогнула, выгнулась, но тут же обмякла и отяжелела у него в руках. Он начал жадно целовать ее в глаза, в губы, в шею, чувствуя, как усиливаются толчки густой, горячей крови в набухшей жилке на виске. Пальцы правой руки стали вдруг торопливо искать и расстегивать непослушные пуговицы сафрана, а губы, скользнув по белой, пахнувшей молоком, медом и еще чем-то неповторимым груди, нашли, сразу отвердевший розовый сосок.

-Тише, дурачок, тише,- прерывисто дыша зашептала Ольга, -мама услышит.

Ее била нервная дрожь, но она все крепче и плотнее прижималась к Сашке, обволакивая его тело и сознание теплом и туманом.

-Пойдем,- осевшим вдруг голосом позвала она и потянула за руку в темноту.-Осторожно, тут дверь низкая.

В топленной накануне и уже высохшей бане Сашка наощупь отыскал широкий полоч, на доски которого разбросил, поданный ему еще в предбаннике полушубок.

-Ты где?

Он шагнул навстречу и ладони Ольги уперлись ему в грудь. Охваченный нежностью и необъяснимым восторгом он подхватил и понес ее легкое тело. Руки, ставшие вдруг чужими и неловкими, гладили и ласкали шелковистую кожу живота, прерывисто поднимающуюся грудь, едва прикасаясь скользили по изгибам бедра, словно хотели запомнить эти мгновения. Безграничная, всепоглощающая любовь к этой, ставшей вдруг такой дорогой, маленькой, юной женщине поглотила и растворила его целиком, без остатка.

-Ну, что ты, милый, ну, иди ко мне, - застонала Ольга и Сашка, охваченный огнем ее и своего желания, ставших одним целым, полетел, как в пропасть, в распахнув-

шуюся перед ним, раскаленную пустоту.

Прощаясь, они долго не могли оторваться друг от друга, и он все целовал и целовал ее припухшие, податливые губы.

-Все, милый, все!- шептала она.-Тебе пора, милый, мама может проснуться.

А он все никак не мог заставить себя шагнуть в открытую калитку.

Потом он проверил караул, а на обратном пути зашел покурить на огонек к еще не спавшему Витьке.

-Ну, и как?- хитро подмигнул ему Витька.

-Что, как?

-Да, брось ты, праведник! Сам знаешь что.

-Не знаю о чем ты,- затянувшись,отрезал Сашка.-Не о чем рассказывать.

-Ну, не хочешь, как хочешь,- обиделся Витька.

-Здравия желаю, товарищ лейтенант!- встретил его сияющий, как начищенный медный таз, Соловьев.-Ужинать будете?

В воздухе явственно присутствовал запах свежее выпитого самогона.

-Не буду. А ты, Соловьев, дуй-ка спать, пока я добрый. Ясно?

-Так точно!- слегка покачнулся сержант и, резво развернувшись, исчез за дверью.

«Черти что, скоро все от безделья сопьются,»- как-то безучастно подумал Сашка. Он не раздеваясь лег на кровать, закрыл глаза и перед ним начали мелькать, как кадры киноленты, все эпизоды и подробности этого бесконечного дня. Потом все пространство заполнили собой широко открытке, серые глаза Ольги и он начал проваливаться в них, не пугаясь этого падения, а наоборот испытывая необычные чувства от свободы полета. Волосы

Ольги щекотали ему лицо и он смеялся, подставляя свои губы навстречу ее поцелуям.

...Его разбудил телефонный звонок. Звонил дежурный по батальону, командир первой роты, Коля Кривякин.

-Здорово! Как дела, Сашок?

-Привет, Коля! А что в этой дыре может случиться?

-А у нас тут сегодня летний бал в Д.К., мужики перья начистили и улетели.

-Вам легче, цивилизация все же. У нас здесь тихо, как в гробу, никаких событий.

-Ну, и радуйся, солдат спит-служба идет! Ладно, бывай, мне комбату пора докладывать.

-Будь.

Сашка положил трубку. «Закончился день,»- счастливо подумал он, проваливаясь в сон. А ночью ему снова приснилась Ольга, бегущая навстречу по залитому солнцем цветущему лугу, в распахнувшемся на бегу, ситцевом сарафане.

декабрь 2001 г.

ЯШКА

Приближался Новый, тысяча девятьсот шестьдесят шестой год, а с ним и зимние каникулы. Накануне Стас заболел ангиной и тридцать первого декабря, вечером остался дома в полном одиночестве: родители ушли праздновать к приятелям, оставив ему бутылку сладкого вина «Рымникское», десяток любовно нажаренных мамой рябчиков и напутствие «не скучай!». Рябчиков на неделе добыл отец, облетая на «вертушке» таежные точки. Проклиная судьбу и не вовремя приобретенную ангину, Стас внутренне приготовился к скучному и долгому сидению у телевизора. И это, когда все остальные, более удачливые, уже усаживались за праздничные столы. Обидно!

часов в одиннадцать вечера раздался телефонный звонок. Звонил Вова Акулов, одноклассник и закадычный друг.

-Здорово, Стася? Ты что, умирать что ли собрался?!

- Привет, о наступающем! Так, ведь, ангина проклятая, чувствуешь, голос сел.

-Кончай, двести метров по улице пробежишься, свежим воздухом продышишься, только на пользу здоровью. Собирайся и быстро плыви ко мне, ребята из десятого «б» у меня собрались, посидим, потанцуем с девочками, нечего скорбеть. Глядишь, быстрее оклемаешься, положительные эмоции все-таки.

«А, хуже не будет,»- подумал Стас и начал собираться. Без четверти двенадцать надушенный, с непочатой бутылкой «Рымникского», завернутого в газету, он уже звонил в двери Вовкиной квартиры.

-Заходи, что-то не торопишься, уже по первой приняли за уходящий.

-А, чего это ты вдруг с молодежью—то гуляешь?—спросил Стас. Они с Вовкой учились в одиннадцатом классе: эксперимент начатый еще Хрущевым, и, хотя выпускались вместе о десятиклассниками, считали себя куда взрослее и уж, несомненно, более интеллектуальными. С последним можно было бы и поспорить, но мнение о себе любимых - тонкая штука.

-Наши организовали поход на турбазу, там решили отмечать, а у меня мать в больнице, не смог, остался. А тут, как раз, Витька из десятого “б”, сосед, напросился в гости со своей компанией, ну я и согласился, чего скучать. Ребята, конечно, молодые, но веселые, а для тебя я тут подарочек припас.

И он потащил Стаса через полумрак комнаты к дивану, где скучая одиноко сидела Наташка Помпухина из параллельного одиннадцатого «а».

-Ба, Натаха, а ты здесь какими судьбами?

-Да, видимо, теми же ветрами занесло, что и тебя.

-Я то заболел, а ты, гляжу, цветешь, смотреть приятно.

-Спасибо, в кои-то веки Стас-Великолепный обратил на нас грешных свое драгоценное внимание.

-Хорош господа языки чесать,- подошел к ним Вовка, -у вас вся ночь впереди, поберегите свое красноречие. К столу, дорогие гости, к столу. Уж полночь близится, а Ленского все нет,- пропел он.- Витя, открывай шампанское, сейчас куранты начнут бить. С Новым Годом, ребята, с новым счастьем!

Потом Стас танцевал с Наташкой танго, плотно обхватив рукой ее талию, и она заразительно смеялась каждой его глупой шутке. Остальные девочки как-то стеснялись его, предпочитая своих ухажеров, да и еще бы:

чемпион города, известный зубоскал, рубаха парень, было чего опасаться. Вечер прошел, как положено: компания, разогретая шампанским и портвейном, разгулялась, застенчивость потихоньку исчезла, стало приятно, весело и уютно. В три часа ночи, когда веселье начало угасать, Стас пошел провожать Наташку, благо жила она в соседнем доме и нанести ущерб своему драгоценному здоровью он никак не смог бы, даже если бы захотел.

-Приходи ко мне третьего,- пригласила его Наталья, когда они прощались в подъезде,-все равно каникулы, да и ребята к тем порам вернутся о турбазы.

-А, мы пятого в Саратов улетаем на первенство России, по идее порежимить надо бы... Э, да ладно, а кто будет?

-Коля придет Солодовников, Володя, еще кое-кто. Так что часов в восемь прошу соблагоизволить навестить наше скромное жилище.

-Придется навестить,- и Стас предпринял попытку об-

пять ее, но она ловко увернулась и смеясь исчезла за дверью. В приподнятом настроении Стас направился домой, где вскоре безмятежно уснул, а утром проснулся здоровым и бодрым. Ангина исчезла бесследно.

Вечером третьего он уже шпарил анекдоты и распевал под гитару песня всех известных ему бардов в уютной Наташкиной квартире на третьем этаже в окружении знакомых и малознакомых гостей. В знакомых числился Коля Солодовников, мастер спорта по стендовое стрельбе, закончивший в прошлом году их же школу и учившийся в настоящее время в железнодорожном институте. Колька состоял в тайнах Наташкиных вздыхателей. Это было заметно невооруженным взглядом, уже по тому, как он преданно смотрел на нее с момента своего появления. Рядом сидел Володя Акулов со своей неразлучной пассией Ленкой. Малознакомыми были только две девочки из девятого класса: одна черненькая, другая беленькая, которых, как понял Стас Наталья пригласила для своего брата, и его друга. «Видно нам с Колькой мудрая Наталья уготовила роли друзей-соперников,- хмыкнул про себя Стас,-запасливая дама и, что характерно, не дура». Наталья не решила для себя окончательно на ком остановить свой выбор и поэтому всегда имела около себя определенный запас поклонников. Колька занимал в этом ряду не последнее место: во-первых, он уже определился в жизни, учился на инженера; во-вторых, карьера его была обеспечена генеральскими погонями папаши, начхима армии, и бронебойным характером мамыши, бессменного председателя женсовета гарнизона. Что касается Стаса, то его статус слабо тянул на лидерство: ну что из того, что талантлив, стихи пишет, рисует? В той взрослой жизни, к которой готовилась Наталья, все эти способности мало что стоили чего. «Да,- снова подумал Стас,- умная у Наташки головка. Ну, да -ладно,

мы тоже не лыком шиты, дуэли не будет.» И он, оглядев-шись и отбросив последние сомнения, бросился в атаку на маленькую, темноволосую, с огромными, карими глазами Наташку Яковлеву, больше известную в определенных школьных кругах по прозвищу Яшка. Стас был в ударе и уже через полчаса они с Яшкой яростно и само-забвенно целовались на кухне, не обращая внимания на шутки и реплики, доносившиеся до них из комнаты, то и дело сопровождавшиеся взрывами хохота веселой ком-пании. Наталья поняла, что на Стаса рассчитывать нече-го и направила свои чары на вконец ошалевшего от вне-запно свалившегося на него счастья Кольку.

Пятого Стас улетел с командой в Саратов и другие дела и события окончательно вытеснили из памяти пере-питии всех этих новогодних приключений.

они столкнулись с Яшкой нос к носу на танцах в гар-низонном Доме офицеров. Стас почувствовал ее смуще-ние от неожиданной встречи и это его странно взволно-вало.

-Привет, как слетали?!

-Нормально, третье место.

-А, что же не первое?

-Не доросли, видно. Но, вообще-то, из двадцати ко-манд не так и плохо. Ну, а какие на родине дела? Как Рождество?

Яшка внимательно посмотрела на Стаса своими тем-ными, с мерцающими в глубине искорками глазами и про-молчала. И он понял, что не хочет уходить от этой изящ-ной, с густым румянцем на щеках и почти черными за-витками волос у висков девчушки.

-Пойдем, потанцуем, - пригласил он.

-Пойдем,- просто ответила она и положила ладони ему на плечи.

Позже были другие вечера, долгие ночные расстава-

ния, бесконечные поцелуи и разговоры о будущем. Они были молоды и прекрасны в своих чувствах, нормальных и понятных в их возрасте. Их отношения не остались незамеченными.

-Ишь, любовь развели!- выговаривала ему после занятий классыня, которую все побаивались: муж: заместитель командующего и, при случае, обратная связь между школой и семьей осуществлялась через непосредственных подчиненных - отцов. За глаза все называли ее Рыжей. Она действительно была огненно рыжей, да к тому же любила все оттенки этого цвета. Как правило, и туфли, и платье, и пальто на ней били красными, в крайнем случае бордовыми.

-Не пара она тебе,- продолжала Рыжая.- У тебя впереди институт, сколько еще времени утечет. А она что, только хвостом вертеть может, сам что, не понимаешь. Подумай головой-то.

Не останавливаясь на достигнутом, она переговорила с матерью, та сообщила отцу, на что тот философски подытожил: "Не влезай – убьет!"

-Что ты к парню пристаешь, не маленький уже, восемнадцать. Сам разберется, не дурак, поди,- урезонил он мать и тема была исчерпана.

Почти два года, уже учась в институте, Стас каждое утро, какая бы не стояла погода, встречал Яшку у подъезда и провожал до школы. Друзья и знакомые в глаза и за глаза подсмеивались над ним. Он не обращал внимания, и все насмешки постепенно сошли на нет, как любые, набившие оскомину сплетни. Правда и встречались они теперь реже: учеба и тренировки отнимали массу времени. На втором курсе, после летних каникул он начал замечать, что его присутствие у них в доме частенько начало угнетать ее. Все реже ее можно было застать на месте. Она становилась скучной, когда Стас рассказывал об институтской жизни, часто отказывалась идти в кино, или

на танцы, сославшись на головную боль. И он топал ночью в общагу, где жил после отъезда родителей, через весь город обиженный, но с надеждой, что все со временем поправится.

Наступил канун нового тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Настроение у Стаса было аховое: второй день он не мог поймать Наташку по телефону, чтобы решить, где отмечать праздник. Мать ее, ссылаясь на неурочные дежурства ничего не могла ему пояснить, даже если бы и хотела.

- Дура она, Станислав, - посетовала мать, - брось ты ее. У нее одни офицеры в голове, а ты парень с умом, скоро инженером станешь, на что она тебе?

Тридцать первого ближе к вечеру он позвонил из автомата еще раз.

- Алло, я вас слушаю, - раздался из трубки знакомый голос.

- Наташа, здравствуй, это я? Ты где пропала?

- Почему это ты решил, что я пропадала, - после короткого молчания ответила Яшка, - Никуда я не пропала, что ты меня все контролируешь?

- Да, не контролирую я тебя, с чего ты взяла. Просто не мог разыскать тебя почти три дня. Волнуюсь, где будем Новый Год встречать?

Наташка молчала.

- Ты, что, еще не решила где? - снова переспросил Стас. - Тогда давай у нас в общежитии, ребята классную программу подготовили, да и стол будет, как у людей. Ну, так как?

- Я, Стас, не пойду, меня в другое место пригласили. И ты не звони больше: мама расстраивается. - и пока Стас стоял оглушенный, не зная что ответить, добавила. - Извини, но лучше нам больше не встречаться. Пронзительные, короткие гудки в трубке оборвали разговор, но Стас еще долго стоял и слушал их, глядя сквозь замызанное

стекло на мелькающие мимо силуэты прохожих и падающий в свете фонарей густой, пушистый снег.

Уже на четвертом курсе он встретил Яшку на квартире у одной старой знакомой, где они иногда собирались компанией поболтать о жизни, попить хорошего вина, потанцевать и, вообще, пообщаться. Яшка пришла не одна. Парень учился в их же институте, правда курсом ниже, но Стас частенько видел его в спортзале. Сердце уже не екало при ее появлении, все перегорело. Они спокойно поздоровались, ничем не показав, что были знакомы.

-Присаживайтесь! - хозяйка квартиры Вера поставила на стол чистые рюмки и тарелки.

-О чем беседуем?- спросила Яшка.

-О жизни,- ответила Татьяна, приятельница Стаса. Она знала о их прошлом и потому Яшку не жаловала.

-Обширная тема и многообразная, особенно для креатинов,- весело пояснил Стас и налил в рюмки. -Поэтому, предлагаю не углубляться, давайте лучше выпьем и предадимся разврату. Шучу, шучу, девочки, не убивайте!

Проводив Татьяну, Стас возвращался к себе в берлогу, вполне прилично оборудованную в сарайчике возле дома, и в которой он обычно ночевал, когда не успевал на последний автобус. У подъезда, на лавочке сидела Яшка. Ее ухажер уехал раньше и она, проводив его, видимо, кого-то дожидалась.

-Все разошлись?- спросил Стас.

-Все.

-Ну, и ладненько, спать пора,- и он направился в сторону сараев.

-Стас,- вдруг позвала его Яшка,- а ты не хочешь спросить, как я живу? Она поднялась с лавочки и подошла нему.

-Да, ты знаешь, как-то не интересно.

-А, ты спроси, может что-то интересное обнаружишь,- она подошла ближе и положила руки ему на плечи. -Спроси, или боишься?

-Чего ради пугаться-то,- ответил Стас, чувствуя что она все плотнее прижимается к нему. - Не твоего же мальчика, слава Богу, здоровьем не обижены, не столкнут.

-Тогда поцелуй меня,- она потянулась губами к его губам. Неожиданно для себя Стас ответил на ее поцелуй. Голова закружилась, в горле пересохло. Все забытое и вычеркнутое из памяти нахлынуло на него горячей волной нежности. Он подхватил ее невесомое тело на руки и понес в темноту, толком не соображая, что делает.

-Не сломай ребра, чемпион,- шептала ему Яшка, но он уже ничего не слышал.

Два года спустя он приехал в Хабаровск на несколько дней из Сибири, где служил уже больше года. Причина была более, чем уважительная: наконец-то женился Вовка Акулов. Женился, как выяснилось, не на своей Леночке, а на другой, из Владивостока, где Вовка учился в военно-морском училище, и которое с успехом закончил. Вот уже точно - фамилия определила жизнь. Как его не отговаривали родители, да и друзья, Вовка стал военным моряком, о чем мечтал с детства. На свадьбу подъехали еще кое-кто из старых друзей и собрались все, кто волею судеб остался жить в родном городе. Невеста была под стать Вовке: высокая, полногрудая, пышноволосяя. Вовкина мамаша прямо сияла, лицезрея своего любимого сына в белом парадном кителе и с кортиком на боку.

На второй день гуляли у Вовки дома.

-Стас, иди сюда, гляди кто пришел!- завопил из прихожей Вовка. На пороге с букетом цветов в руках, одетая в яркое летнее платье и туфли на высоком каблуке, стояла смущенная Яшка.

-Здравствуй Стас!

-Здравствуй, Наташа. Проходи, садись рядом. Ну, как ты?

-Нормально.

-Замужем?

-Дочке почти год. Машей назвали.

-Муж служит, конечно?

-Летчик, старший лейтенант. Вот недавно квартиру получили. А ты сейчас где?

-Забрали на два года, на севере Тюмени, вообще-то нормально, не хуже других.

-Так с Татьяной и живете?

-Разошлись, как с полгода, ну, это уже не интересно.

В подъезде, под лестницей, когда он провожал ее, она плакала у него на груди, и все просила ее простить, хотя он так и не понял за что. Она все вспоминала и вспоминала, то что связывало их когда-то, и хотя эти образы уже потускнели в памяти и потеряли свою привлекательность, он согласно кивал головой, то и дело смахивая губами слезы с ее щек. Они договорились встретиться на следующий день, но он закрутившись с друзьями не пошел на это свидание, не почувствовав никаких угрызений совести.

Много лет спустя, вспоминая все эти события, он испытывал не то что бы горечь, а какую-то странную неловкость, так и не излеченную временем.

31 декабря 2001 г.

СВАДЬБА

Витька решал жениться. С Ленкой они хороводились почти два года, еще с армейских времен. Почти ежедневно, если не было второй смены, он гостевал в их уютном, хлебосольном доме и Ленкина мать потчевала его по вечерам домашними разносолами. Ее пирожки с капустой ошеломляли своим неповторимым вкусом и запахом, будили воспоминания о счастливых днях детства, особенно после столовой передвижной механизированной колонны, где он обычно обедал. Отношения между Витькой и Ленкиными родителями были вполне доброжелательными и доверительными. Мать любила поговорить за ужином о семейных проблемах, о видах на урожай огурцов и помидор, а отец всегда был не прочь сыграть партию, другую в шахматы, нередко под рюмочку. Они уже свыклись с мыслью, что не сегодня, так завтра Витька станет одним из членов их дружной семьи, и относились к нему, как к сыну, а он с удовольствием приходил в этот дом, напоминавший ему свой собственный. Когда из Ханты-Мансийска прилетал старший брат Лены Юрий, работающий там борт-техником на АН-2, в доме воцарялся праздник. Ольга Анатольевна доставала домашнее вино из черной смородины, а отец, хотя с этим делом в поселке была напряженка, выставлял на стол «Столичную». Вся семья лепила пельмени. И начинался пир. Все это, увиденное и прочувствованное, повергало Витьку в священный трепет и наводило на раздумья о бренности и быстротечности жизни одинокого мужчины, не вкусившего всех ее радостей.

К свадьбе готовились быстро и решительно. Во-первых, сообщили родителям невесты, на что тотчас получили благословение. Столь длительный срок ухаживаний сам собой предполагал самые серьезные намерения. Про-

шляя Витькина жизнь осталась позади, о чем свидетельствовал штамп о разводе в соответствующей графе паспорта, и причин, препятствующих принятому решению, фактически не существовало. Ленку он любил давно, она его тоже. Так, что: вперед, господа! Своих Витька решил лишний раз не беспокоить: что зря волновать, сообщим позже, перед отпуском, объяснил он Ленке. Зачем травмировать психику родителей, так до конца и не простивших ему развода, и в который раз выслушивать длинные и неприятные нравоучения. А на немой вопрос тещи ответил: мать больна, что, в общем-то, соответствовало действительности, и отец не может оставить ее одну. Во вторых, купили кольца и в рекордные сроки сшили подвенечное платье в местном комбинате бытового обслуживания: еще бы, отец суженой был все-таки заведующим орготдела райкома партии. Заказать ресторан на нужный день - плевое дело.

День свадьбы выдался теплым и солнечным, какими только и бывают дни в самый разгар бабьего лета. В воздухе летали паутины, небо светилось ясной лазурью и весь мир, как бы покоился в приятной истоме. В ЗАГС договорились ехать на «жигулях» второго секретаря райкома Ушакова Павла Егоровича, которого Ленка называла просто дядей Пашей. Много лет они с ее отцом работали в этих краях вместе и дядя Паша нянчил и баловал ее с самого рождения. Надо сказать, что «жигули» эти были в поселке единственным легковым автомобилем, если не считать, конечно, «уазиков» директоров и начальников разного калибра, да еще «Волги» первого секретаря. Но, вот, ЛИЧНЫЕ «жигули» лилового цвета присутствовали именно в единственном экземпляре. Свидетелями со стороны жениха Витька пригласил своего старого армейского друга Сашку Ворошина и соседа по комнате в общежитии, длинного и худого прораба третьего участка,

Валеру Подолинского, которого все за глаза, да и в глаза тоже, звали Феликсом. Прозвище это не только пристало к нему намертво, но и в чем-то соответствовало действительному положению дел. Валерка носил бородку клинышком, длинное, до пят, кожаное пальто, доставшееся в наследство от отца, служившего в Монголии, и с первого взгляда поразительно походил на товарища Дзержинского...

Сашка подошел к дому невесты пешком: он жил неподалеку, а их с Валеркой подбросил самосвал Советского СМУ, который они поймали на дороге у общаги.

-Как настроение, женишок?- протянул руку Сашка.

-Цветем и пахнем,- в тон ему ответил Витька.

-Что пахнешь - это точно. Небось, флакон на себя целиком вылил?

-Не, половину внутрь принял.

-Теперь неделю будешь благоухать. А, что без галстука?

-В кармане, завязать некому было.

-Давай, замотаю, а то как-то не солидно.

-Привет, Сань!- поздоровался Валерка. Как дела?

-Слава Богу, а вы как?

-Да не выперли еще, значит дышим. Жарковато сегодня.

-Бабье лето, бабье лето! -пропел Сашка. -Хуже, если бы пришлось грязь месить. А так, самая погода для мероприятия.

-Ты пальто, скинь, остынешь,- посоветовал Витька, но Валерка только недовольно повел шеей.

-Прибыли?- скорее констатировал, чем спросил, выскочивший из дома Юрка. -Пошли, что ли?

-Мы покурим лучше, пока суть да дело,- достал сигареты Валерка, -через пятнадцать минут ехать, чего зря пол топтать.

-Ладно, ждите,- и. Юрка опять скрылся в подъезде.

-Мужики, у меня тут кое что есть,- хитро улыбаясь Сашка достал из заднего кармана свою знаменитую охотничью фляжку.-Давайте для смелости грамм по двадцать?

-Неудобно, как-то!

-Неудобно штаны через голову надевать? Давай, не кочевряжся, сразу мандраж пройдет.

-А, и правда, Витек! Жениться дело долгое и хлопотное, когда еще за стол.

-Тебе бы все хавать, только не в коня корм.

-Зато тебя пузом Бог не обидел.

-Кончайте, мужики, свадьба все-таки.

-На, держи.

-Не унюхали бы, а то нехорошо получится.

-Брось ты, у меня жвачка есть.

-Хрен с вами, будьте!

Появившаяся из дверей невеста была ослепительна, как и всякая женщина в день своей свадьбы. Обалдевший Витька шагнул к ней навстречу, не узнавая в этой улыбающейся красавице под белоснежной фатой своей Ленки.

-Красивая пара,-сказал Сашка.

Они и правда подходили друг другу. Она, вся такая тонкая и воздушная, едва доходившая Витьке до плеча, дышала восторженной юностью и тем, неизрасходованным женским естеством, которое при случайной встрече невольно заставляет еще раз оглянуться во след. Он, широкоплечий и сильный, своим видом дополняли оттенял ее прелесть. Все расселись по машинам, и кортеж «уазиков», возглавляемый «жигулями», тронулся к ЗАГСу. Заведующая. ЗАГСа, Евгения Васильевна, та же, что и разводила Витьку, прочитала положенный текст, они вместе со свидетелями поставили свои подписи в книгу регистрации и обменялись кольцами. «Горь-

ко!»)- радостно загалдели приглашенные. Раздались выстрелы шампанского и Витька снова стал женатым человеком.

Столы в поселковом ресторане «Тайга» были расставлены буквой «П», на короткой перекладине которой сидели жених с невестой и свидетели. «А, почему, собственно, жених с невестой,- почему-то пришло Витьке на ум,- уже, вроде, расписали?» Гости и родственники расположились слева и справа. Зазвучали первые тосты, посыпались поздравления и крики «горько!»

-Ты, что, уснул?- ткнул локтем в бок Сашка, сидевший рядом. -Танец жениха и невесты!

Витька вывел Ленку на середину зала, оркестр заиграл вальс и они закружились вдоль столов, стараясь не сбиться с такта и не оконфузиться перед многочисленными гостями. Но все окончилось благополучно и слегка разгоряченные они вернулись на свои места. Зал шумел, как морокой прибой: то громче, то глуше, и в этом, все нарастающем шторме порой невозможно было слышать и понять соседа.

-Слышь, Вить! Кончай хлебать это пойло.- Сашка решительно заменил Витькин фужер с шампанским.- Что мы, не офицеры, что ли? Пусть девочки пьют эту газировку, а мы за твою новую жизнь выпьем, что покрепче. Давай, Валера!

-За жениха и невесту!- произнес тост поднявшийся Валерка.- Все пьют до дна!

Витька поднялся, не поморщившись выпил фужер водки, под «горько!» расцеловал Ленку и повеселел. Весь этот бесконечно длинный, суматошный день ему порядком надоел. «Жить стало легче, жить стало веселей,»- мелькнуло в голове.

-Мужики, пошли, перекурим?

-Лен, я с ребятами выйду?

-Конечно, иди! Только долго не задерживайтесь, а то гости не поймут. Они вышли под звездное небо, уселись на лавочку в сквере напротив и закурили. Воздух посвежел, пахло опавшей листвой.

-Вот и кончилась твоя холостяцкая жизнь,- глубоко-мысленно протянул Валерка. -Теперь пойдут пеленки, распашонки.

-Много ты понимаешь!- Сашка снова извлек свою знаменитую фляжку. -Я уже скоро, как три года женат, и ничего, не помер.

-Это точно, даже в весе прибавил.

-А тебе завидно? Давайте, за все хорошее, и счастья вам с Еленой.

-Ух, ты, крепка советская власть!

-А, ты как думал, я туда рому долил.

-Пошли, мужики, невеста, поди, волнуется.

Они вернулись за стол.

-Леночка, можно Вас пригласить? -подскочил Ленкин одноклассник, а ныне студент, Колька Иванов.

-Ты, что, невежда, не знаешь у кого разрешения спрашивать? -зарычал было Сашка, но Витька благодушно кивнул.

-Я пойду?- Ленка поцеловала Витьку в щеку и смешалась с толпой танцующих и галдящих людей.

-Ну, что, ребята, за прошлую холостую жизнь? Пусть земля ей будет пухом!- Валерка поднял бокал.

-Мне уже лишка будет,- сказал Витька.

-Брось, помнишь на трассе как веселились. Бутылка - до танцев, бутылка - перед преферансом.

-Молодые были, борзые.

-Когда это ты состариться успел? Глянь, какой еще сокол!

-Вы, что тут, в одиночку глушите?- подошел Юрка.

-Не в одиночку, а в тесном, дружеском кругу. Присоединяйся.

-Тогда, за счастье молодых!

-Ура!!!

В это время в зале возник шум. Раздался громкий возглас: «Невесту украли!» Сашка поднялся, потирая руки.

-Валера, вперед, невесту спасать!

Они рванули вдвоем к выходу. Витька поднялся и, не понимая толком что делать, тоже двинулся в затемненный зал.

-Готовь выкуп, жених,- смеясь остановил его Юрка. - Деньги-то хоть есть?

-Да, есть.

-Ну, тогда не мельтеши, парни сами отобьют любимую твою.

Действительно, минут через десять Сашка с Валерой привели, отбиваясь по дороге от толпы Ленкиных одноклассников, раскрасневшуюся, в слегка помятой фате невесту.

-Держи жену!

-А выкуп?- загалдела молодежь.

-Фиг вам! -Сашка был непреклонен. -Крепче держать надо было. А, вот, если муж угостит, это пожалуйста!

Зазвенели рюмки и бокалы, раздались хлопки пробок. Все: и похитители, и спасатели выпили за благополучное возвращение новобрачной в лоно семьи, и вечер, шумный и веселый, покатился своим чередом с плясками, песнями и громогласными тостами.

Часов в десять вечера Витька почувствовал себя не очень. Выпитая водка, мелькающие перед глазами силуэты и оглушительно гремящая музыка изрядно утомили его. В какой-то момент он почувствовал себя обиженным и лишним на этом празднике жизни.

-Валер, а, Валер, который час?

Валерка долго разглядывал светящийся циферблат своих «Командирских», то приближая их к свету, то уводя в тень, пока, наконец, не изрек:

-Десять сорок.

-Слышь, Валер, а не пора ли нам бай-бай? Пока еще до общаги дотопаем?

-Я, Вить, думаю - пора!- подумав, согласился Валерка. -Давай, на посошок, и тронулись.

Витька очнулся от тряски, голова его моталась из стороны в сторону, и, казалось, что-то в ней булькало.

-Просыпайся, гад ползучий!- вывел его из состояния невесомости Юркин голос. -Морду бы тебе набить, скотине!

-Ты, что, ошалел?- Витька сквозь туман, клубящийся в голове, пытался понять происходящее. -А, где это мы?

-В раю, мать твою! Поднимайся, хрен собачий!

-Ты что ругаешься?- все еще не пришел в себя Витька.

-Тащи его ребята в умывальник, а так все без пользы!

Струя ледяной воды из-под крана, пущенная ему на голову, окончательно привела Витку в сознание.

-Пусти! Ты, что гад?!- он вывернулся из Юркиных рук.

-На полотенце, утрись! И в темпе - машина ждет.

Через двадцать минут умытый и причесанный, в свежей белой рубашке Витька вновь восседал во главе стола, но на этот раз справа от него сидел Юрка, и на все просьбы жениха насчет «опохмелиться» показывал ему из-под стола кулак, подливая в фужер минералку. Невеста, так ничего до конца и не понявшая, нежно прижалась к Витке, держа его за руку.

-Любимый, не пей столько, тебе плохо будет.

Еще не отошедший до конца Витька не сводил с нее восторженных глаз, все сильнее ощущая, как она ему дорога. Теплая волна нежности захлестнула все его существо, и только теперь он с ужасом осознал, что произошло.

-Ладно, держи,- Юрка поставил перед ним рюмку.

-Горько! -орали гости.

Свадьба набирала обороты. Все были счастливы.

28 января 2002 г.

ЗАТМЕНИЕ

-Перекур десять минут,- скомандывал Славка и бойцы, облепившие опоры номер два, весело загомонили, прикуривая от шикарной пистолета-зажигалки, приобретенной этим днем здесь же у зеков, работающих под мостом на сплаве леса.

-Зажги папироску, Эдик,- Славке надоело каждый раз спускаться с опоры вниз и полоскать в бензине замасленные солидолом руки. Лейтенант Эльгердас Лошакс, латыш по национальности, которого для простоты все звали Эдиком, сунул дымящуюся беломорину Славке в зубы. Взвод производил работы по разгонке пролета строящегося железнодорожного моста через речку с красивым и непонятным названием Лозьва. Река была спокойной, с покрытыми густым лесом берегами и глубокими омутами, в которых ловились вполне приличные, налимы. Старожилы говорили, хотя в это с трудом верилось, что лет двадцать назад здесь водилась нельма и даже попадалась стерлядь. За эти двадцать лет реку изрядно загадили: почти на каждом плесе из воды торчали почерневшие стволы топляков, результат бестолкового молевого сплава. Справа и слева от моста расположились биржи номер один и два, рабочие зоны Ивдельлага. Результатом их бурной деятельности по заготовке и переработке леса для нужд огромной страны были многочисленные ежобразные завалы стволов на перекатах. Разгонка пролетов - работа тонкая, требующая специальной технической подготовки и невероятного терпения. А его как раз и не хватало. Семидесятиметровый пролет нужно было растянуть на опорных частях с точностью до миллиметров, чтобы при проходе состава горизонтальные усилия не скололи бетонные оголовки. По этой простой причине почти с самого утра бойцы качали рычаги восьмидесятитонных гидравлических домкратов, то поднимая, то

опуская пролет, одновременно, производя растяжку конструкции специальными струбцинами. Сделав очередной замер, Славка коротко матерился, плевал под ноги и все начиналось скачала. «Непруха, она и есть непруха,- мрачно думал Славна,- вчера за три часа управились, а сегодня – фиг вам». Работу закончили затемно, так и не добившись желаемых результатов.

-Ну, что Слав?- спросил Эдик.

-Не сводится ни хрена, миллиметра два больше нормы. Да, черт с ним, завтра закончим, темно уже. Иванов!- окликнул Славка сержанта. -Собирайте людей и поезжайте, мы с лейтенантом пешком пройдемся.

-На-ка, возьми мыло, а то бензином от тебя за версту разит.

-Выветрится, пока топаем,- ответил Славка, однако спустился к реке и долго тер руки песком и мылом.

До поселка было километра два по шпалам вдоль колючей проволоки зон и корпусов нестерпимо воняющего гидролизного завода. Они неторопливо шли по протоптанной вдоль железнодорожного полотна, хорошо заметной даже в темноте тропинке, покуривая на ходу и болтая ни о чем.

-Мужики, поди, уже в «Лозье» заседают, черти.

-Ничего, успеем, всего-то восемь.

«Лозьва» - ресторан, если можно так назвать это заведение, в небольшом, тысяч на пять жителей, населенном пункте Першино, на краю Свердловской области. Поселок возник еще в тридцатые годы рядом с многочисленными зонами Ивдельлага: где-то должны были жить служивые из НКВД и их семьи. Позже поселок разросся за счет «химиков», освобожденных, для которых после выхода на волю определялось место поселения. Так что для части населения это был тот же лагерь, правда без колючей проволоки и вертухаев на вышках, но поки-

дать который без особого на то разрешения они не имели права. В начале пятидесятых построили гидролизный завод для переработки многолетних терриконов опила, где в основном и работали местные аборигены. Когда на заводе начиналась очистка перегонных колонн, то от заводского забора к поселку и назад, как тараканье войско, мельтешило озабоченное население с разнообразной по объему и виду тарой. Видимо, по этому спирт в поселке водился в избытке, хотя нередко пах скипидаром, муравьиной кислотой, или еще какой-нибудь гадостью. По России таких поселков в глухомани –каждый третий. Так, вот, о «Лозье». Зимой, например, туда можно было зайти в валенках и почерневшем от дыма костров полушубке, не снимая последнего, и, заказав двести грамм «Перцовки» с кружкой пива, отдохнуть часа два-три, отрешившись за столиком от суеты жизни. Правда, шапки господ офицеры, надо сказать, снимали всегда, в отличие от местных.

В половине девятого друзья открыли дверь и вошли в заполненный негромким гомоном и густым табачным дымом зал.

-А, инженеры пожаловали!- приветствовал их, сидящий за столиком в окружении каких-то мятых личностей, командир роты мехбата старший лейтенант Огнев.- Присаживайтесь, мужики, составьте компанию.

-Спасибо, Шура, но нам уже заказано,-Славка заметил одиноко сидящего за столиком в углу Юрку Гомянина, командира второго взвода.

-Было бы предложено, а то давайте.

-В другой раз, Шура, нас Юрка ждет.

Славке совсем не улыбалось провести вечер в компании местных бомжей и он, кивнув Эдику, решительно двинулся к Юркиному столику, по пути захватив стул, так как возле Юрки значился только один.

-Здорово, Юра, что один скучаешь?

-Так, мужиков замполит в батальоне мурыжит: какие-то занятия, не то лекцию придумал. А я с дежурства освободился и смылся потихоньку. Согласно устава имею право на отдых.

-Бутылочку водки, два пива и бифштексы,- заказал подошедшей официантке Эдик.-И пачку «Беломора», пожалуйста.

-Наливай, я сейчас,- и Славка скрылся за ширмой, отделяющий зал от кухни. -Мариночка, золото,- донесся его голос,- люди умирают от голода, давай я тебе помогу.

Через пару минут он появился с подносом на котором возвышались две кружки с пивом, бутылка водки и, почему-то, только одна тарелка с селедкой, густо заваленной кольцами лука.

-Бифштексы попозже, готовят пока. Ну, что, приступим? Они чокнулись, выпили, закусив принесенной селедкой, оказавшейся на удивление малосолой и вкусной, и закурили.

-Давно тут сидишь?

-Да, часа два, пожалуй.

-А мы прямо с моста сюда завалили. Слышь, Эдик, правильно я тебе сказал: пошли пешком, а то бы сейчас на лекции парились.

-Это точно. У нашего замполита сроду мозгов не хватало. Люди целый день пластаются на работе, комаров кормят, а вместо культурного отдыха, нате вам, слушайте разных полудурков.

-Мариночка, а что это у вас сегодня так безлюдно, пол зала пустых? Мор напал, или землетрясение случилось?

-Милиция, тут часов в семь шмон наводила, «химиков» повычистила. И правильно: воздух чище. Нажрались, устроили потасовку, помойшники сраные. Да, ты не волнуйся, Славик, часам к десяти, как магазины зак-

роют, народу будет, пушкой не прошибешь.

-Марина, попроси Леху, пусть музыку включит, а то надоела эта пьяная хреновина,- Эдик кивнул головой в сторону стола Огнева, где разговор уже переходил на повышенные тона.-Это кто там со старлеем пристроился, может помочь очистить помещение?

-С обеда жорики квасят. Сейчас я их сама шугну, а то они человеческого языка не понимают.

-Старлея не тронь, наш человек. Юрка, ты куда собрался?

-Устал я что-то, ребята, потопаю потихоньку спать. Ночью начштаба две проверки устроил: комиссия какая-то из бригады прибыла. Только в сушилке покемарить пристроюсь, начальник караула бежит: тревога. Так всю ночь и прошарахался.

-Шуру Огнева прихвати, а то не дойдет до части, бедадолага.

-Ладно, доставим честь по чести. Отдыхайте.

-А, что это он сегодня так набрался?

-Так, у него день рожденья, вот и празднует.

-Пойти, поздравить что ли?

-Не стоит, придется потом на себе тащить, завтра поздравите. Юрка поднялся и пошел к выходу, прихватив по дороге пьяненького старлея, который тут же полез к нему целоваться.

-Пошли, пошли, Шура, петушок пропел давно. Ну, давай дорогой, шагай потверже, и раз, и раз,- они скрылись за захлопнувшейся дверью.

-Давай, что ли, по маленькой,- предложил Славка. Леха, включи что-нибудь приятное, будь другом.

Потом они заказали еще, и долго сидели молча, слушая задушевную Анну Герман. Покой и умиротворенность навевали эти грустные, неторопливые мелодии. Славка закрыл глаза и задремал...

Первое, что он увидел, открыв глаза, были две строй-

ные женские ножки с приятными коленками под столиком напротив. Ножки были обуты в белые босоножки на каблучках-шпильках. Хмыкнув про себя, Славка проснулся окончательно и поднял взгляд. Симпатичная, белокурая мордашка с широко открытыми, выразительными глазами дополняла впечатление от только что увиденного. Глаза эти внимательно смотрели на Славку. «Красивая девочка»,-подумал он и перевел взгляд на сидящего рядом приятеля.

-Что, обратил внимание, поручик,- голос Эдика окончательно вывел Славку из состояния прострации.

-Однако!- только и произнес Славка.

-На, держи,- Эдик протянул наполненную рюмку.- Взбодрись, а то я вижу тебя труды праведные вконец измотали.

-Слышь, Лошакс, а не пора ли нам в атаку?

-Давай, давай, Кирк Дуглас, работай!

-Я пошел.

Славка залпом проглотил водку, поднялся и пошел к соседнему столику.

-Сударыня, добрый вечер! Почему такая необыкновенная девушка одна и скучает? Может быть составите компанию двум одиноким холостякам? Разрешите вас пригласить к нашему шалашу?

-Я не одна, у меня сейчас подруга должна подойти.

-Подруга - это прекрасно! В таком случае приглашаем вас с подругой.

-Как-то неудобно, мальчики. Да, и потом Катя может не согласиться.

-Катю я беру на себя. И потом, чего здесь неудобного: посидим, поговорим о погоде. Сударыня, не откажите украсить собой серое мужское общество,- и Славка за локоток повел слабо сопротивляющуюся девушку к своему столику.

-Разрешите представить, это - Эдик.

-Наташа,- назвала себя девушка, присаживаясь на услужливо подставленный Эдиком стул.

. -Ну, а я - Вячеслав Константинович,- отрекомендовался Славка.- Человек, прямо надо сказать, положительный и многогранно талантливый. Наташа вопросительно посмотрела на Эдика.

-Слава у нас вундеркинд: и поет, и пишет, и пляшет.

-Господа, а не пора ли нам отметить счастливый случай нашего знакомства? Эдик, подай даме бокал!

-Катя, Катя я здесь!- Наташа помахала рукой вошедшей в дверь ресторана женщине.

-Эдуард, пригласи даму к нашему столу!

Когда Эдик подвел женщину к столику, Славка чуть не поперхнулся. Даме было под сорок, и для их почти младенческих двадцати пяти это было, как бы помягче выразиться, многовато. Кроме всего прочего, прошедшая и, по-видимому, бурно прожитая жизнь оставила неизгладимые следы на ее лице. Физиономия Эдика ярко выражала всю гамму чувств, нахлынувших на него. Надо было спасать положение.

-Мариша, пожалуйста приборы для дам и закуску. И принеси еще бутылочку винца. Что будем кушать сударыни?

-Я ничего не хочу,- сказала Наташа и вопросительно посмотрела на подругу.

-Так не годится, кто же пьет без закуски? Мариша, два заливных.

Официантка поджала губы, странно усмехнулась, но ничего не сказав, пошла выполнять заказ. К двенадцати, изрядно повеселев, они вызвались проводить друг друга до дома. Идти пришлось недалеко, до первой пятиэтажки, в которой разместилось общежитие «химиков».

-Зайдете, мальчики?- пригласила их Катя. -Посидим, Слава на гитаре поиграет. У нас спирт есть. Славка посмотрел на Наташу.

-Правда, мальчики, пошли,- и она взяла Славку под руку.

-Обязательно зайдём!- выдал на-гора опирающийся на Катерину Эдик.

-В гости, так в гости,- коротко подвел итог Славка, подумав, что смыться никогда не поздно.

Квартира, в которую они вошли, представляла из себя типичную совдеповскую малосемейку. Слева у входа находилась встроенная раздевалка, справа- туалет. Далее следовала собственно комната площадью квадратов десять. По обоим стенам, друг против друга, стояли две кровати, заправленные серыми солдатскими одеялами. Между ними, впритык, едва уместился небольшой стол со стоящей около него табуреткой. У изголовья одной кровати стоял стул с развешенными на нем предметами женского туалета, у изголовья другой - какие-то ящики. Все это дополняли закрывающие стены прикроватные коврики, такие после войны в изобилии продавались на блошинных рынках. Славка точно такие же видел в кино. На ковриках были изображены лебеди, русалки и прочая мур. Поставив табуретку между коек, они расположили на ней стаканы и закуску, предусмотрительно прихватившую из ресторана Екатериной: чего добру пропадать. Она же достала из-за занавески на окне бутылку спирта и разлила.

-Запивать будете, мальчики?

Славка понюхал налитое и понял, что без воды это пойло не осилить. Спирт отдавал уксусной эссенцией и еще чем-то непередаваемым. Когда выпили по второй, Эдик полез целовать Катю.

-Ну, что ты, миленький,- шутливо отбивалась она.- Ох, какой настырный!

-Может останешься?- прошептала Наташа.

Славка посмотрел ни тискающего Катерину Эдика,

который уже ничего не видел, кроме нее и подумал:»А, было, не была, к утреннему разводу успеем».

-Не пора ли бай-бай, граждане, время позднее? Поднявшись, он выключил свет и начал торопливо раздеваться, бросая амуницию на спинку стула.

-Иди сюда, не ударься,- позвала Наташа и он, шагнув в сторону голоса, нырнул под колючее одеяло навстречу ее протянутым рукам. Ее жаркое, ждущее тело прижалось к нему, а губы отыскиали его губы. Ладонью он чувствовал упругость ее кожи, ощущал подрагивание мягкого живота. Всю ее сотрясала дрожь давно не утоленного желания. Губы его скользнули ниже и нашли, сразу отвердевший от их прикосновения, сосок. Дыхание ее стало прерывистым и частым, как будто ей не хватало воздуха. Она все крепче прижимала к себе его голову.

-Ну, иди же ко мне,- простонала она.-Скорей, скорей, ох, не могу!

Тело ее напряглось и она торопливо начала помогать ему. Сильные, стройные бедра обхватили его и понесли по волнам восторга.

-Еще, еще,- шептала она, изгибаясь и постанывая.-Милый, еще!

И Славкино сознание растворилось в охватившей все его молодое тело жаркой истоме, в рассыпанных по подушке золотистых локонах, пахнущих жасмином и еще чем-то неуловимым и возбуждающим...

Под утро, тихонько поднявшись, чтобы не разбудить, безмятежно спящую любимую, Славка пошел в туалет. Возвратившись назад, в тусклом свете лившегося из окна утра он увидел, разинув от неожиданности рот, картину, сразу отрезвившую его. Сползшее на пол одеяло обнажило раскинувшуюся во сне Наташу, и он разглядел, что все ее красивое, идеальное по формам тело от бедер до груди было покрыто цветастыми наколками, от милых

датских головок, до непристойных выражений лагерного лексикона. А на животе красовалось профессионально выполненное изображение фаллоса. “У-тю-тю, пора делать ноги», - дошло, наконец, до Славки.

-Эдик,- шепотом позвал он Лошакса, толкнув в плечо, поднимайся, дружище, в часть пора.

Он бережно, как можно осторожнее, накрыл Наташку одеялом, и она, повернувшись лицом к стене, зачмокала во сне губами.

-Давай, собирайся в темпе,- поторопил он поднявшегося Эдика. - И тихо, не топай, а то разбудишь, Одевшись, они не обувая сапог, на цыпочках вышли в коридор, бесшумно закрыв за собой дверь. Прохладный, утренний воздух ворвался в легкие, когда они полностью экипированные, подтянутые портупелями, вышли на улицу.

-Ну и дела!- только и сказал Славка, направляясь по переулку в сторону карьера, за которым располагались наскоро собранные из щитов казармы их родного батальона. Уже на подходе к части он неожиданно расхохотался, подняв с рябины стайку спящих в ее ветвях синиц.

-Ты что, тронулся? - вытаращил на него глаза Эдик. А Славка все ржал и никак не мог остановиться. Он представил себе, как всегда подтянутый, стройный и красивый Лошакс идет по улице с Катериной под ручку. Ну, умора! Мужики бы просто ошалели. Особенно если учесть, что жена у Эдика была женщиной, о которых говорят: ни один мужик на улице мимо не пропустит. А тут мамаша, да еще с потертой мордой, сдохнуть от смеха можно. Все это он и высказал помрачневшему лейтенанту.

-Затмение нашло,- буркнул, насупившись, Эдик. -С кем не бывает? Бог увидит, лучше даст. Пить меньше надо.

-Это точно.

Но когда Эдик выслушал рассказ Славки об увиденных художествах на Наташкином животе, настроение у него улучшилось.

-Не все коту масленица!

К плацу, где проходил утренний развод батальона они уже шли весело болтая и хохоча над каждой остротой, почти забыв эту бурную ночь. История на этом не закончилась.

По субботам, утренним поездом из Советского приезжали жены офицеров и прапорщиков, навестить своих благоверных. Шла подготовка к сдаче моста и выезды на побывку домой стали редкостью. Славка любил эти субботы: можно было наесться домашних разносолов и всяких вкусностей, которыми его, как холостяка, потчевали сердобольные матери семейств. Кроме того, от них можно было узнать самые последние новости о жизни городка: что, где, когда и почему. После обеда они с Лошаксом и его женой Эммой отправились прогуляться по Першино и заодно посетить местные магазины. Эмма, яркая, высокая, светловолосая латышка с огромными голубыми глазами, обрамленными такими густыми и длинными ресницами, что их хотелось потрогать, шла под руку со своим Эдиком, всем своим видом показывая встречным: глядите, какая я и какой у меня красивый муж. Поднимаясь на ступени очередного продмага, Славка вдруг услышал: Эдик, Эдик! Оглянувшись, он увидел бегущую по улице, в их сторону Катерину с бутылкой краснухи в руке. Незаметно толкнув Эдика в бок, он показал глазами вдоль улицы. Лошакс оглянулся и побледнел.

-Вы идите, а я вас догоню,- сказал он супругам, открывая дверь, и вполголоса Эдику, -не рисуйся в поселке.

Как только дверь магазина захлопнулась, Славка решительно зашагал навстречу запыхавшейся Катерине.

-Катя, какими судьбами!- Славка распахнул объятия, сгробастал ничего не понимающую, полупьяную женщину и почти понес ее в ближайший переулок. -Пошли, дорога, выпьем.

-А, где Эдик?- захныкала Катерина.

-Эдик сейчас к нам подойдет. Пошли, пошли, никуда он не денется.

Поминутно оглядываясь назад, женщина подчинилась решительному напору Славки и, успокоившись, заулыбалась.

-А в гости к нам пойдете?

-Обязательно, только Эдкуждеждемся.

Вечером, когда поезд еще не отошел от перрона, Славка сказал испугано озирающемуся Эдику:

-Ну, старик, с тебя пол-литра! И, вообще, тут пол-литры мало.

-О чем речь,- сказал проходящий в себя Лошакс,
-когда ставить?

-Да, хоть сейчас. Пошли в “Лозьву”.

-Пошли.

И они бодро зашагали по пыльной дороге в сторону загорающихся окон домов. Стояло лето, воздух был наполнен запахом цветущего в палисадниках табака.

А что еще нужно человеку в двадцать пять?

31 января 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Неизбежна весна

Неизбежна весна, как пролог...	5
Крутояр над речкой моей...	7
Заячий след на снегу...	8
Фантазия.	9
На Супре.	12
В нашей жизни...	14
Песенка о судьбе.	16
Устаю от непрошенных дел...	18
Запотевшие стекла...	20
Подвожу итог проигранных битв...	21
Вальс опавшей листвы.	23
Вечер. Одиночество...	25
Дорожная баллада.	27
Исповедь ловеласа.	30
Ностальгия.	33
Походная песня.	35
Поэтам.	37
Роза ветров.	38
Вечерний полет.	40
Две точки зрения.	42
О пользе литературного труда.	44
Проходит наше лето незаметно...	46
Мы в стране дураков не привыкли к безделью...	48
Аянский вальс.	50
Дорожная песня.	52
Вот и снова упал снег...	54
Полуголодных и полураздетых...	55
Солнечный в небе круг...	57
Потерпи, мне внушают...	59
Разделась и, как мертвая, легла...	61
Время – мой странный спутник...	62
Март. Земля разбужена...	64
Размышления о теории эволюции.	66

Уставший от дерзаний...	68
Волхвам.	70
Я шарю по карманам коробок...	72
Если в доме у меня вдруг...	73
Воспоминания о гитаре.	74
Баллада о потерянном обозе.	75
Все, что с нами было, будет без...	78
Не спадает мороз, хоть убей...	80
Началась полоса невезенья...	82
Все выбросив из головы, как ересь...	83
В часах судьбы песка не так уж много...	85
Монолог колхозника у избирательной урны.	86
Наваждение.	88
Все и вся связала Парки нить...	90
Не поверив в пустые молитвы...	92
В один пучок завязаны узлом...	93
Вот и все. Снегопад...	94
Бумаги лист...	95
Яйцеголовым.	96
И зачем мне собачья свара...	98
На коралловом рифе.	99
По тропе над берегом из леса...	101
К строке – строка...	103
Куст рябины зацвел...	104
Страдания.	105
Зимние сны.	107

Отечества достойные сыны

Родословная.	110
Владимир Мономах.	115
Ременвер.	119
Ермак.	123

Невезуха

Невезуха. Рассказ.	136
--------------------	-----

Одену я шапку ушанку. Повесть.	143
Один день. Рассказ.	209
Яшка. Рассказ.	219
Свадьба. Рассказ.	229
Затмение. Рассказ.	237

Станислав Георгиевич Юрченко

Облака на закате

стихи, поэмы, проза

В авторской редакции

Дизайн А.Колосков

Рисунки автора

Сдано в набор 29.12.01

Подписано в печать 09.04.02

Формат 60x80/16. Печать офсетная

Условных печатных листов 15,9

Тираж 500 экз. Заказ №8233

Лицензия ИД №1441 от 5.04. 2000г.

628240, г. Советский Ханты-Мансийский АО

ул. 50 лет Пионерии, 11 «в»

УП ХМАО «Советская типография»

Тел. (34675) 3-10-84, 3-2209

X

95802004
Окружная библиотека

Станислав Георгиевич Юрченко,
член Союза писателей России.
Проживает в г. Советский
Тюменской области.

Автор поэтических сборников

“Причастие” (1990),

“Листопад” (1998),

“Переулки забытых свиданий” (2000).